

ISSN 0373-658X

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

4

2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

Москва

2023

Главный редактор:

В. А. ПЛУНГЯН д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. ВАХТИН д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. ПОДЛЕССКАЯ д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. АЛПАТОВ д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. АПРЕСЯН д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. БОГУСЛАВСКИЙ д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. ВОЕЙКОВА д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

В. З. ДЕМЬЯНКОВ д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Стокгольмский университет, Швеция

А. Ф. ЖУРАВЛЁВ д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. ИОСАД Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. КАЗАНСКИЙ д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. КИММЕЛЬМАН Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. КУСТОВА д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. МОЛДОВАН д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. ПОЛИНСКАЯ Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. РАХИЛИНА д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. ТЕСТЕЛЕЦ д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. ЯНДА Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. ГАННУС

Зав. отделами: Л. С. КОЗЛОВ, А. С. КУЛЕВА

Отдел рецензий: М. И. САТИНА

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <https://vja.ruslang.ru>

© Российская академия наук, 2023

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2023

ISSN 0373-658X

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

4

JULY — AUGUST

Moscow

2023

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Dmitrij O. DOBROVOL'SKIJ Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Stockholm University, Sweden
Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina V. RAKHILINA HSE University; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Lev S. KOZLOV, Anna S. KULEVA

Review editor: Maria I. SATINA

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

В. А. Чирикба. Дистрибутивные модели адыгских гласных и реконструкция общеадыгской вокалической системы	7
И. А. Стенин. О пассивных глаголах с показателем <i>-ra / -rye</i> в тундровом ненецком языке	21
М. В. Ермолова. К вопросу о грамматикализации страдательных причастий прошедшего времени в старорусском языке	47
А. М. Петров. Существует ли трехиктный былинный тактовик?	65
К. Ю. Лаппо-Данилевский. Логаэды Г. Р. Державина	96

Из истории науки

Н. Б. Вахтин. Роман Якобсон и алеутские материалы В. И. Иохельсона	117
Д. С. Глебова, Д. А. Голованенко. Лингвистическая мысль средневековой Исландии: Первый грамматический трактат	129

Обзоры

А. А. Кибрик. «Лингвистика, основанная на мышлении: как языки преобразуют мысли в звуки». Итоговая книга У. Чейфа	157
---	-----

Contents

Viacheslav A. CHIRIKBA. Distributive patterns of Circassian vowels and reconstruction of the Common Circassian vowel system	7
Ivan A. STENIN. On passive verbs with the marker <i>-ra / -rye</i> in Tundra Nenets	21
Maria V. ERMOLOVA. On the grammaticalization of past passive participles in Middle Russian	47
Alexander M. PETROV. Is there a three-ictic <i>taktovik</i> in the verse of Russian bylinas?	65
Konstantin Yu. LAPPO-DANILEVSKII. Gavriil Derzhavin's logoaedic verse	96

Heritage

Nikolai B. VAKHTIN. Roman Jakobson and the Aleut materials collected by Waldemar Jochelson	117
Daria S. GLEBOVA, Denis A. GOLOVANENKO. Linguistic thought of Medieval Iceland: The First Grammatical Treatise	129

Surveys

Andrej A. KIBRIK. <i>Thought-Based Linguistics: How Languages Turn Thoughts into Sounds</i> . Wallace Chafe's concluding book	157
---	-----

Дистрибутивные модели адыгских гласных и реконструкция общеадыгской вокалической системы

© 2023

Вячеслав Андреевич Чирикба

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия; chirikba@gmail.com

Аннотация: Современные адыгские языки (адыгейский и кабардинский) обладают трехчленной системой гласных, различающихся по степени открытости: открытый *a*, закрытый *y* и средний между ними *ə*. В статье анализируется дистрибуция и фонотактика адыгских гласных в слоговых цепях *СГСГ*. Двусложные слова модели *#СГСГ#* имеют следующие возможности реализации с точки зрения дистрибуции гласных: *CaCa*, *CaCə*, *CəCa*, *CaCy*, *CəCə*, *CəCy*, *CyCa*, *CyCə*, *CyCy*. В последовательности /Г+Г/, гласный /ə/ всегда ассимилируется гласным /a/, а /y/ всегда ассимилируется гласными /a/, /ə/. Большинство авторов не подвергает сомнению наличие в праадыгском языке по крайней мере двух фонемных гласных. Что касается поздней стадии праадыгского языка, которую можно назвать общеадыгской, то в отличие от двухчленного вокализма раннего праадыгского языка, общеадыгский язык, по-видимому, уже обладал трехчленной системой *a ~ *ə ~ *y. Контраст *a ~ *ə, таким образом, не идет глубже позднего праадыгского (общеадыгского) периода и является результатом фонологизации позиционного аллофонического контраста *[a] ~ *[ə]. Дается обзор мнений касательно так называемого «правила двух открытых слогов». На основе звукосоответствий между адыгскими языками в области гласных осуществляется реконструкция трехчленной вокалической системы общеадыгского языка. Обсуждаются исключения и нерегулярные вокалические соответствия.

Ключевые слова: абхазо-адыгские языки, адыгейский язык, вокализм, кабардинский язык, реконструкция

Благодарности: Я благодарю Ю. А. Ландера и анонимного рецензента за ценные комментарии к тексту статьи.

Для цитирования: Чирикба В. А. Дистрибутивные модели адыгских гласных и реконструкция общеадыгской вокалической системы. *Вопросы языкознания*, 2023, 4: 7–20.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.7-20

Distributive patterns of Circassian vowels and reconstruction of the Common Circassian vowel system

Viacheslav A. Chirikba

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; D. I. Gulia Abkhaz Institute for Humanitarian Research, Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum, Abkhazia; chirikba@gmail.com

Abstract: Modern Circassian languages (Adyghe and Kabardian) have a threefold vocalic system based on the degree of openness: open /a/, close /e/, and mid /ə/. The article analyzes the distribution and phonotactics of Circassian vowels in *CVCV* syllabic chains. The disyllabic words of structure *#CVCV#* have the following options of vowel distribution: *CaCa*, *CaCe*, *CeCa*, *CaCə*, *CeCe*, *CeCə*, *CəCa*, *CəCe*, *CəCə*. In the sequence /V+V/, the vowel /e/ is always assimilated to /a/, and /ə/ is always assimilated to /a/ or /e/. As in Abkhaz, but unlike in Ubykh, in Circassian languages combinations of vowels are always realized as one vocalic sound (/V+V/ = [V]). Most authors do not question the existence

of at least two phonemic vowels in Proto-Circassian. As for the late stage of Proto-Circassian, which can be called Common Circassian, in contrast to the two-term vocalism of the early language, a three-fold system *a ~ *e ~ *ə appears to have developed at that point. The contrast *a ~ *e, thus, does not go deeper than the late Proto-Circassian (i.e., Common Circassian) period and is the result of phonologization of the positional allophonic contrast *[a] ~ *[e]. The so-called “rule of two open syllables” is discussed. On the basis of vocalic correspondences between Circassian languages, a three-term vocalic system of Common Circassian is reconstructed. The author also discusses exceptions and irregular vocalic correspondences.

Keywords: Abkhaz-Adyghe, Adyghe, Kabardian, reconstruction, vowels

For citation: Chirikba V. A. Distributive patterns of Circassian vowels and reconstruction of the Common Circassian vowel system. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 4: 7–20.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.7-20

*Памяти учителя, выдающегося лингвиста-кавказоведа,
профессора Мухадина Абубекировича Кумахова*

1. Дистрибуция и фонотактика адыгских гласных¹

Западнокавказский вокализм представляет собой редкий, если не уникальный, случай «линейной»² или «вертикальной» вокалической системы, где единственно значимым фонемным признаком является различие в степени открытости [Трубецкой 1960: 108–109; Kuipers 1960: 32].

Современные адыгские языки (адыгейский и кабардинский)³ обладают трехчленной системой гласных: открытый *a*, закрытый *y* и средний между ними *ə*. Фонемный статус этих трех единиц демонстрируется следующими минимальными парами:

- (а) /ə/ vs. /y/: адыг., каб. *дэ-н* ‘шить’ (неперех.) ~ *ды-н* ‘шить что-то’ (перех.); *дэ* ‘орех’ ~ *ды* ‘шей!'; *псэ* ‘душа’ ~ *псы* ‘вода’; *плэ* ‘холка’ ~ *плы* ‘четыре’; адыг. *йыщэ-н*, каб. *йышэ-н* ‘принести, нести куда-либо’ ~ адыг. *йыщы-н*, каб. *йышы-н* ‘принести, нести откуда-либо’; адыг. *нэ* ‘глаз’ ~ *ны* ‘мать’.
- (б) /a/ vs. /y/: каб. *ла* ‘умерший’ ~ *лы* ‘мужчина’; *йа* ‘их’ ~ *йы* ‘его/ее’; ‘восемь’; *ха* ‘скошенный’ ~ *хы* ‘шесть’; ‘море’; *тха* ‘написанный’ ~ *тхы* ‘пиши!’; ‘спина’; адыг. *псаль* ‘речь’ ~ *псылъ* ‘болотистое место’; адыг., каб. *ма* ‘на, возьми!’ ~ *мы* ‘это(т)’; ‘яблоко-дичок’.
- (в) /a/ vs. /ə/: адыг., каб. *ба* ‘поцелуй’ ~ *бэ* ‘много’; каб. *на* междометие удивления ~ *нэ* ‘глаз’; *уа* междометие испуга ~ *уэ* ‘ты’; *клуа* ‘ушедший’ ~ *клуэ* ‘иди!’; *йатх* ‘они

¹ В случаях, когда не упоминаются отдельно адыгейский или кабардинский языки, сказанное относится к обоим языкам. В статье для подачи адыгского материала используется официальная адыгейская транскрипция с некоторыми дополнениями: двоеточие справа от согласного обозначает силу, справа от гласного — долготу, знак ^h справа от буквы — аспирацию, *ø* — нулевую морфему, дефис указывает на морфемную границу, *Г* обозначает гласный, *С* — согласный, *СС* — сочетание согласных, знак # обозначает абсолютное начало или конец слова; в косые скобки помещаются фонемы, в квадратные — звуки / аллофоны. Латинская транскрипция основана на системе Международной фонетической ассоциации.

² В классификации вокалических признаков Н. С. Трубецкого [1960: 107] гласные фонемы в линейных системах характеризуются различием лишь по степени раствора / полнозвучности, но лишены смысловозначительных тембровых / локальных признаков.

³ Адыгейский язык состоит из четырех диалектов: темиргоевского, бжедугского, абадзехского и шапсугского; кабардинские диалекты — бесленевский, баксанский, диалект Большой Кабарды, диалект Малой Кабарды, кубанский, малкинский, моздокский.

пишут' ~ *йэтх* 'он пишет'; *ха* 'скошенный' ~ *хэ* 'шесть раз'; *да* 'сшитый' ~ *дэ* 'орех'; *данэ* 'шелк' ~ *дэнэ* 'где?', 'куда?'; адыг. *уына* 'это дом?' ~ *уынэ* 'это дом'; *джан* 'рубаха' ~ *джэн* 'звать'; *ма* 'на, возьми!' ~ *мэ* 'запах'; *пчан* 'талия' ~ *пчэн* 'кашель', *тан* 'бобр' ~ *тэн* 'дарить'.

Насчет количества гласных имеются и иные мнения. Канадский кавказовед Джон Коларуссо полагает, что кабардинский обладает двучленным вокализмом [Colarusso 1992: 18, 36], что сближало бы эту систему с абхазской, в то время как его голландский коллега Аарт Куйперс сводил число гласных фонем в кабардинском лишь к одной единице [Kuipers 1960: 33 ff.]. Хотя теория моновокализма адыгских языков не получила поддержки (см. ее справедливую критику в [Кумахов 1973]), мнение о бивокализме адыгских языков все же заслуживает внимания.

Дело в том, что фонемный контраст между *a* и *э* не столь очевиден, как между *э* и *ы*. Хотя приведенные выше примеры в целом достаточны для постулирования фонемного статуса *a*, тем не менее, составляющие минимальные пары слова с гласной *a* включают в основном либо детские слова (как *ба* 'поцелуй'), либо междометия или аффиксальные элементы. Даже приведенные выше минимальные пары, состоящие из слов «нормального» лексикона (типа *джан* ~ *джэн*, *пчан* ~ *пчэн* и др.), не являются вполне удовлетворительными ввиду того, что эти адыгейские слова представлены в предикативной («словарной») форме, в которой конечный -э, в отличие от кабардинского, регулярно опускается [Чирикба 2019: 24–25]. Непредикативная форма сохраняет исходную полногласную форму (*джанэ*, *пчанэ*), в которой гласный *a* первого слога возникает из *э* согласно правилу «двух открытых слогов» (см. ниже в 2.1). Можно предположить, что и в предикативной форме в цитируемых выше именах структуры *C(C)aC* (из *C(C)aCэ*) гласный *a* на глубинном уровне (underlying / deep level) по-прежнему являет собой фонему *э*. Ввиду вышесказанного, представляется, что проблема количества гласных фонем в адыгских языках нуждается в дальнейшем обсуждении.

Другие гласные звуки, такие как [и, е, о, у] и др., не имеют статуса фонем и представляют собой позиционные варианты гласных /ы/, /э/, /а/ в контакте с полугласными *й* или *у*. Ср. следующие примеры из кабардинского:

/ы+й/ > [i(j)]	/сабий/	[sabi(j)]	'ребенок'
/й+ы/ > [ji]	/йыз/	[jiz]	'полный'
/й+э/ > [jɛ]	/йэфэ/	[jɛfɛ]	'пить что-либо'
/э+у/ > [o(w)]	/псэу/	[pso:(w)]	'целый, весь'
/у+э/ > [wo]	/фйыуэ/	[f'iwɔ]	'хорошо'
/у+ы/ > [wu]	/уынэ/	[wunɜ]	'дом'
/ы+у/ > [u:]	/джьэдыу/	[dʒʲɛdu:]	'кошка'

1.1. Распределение адыгских гласных в слоговых цепях #ГC(C)...

Существуют определенные разногласия касательно вокалического анлаута адыгских языков. Согласно разделяемому рядом специалистов мнению, в абсолютной начальной позиции возможен только гласный /а/ [Яковлев 1948: 341; Рогава, Керашева 1966: 21; Kuipers 1960: 38; Кумахов 1981: 44], хотя является несомненным, что в отдельных случаях возможен и анлаут, содержащий *ы-* (см. 1.1 (Б)). Х. Урусов [1980: 336–337], напротив, утверждает, что в начальной позиции возможен лишь гласный /э/, за исключением

междометия *aIə* ‘нет’ (см. также [Турчанинов, Цагов 1940: 26]), хотя имеющиеся факты противоречат данному утверждению.

Другим дискуссионным вопросом является наличие перед анлаутным гласным протетического звука. Согласно некоторым авторам, последовательности *#ГС-* предшествует протетический глоттальный спирант [h]. Так, согласно Н. Яковлеву и Д. Ашхамафу [1941: 409], в адыгейском начальный */#a-/* реализуется либо как [ʰa-], либо как [hэ-], а */#ы-/* — как [ʰы]. М. Кумахов [1981: 44–45] также цитирует адыгские формы с протетическим *h*, тогда как А. Куйперс [Kuipers 1975: 83] трактует только кабардинский анлаутный гласный как преаспирированный *hэ-*, приводя все адыгейские примеры без глоттальной протезы.

Следует полагать, что обязательное зашумление гласного анлаута, по-видимому, соблюдается не во всех диалектах. Так, необязательный характер протезы очевиден, например, в абадзехском диалекте Сири, где последовательность «начальный */a/* плюс согласный» (т. е. */#aC-/*) может быть альтернативно реализована как [вC-], [ʰвC-], либо [ʰзC-] [Paris 1989: 161]. Схожая вариация отмечена и в диалекте шапсугов Турции [Paris 1992: 296]. Согласно М. Кумахову [1981: 44–45], общеадыгское сочетание **[ʰвC-]* регулярно менялось на *[#ʰзC-]* в кабардинском, но только спорадически в адыгейском, что относится также к последовательности с преглоттализацией начального гласного **[#ʰвC-]*. Урусов [1980: 337] же вообще отрицает наличие протетического ларингального перед начальными гласными. Следует отметить, что мои кабардинские информанты также произносили начальный *a-* без какого-либо зашумления. Здесь я буду трактовать все возможные случаи *[#ГС-]* либо *[#ГC-]* фонологически как */#ГC-/*. Ниже приводятся примеры на начальную последовательность гласный + согласный (*#ГC-*) в адыгских диалектах, которая может иметь такие реализации, как *#aC(C)#*, *#aC(C)э#*, *#aC(C)ы#*, *#ыСГ-*.

А. Примеры на последовательность *#aC(C)Г#*

- а) *#aC(C)#*: адыг. *a-p* ‘тот’ (им. п.), *a-щ* ‘тот’ (эрг. п.), *ay* ‘но, однако’, адыг. *алт*, каб. *альп* ‘мифический конь’ (< тюрк.).
- б) *#aC(C)э#*: адыг. *агъуэ* ‘омела’, *адэ* ‘нарыв’, адыг. *ашъуэ*, каб. *афэ* ‘кольчуга’, адыг. *ачъэ*, каб. *ажэ* ‘козел’, адыг., каб. *адэ* ‘там’, каб. *абгъуэ* ‘гнездо’, *aIə* ‘нет’, *amIə* ‘но; итак’, *адэ* ‘отец’, *анэ* ‘мать’.
- в) *#aC(C)ы#*: тем. *апсы* ‘деревянная чаша’ (< арм.), бжед. *апчы* ‘стекло’ (< осет.), шапс. *агъуы* ‘корзинка из древесной коры’.

Значительную часть слов с начальным *a-* составляют заимствования. В других случаях наличие начального *a-* может объясняться утратой предшествующего глайда *й-*. Так, в глагольных формах некоторых адыгейских диалектов сонантический элемент *й-* в агентивном префиксе множественного числа *йа-* ‘они’ может опускаться, в результате чего *a-* оказывается в начальной позиции, так как прямой объект третьего лица выражен нулем, ср. каб. *ø-йа-лъэгъу-а-шь* ~ адыг. *ø-а-лъэгъуы-гъ* ‘то-они-увидели’, каб. *ø-йа-тх* ~ адыг. *ø-а-тхы* ‘то-они-пишут’, каб. *ø-йа-шэ* ~ адыг. *ø-а-шэ* ‘то-они-ведут’ и т. д. Другой случай начального *a-* в адыгейском связан с различием неотчуждаемой и отчуждаемой принадлежности, реализующейся в 3 л. мн. ч., соответственно, префиксами *a-* и *й+a-*, ср. адыг. *a-нэ-хэ-р* ‘их глаза’, *a-Iə-хэ-р* ‘их руки’, *a-пхъуы* ‘их дочь’, *a-ш* ‘их брат’, *a-цIэ* ‘их имя’ vs. *йа-тхыль* ‘их книга’, *йа-гъуынэгъу* ‘их сосед’, *йа-уынэ* ‘их дом’, *йа-хъакIэщ* ‘их гостевой домик’⁴.

Б. Примеры на последовательность *#ыСГ-*

- а) Начальный *ы-* появляется в некоторых адыгейских диалектах в результате опущения предшествующего *й-* в субъектном показателе 3 л. ед. ч. (*йы-*). Очевидно, это

⁴ Поссесивный префикс *йа-* ‘их’ может быть результатом метатезы из **a+йы-* (3 л. мн. ч. + поссесивный префикс), см. [Аркадьев, Тестелец 2009: 141]; см. тж. [Рогава, Керашева 1966: 143]).

довольно поздняя инновация, т. к. соответствующие формы в других адыгских диалектах сохраняют исходную ситуацию. Ср. каб. *ø-йы-лъэгъу-а-шь*, шапс. *ø-йы-лъэгъуы-гъ* vs. тем., бжед. *ø-ы-лъэгъуы-гъ* ‘то-он-увидел’, шапс. *ø-йы-шта-гъ* vs. тем., бжед. *ø-ы-шта-гъ* ‘то-он-взял’, каб. *ø-йы-тх-а-шь* vs. тем. *ø-ы-тхы-гъ* ‘то-он-написал’ и т. д. В неначальной позиции *й-* сохраняется, ср. адыг. *т-йы-ца-гъ*, каб. *д-йы-ша-шь* ‘нас-он-вел’.

- б) Другим примером начального *ы-* в адыгейском является посессивный префикс 3 л. ед. ч. неотчуждаемой принадлежности *ы-*, противопоставленный префиксу *йы-*, выражающему отчуждаемую принадлежность, ср. *ы-нэ* ‘его глаз’, *ы-ш* ‘его брат’, *ы-пхъуы* ‘его дочь’, *ы-цI* ‘его имя’, *ы-бзэ* ‘его язык’, *ы-ныбжъ* ‘его возраст’, *ы-бгъэ* ‘его грудь’, *ы-пашъхъэ* ‘перед ним’ vs. *йы-тхыль* ‘его книга’, *йы-дэхагъ* ‘его красота’, *йы-гъуынагъу* ‘его сосед’, *йы-уахътэ* ‘его время’.
- в) Сюда же можно добавить каб. отрицательное междометие *ыIы* ‘нет’⁵.

1.2. Реализация моделей *СГС*, *СГ*

Односложные слова могут состоять из закрытого или открытого слогов: #*СГС*#, #*СГ*#.

А. Последовательность #*СГС*#.

Последовательность #*СГС*# может быть реализована как #*СаС*#, #*СэС*# или #*СыС*#.

Примеры:

- (а) #*СаС*#: каб. *баиш* ‘палка’ (ср. бжед. *баиц^ьы*, тем. *бэиц*), *сакIъ* ‘осторожный/быть осторожным’ (бжед. *сакъ:ы*), *жан* ‘острый, энергичный’ (бжед. *ч:аны*), адыг., каб. *баз* ‘пари’, адыг. *бай* ‘богатый’, *къаиц* ‘крест’, *хъау* ‘нет’ и т. д. Эта модель включает либо слова с нерегулярным вокализмом (как *баиш*), либо, чаще всего, заимствованные слова или междометия (как в остальных примерах).
- (б) Структура #*СэС*# обязана опущению конечного *-ы*, ср. каб. *пэбж* ‘равный’ (тем. *пэлчъы* ‘каждый раз’), *пэлл* ‘красноносый’ (тем. *пэллы*), *нэлцI* ‘фальшивый, лживый’ (бжед. *нанцI/ы*), *мэз* ‘лес’ (бжед. *мэзы*), *уэркъ* ‘аристократ’ (тем. *уэркъы*), адыг. *мэкъу*, каб. *мэкъIу* ‘сено’ и т. д.
- (в) #*СыС*# встречается в кабардинском языке вследствие опущения конечного *-ы* (см. адыгейские соответствия в 1.3 (и)): *пыжъ* ‘терн’, *быдз* ‘женская грудь’, *дыу* ‘амбар’, *дыд* ‘шило’, *цIыв* ‘клоп, жук’, *уыз* ‘боль, болезнь’.

Б. Последовательность #*СГ*#.

Данная последовательность может быть реализована как #*Са*#, #*С(С)э*# и #*С(С)ы*#.

Примеры:

- (а) #*Са*# встречается в кабардинском в формах результата: *да* ‘сшитый’, *тха* ‘написанный’, *ва* ‘сваренный’; ср. также адыг., каб. *ба* ‘поцелуй’, *ма* ‘на, возьми!’.
- (б) #*С(С)э*#: адыг., каб. *пэ* ‘нос’, *пIэ* ‘постель’, *бэ* ‘много’, *псэ* ‘душа’, адыг. *те*, каб. *дэ* ‘мы’ и т. д.
- (в) #*С(С)ы*#: адыг., каб. *тIы* ‘баран’, *цы* ‘волос, шерсть’, *жъы* ‘старый’, *псы* ‘вода’.

⁵ В речи моего информанта слово звучит *IыIы* [‘i’i’i], что может представлять вариантное произношение.

1.3. Реализация модели СГСГ

Двусложные слова модели (#СГСГ#) имеют следующие возможности реализации с точки зрения дистрибуции гласных: *CaCa*, *CaCэ*, *CэCa*, *CaCы*, *CэCэ*, *CэCы*, *CыCa*, *CыCэ*, *CыCы*.

- (а) *CaCa* встречается в некоторых адыгейских глагольных формах с вопросительным суффиксом *-а* (ср. *ма-клу-а* ‘он идет?’, *ма-джь-а* ‘он читает?’, *клуа-гъ-а* ‘он ушел?’) и в местоимениях, ср. каб. *дара* ‘который, какой’.
- (б) Примеры для модели *CaCэ*: адыг. *дахэ* ‘красивый’, адыг. *хьашьуэ*, каб. *хьафэ* ‘резина’, бжед. *тцъапъэ*, каб. *пианэ* ‘сумерки’, бжед. *матъэ*, каб. *матэ* ‘корзина’ и т. д.; см. об этой модели в 2.1.
- (в) Модель *CэCa* встречается в адыгейских вопросительных формах с суффиксом *-а*, ср. *хэт-а* ‘кто?’, *й-э-джь-а* ‘он читает?’, *й-э-хь-а* ‘он несет?’, *й-э-тх-а* ‘он пишет?’. Сюда же относятся формы с эмфатической частицей *-ба*: адыг. *клуэ-ба* ‘иди же!’.
- (г) Модель *CaCы*: бжед. *байы* (ср. тем. *бай*, каб. *бэй*) ‘богатый’, бжед. *ц:ахьы* (ср. тем. *цыхьэ*, каб. *дзыхь(э)*) ‘вера, доверие’, бжед. *псауы* ‘здоровый’ (каб. *псэу*), бжед. *сакъ:ы* ‘осторожный; быть осторожным’, *ч:аны* ‘острый; энергичный’, тем. *лалы* ‘дикий’ (каб. *лэл*), бжед. *ланллы* ‘объятие’ (каб. *лэнллэ*), тем. *лагуы*, *цагуы* ‘двор’ и т. д. Эта модель содержит либо слова с нерегулярным вокализмом (как в *ц:ахьы*, *псауы*, *лалы*, *ланллы*, *лагуы*, *цагуы*), либо заимствованные слова (остальные примеры).
- (д) Модель *CэCэ* встречается редко в существительных, местоимениях, наречиях или глагольных формах, см. каб. *бжъэтэ*, наряду с *бжъанэ* ‘возвышенность, холм’, адыг. *сэххуэ* ‘сабля’⁶, каб. *күэсэ* ‘безбородый’ (< тур.), *клуэклэ* ‘походка’, *бзэклэ* ‘способ резки’, *дэнэ* ‘где?’, адыг. *зэклэ* ‘все’, *гуэрэ* ‘кто-либо/что-либо’, бжед. *уэдэ* ‘там, туда’, *тъэдэ* ‘куда?’, адыг. *йэ-джьэ* ‘читай это!’, *с-э-клуэ* ‘я иду’, *къ-э-клуэ* ‘он(а) идет сюда’⁷.

С другой стороны, гласный /э/ в кабардинском является регулярным в предпоследнем слоге после глоттальной смычки (или протетическим *h*, см. выше), ср. каб. *лэблэ* ‘рука’ (адыг. *лаблэ*), *лэнэ* ‘маленький трехногий столик’ (адыг. *ланэ*), *лэхьуэ* ‘пастух’ (адыг. *лахьуэ*) и т. д.; кажется, единственным исключением является кабардинское междометие *лагъ*.

- (е) Модель *CэCы* в основном встречается в адыгейском, т. к. кабардинский утратил конечный *-ы*, см. примеры в (б) в 1.2 (А). Редким примером в кабардинском является местоимение *йэзы* ‘он сам’.
- (ж) Модель *CыCa* встречается в адыгейском в вопросительных формах: *сид-а* ‘что?’, *уын-а* ‘это дом?’.
- (з) Модель *CыCэ*: адыг. *тыгъэ*, каб. *дыгъэ* ‘солнце’, адыг. *ныкъуэ*, каб. *ныкълуэ* ‘половина’, адыг. каб. *мыгъуэ* ‘несчастливый, невезучий’, *уынэ* ‘дом’.
- (и) Модель *CыCы* сохранилась в основном в адыгейском, тогда как в кабардинском она была сокращена до *CыC* (см. примеры в (в) в 1.2 (А): адыг. *пыжъы* ‘еж’, *быдзы* ‘женская грудь’, *дыды* ‘шило’, *цлыжъуы* ‘клоп, жук’, *уызы* ‘боль, болезнь’, шапс. *тыуы* ‘амбар’ и т. д.

⁶ Сэ ‘нож’ в сочетании с *-шхуэ* ‘большой’; последний относится к числу аффиксальных элементов, блокирующих реализацию правила двух открытых слогов; см. [Рогав, Керашева 1966: 48].

⁷ Префикс динамичности /настоящего времени э- относится к числу морфем, блокирующих реализацию правила двух открытых слогов; см. [Smeets 1984: 197; Аркадьев, Тестелец 2009: 127]. Однако в бжедугском диалекте данный показатель, по-видимому, не препятствует реализации указанного правила, ср. бжед. *къ:аклуэ* /q:ε-ε-k^hε/ ‘я иду’ (см. [Ситимова 2004: 43]; благодарю Ю. Ландера за указание на эту публикацию).

1.4. Сочетания гласных в адыгских языках

Как в абхазском (и в отличие от убыхского), в адыгских языках сочетания гласных всегда реализуются как один гласный звук ($/Г+Г/ = [Г]$), что можно видеть из следующих примеров (шапсугские примеры даются по работе [Smeets 1984: 196–197]).

- (а) $/э + а/ \rightarrow [э]$: каб. *дэх-а-шь* ‘было прекрасным’ из *дахэ* ‘прекрасный’, суффикс прош. вр. *-а* и копула *-шь*.
- (б) $/э + э/ \rightarrow [э]$: адыг. (шапс.) *уынэн* ‘это не дом’ (*уынэ* ‘дом’ + *-эн* суффикс отрицания); (тем.) *къэ-э-кӀуэ* [¹qɛk^wɛ] ‘я иду’ (направительный преверб *къэ-* ‘сюда’, префикс динамичности / настоящего времени *э-* и глагол *кӀуэ* ‘идти’).
- (в) $/а + э/ \rightarrow [э]$: адыг. (шапс.) *о-йа-[э]-шьӀы* ‘они это делают’ (*о-* ‘это’, *йа-* ‘они’, *-э-* префикс динамичности / настоящего времени и *шьӀы* ‘делать’).
- (г) $/ы + а/ \rightarrow [э]$: адыг. *мэл-а-хъуэ* ‘пастух, чабан’ (*мэлы* ‘овца’ + интерфикс *-а-* и суффикс *-хъуэ* < *-хъуы* ‘пастись’)⁸; адыг. *мэкъу-а-уэ*, каб. *мэкъу-а-уэ* ‘косарь’ (адыг. *мэ-къуы*, каб. *мэкъу* ‘сено’ + интерфикс *-а-*⁹ + *уэ* ‘бить, ударять’), адыг. *щ-а-убыты-гъ* (из *щы-а-убыты-гъ*) ‘(то-)там-они-поймали’¹⁰.
- (д) $/ы + э/ \rightarrow [э]$: адыг. *с-э-кӀуэ* ‘я иду’ (*сы* ‘я’ + префикс динамичности / настоящего времени *-э* и *кӀуэ* ‘идти’). Редким исключением в адыгейском является ситуация, описанная Р. Смеетсом: $/э + ы/ \rightarrow [ы]$, если *ы* является начальным гласным суффикса, например шапс. *дэ-п-ш-ы-гъ* ‘ты вывел это из этого’, содержащее сочетание глагольного корня *шэ* ‘вести’ и элативного суффикса *-ы* [Smeets 1984: 196–197].
- (е) $/ы + ы/ \rightarrow [й]$: шапс. *шьузыыйкӀь* ‘и женщина’ из *шьузыы* ‘женщина’ и сочинительного суффикса *-ыйкӀь*.

Таким образом, в последовательности $/Г+Г/$, гласный $/э/$ всегда ассимилируется гласным $/а/$, а $/ы/$ всегда ассимилируется гласными $/а/$ и $/э/$. Как отметил Р. Смеетс [Smeets 1984: 196], из двух следующих друг за другом основных гласных, как правило, опускается гласный более высокого подъема. В сочетаниях двух самостоятельных слов, начинающихся и оканчивающихся на гласный, результатом может быть либо $[Г\#?#Г]$ (предотвращающая зияние глоттальная смычка $[ʔ]$), либо долгий $[Г:]$, ср., например, в шапсугском сочетание *мы* ‘это(т)’ со связкой *а-ры* ‘это есть’: */мы а-ры/*, реализуемое фонетически как $[mɪʔv'ri]$, либо $[mɛ: 'ri]$ [Smeets 1984: 130].

Особняком стоят редкие случаи сочетания $/а/$ с начальным $/а-/$, где зияние, т. е. раздельное произношение смежных гласных, все же допускается, ср., к примеру, сочетание адыгейского посессивного префикса *йа-* ‘их’ с начальным *а-* основы: *йа-анкӀ* ‘их стекло’¹¹; та же картина наблюдается и в кабардинском: *йа абдж* [¹ja 'ɛbdʒ] ‘их стекло’, *йа адэ* [¹ja 'ɛdɛ] ‘их отец’, *йа абгъуэ* [¹ja 'ɛvʷɛ] ‘их гнездо’, *йа ажэ* [¹ja 'ɛʒɛ] ‘их козел’.

2. Реконструкция общеадыгской вокалической системы

Помимо Н. Яковлева [1923: 108–109] и А. Куйперса [Kuipers 1960: 40–49], другие авторы не подвергают сомнению наличие в праадыгском языке по крайней мере двух фонемных гласных [Балкаров 1970: 260; Кумахов 1973; Smeets 1990–1991: 49]. Что касается

⁸ Ср. в каб. без соединительного гласного: *мэлы-хъуэ* ‘чабан’.

⁹ См. об этом интерфиксе, в частности, в [Урусов 1980: 251, 300–301; Paris 1992: 303–304].

¹⁰ Последний пример предложен Ю. Ландером (устн. сообщ.).

¹¹ См. [Аркадьев, Тестелец 2009: 127].

поздней стадии праадыгского языка, которую можно назвать общеадыгской, то, как было предположено М. Кумаховым [1973; 1981: 43–44] (см. также [Smeets 1990–1991: 49, сн. 2] и [Chirikba 1996: 158–162]), в отличие от двухчленного вокализма раннего праадыгского языка, общеадыгский язык, по-видимому, уже обладал трехчленной системой вокализма $*a \sim *э \sim *ы$. Контраст $*a \sim *э$, таким образом, не идет глубже позднего праадыгского (общеадыгского) периода и является результатом фонологизации позиционного аллофонического контраста $*[э] \sim *[a]$ [Кумахов 1981: 45, 47, 50, 52; Nikolaev, Starostin 1994: 192].

Было высказано предположение, что общеадыгской последовательности $*\#ГС$ - всегда предшествовал протетический ларингал во избежание гласного анлаута [Кумахов 1981: 44; Kuipers 1975: 83], хотя это мнение не разделяется Х. Урусовым [1980: 337] и С. Николаевым и С. Старостиным [Nikolaev, Starostin 1994: 197].

2.1. Правило «двух открытых слогов»

Правило «двух открытых слогов»¹² в его наиболее общей форме можно сформулировать следующим образом: общеадыгская слоговая последовательность $*/Cэ-C(C)э/$ произносилась как $*[CaC(C)э]$, если конечный слог был открытым. Примеров весьма много: адыг. *пхъашъуэ*, каб. *пхъафэ* ‘кора (дерева)’ (*пхээ* ‘дерево’, *шъуэ/фэ* ‘кожа’), адыг., каб. *цIакIэ* ‘гнида’ (*цIэ* ‘вошь’, *кIэ* ‘яйцо’), адыг. *уынашъхъ(э)*, каб. *уынашъхъэ* ‘крыша’ (*уынэ* ‘дом’, *шъхъэ* ‘голова, вершина’), адыг. *цапэ*, каб. *дзапэ* ‘кончик зуба’ (*цэ/дзэ* ‘зуб’, *пэ* ‘нос, конец’) и т. д. Это же правило применимо и к морфологически несложным (или, по крайней мере, синхронно не анализируемым) словам: адыг., каб. *мазэ* ‘луна’, *уасэ* ‘цена’, *бадзэ* ‘муха’, *пIастэ* ‘мамалыга’, адыг. *тамэ*, каб. *дамэ* ‘крыло’, адыг. *кIалэ*, каб. *шъIалэ* ‘мальчик’, адыг. *баджъэ*, каб. *бажэ* ‘лиса’, адыг. *панэ*, каб. *банэ* ‘кустарник’, адыг. *машълуэ*, каб. *мафIэ* ‘огонь’ и т. д.

Тем не менее к правилу «двух открытых слогов» имеются некоторые исключения¹³.

- 1) Наличие в ряде случаев последовательности $CэC(C)э$ вместо ожидаемой $CaC(C)э$, см. примеры выше, в 1.3 (д).
- 2) Наличие в ряде случаев последовательности $CaCa$ вместо ожидаемой $CaCэ$, что обусловлено присутствием конечного вопросительного суффикса $-а$ в глагольных формах: адыг. *ма-кIу-а* ‘он идет?’, *ма-джъ-а* ‘он читает?’, *кIуа-гъ-а* ‘он ушел?’. Другие случаи включают местоимения: каб. *дара* ‘который, какой’.

¹² А. Куйперс [Kuipers 1960: 78, fn. 4] говорит о правиле «двух открытых сегментов». Р. Смеетс [Smeets 1984: 206] формулирует это правило несколько иначе: «...исходная последовательность конца основы $...e(R)Ce$ изменилась в $...a(R)Ce$ » (где R — сонант); основой он считает целое слово, включая любые суффиксы основы, без окончаний; окончаниями являются суффикс множественного числа $-хэ$ и все суффиксы, которые могут за ним следовать. Согласно С. Николаеву и С. Старостину [Nikolaev, Starostin 1994: 197], долгий a появляется в первом слоге слова вместо краткого $*a$, в случае если имеется другой a в следующем слоге (в случае $ы$ в следующем слоге удлинения не происходит). Отталкиваясь от определения, данного Смеетсом, П. Аркадьев и Я. Тестелец [2009: 124] формулируют правило следующим образом: «Последовательность $/CeCe/...$ переходит в $/CaCe/$ непосредственно в конце словоформы или если за нею следуют морфемы из определенного набора. (...) Если область чередования заканчивается на последовательность, отличную от $/CeCe/...$, чередования не происходит, и морфема (или цепочка морфем) предстает в исходном виде».

¹³ Случаи блокировки правила двух открытых слогов анализируются в [Аркадьев, Тестелец 2009].

- 3) Наличие в ряде случаев последовательности *СэСа* вместо ожидаемой *СаСэ*, что обусловлено (а) присутствием вопросительного суффикса *-а* в адыгейских глагольных формах: *й-э-хь-а* ‘он несет?’, *й-э-тх-а* ‘он пишет?’; и в местоимении: *хэт-а* ‘кто?’; (б) присутствием суффикса прош. вр. *-а* в кабардинских вопросительных формах: *едж-а* ‘прочитал?’, *лэжь-а* ‘работал?’; (в) наличием эмфатической частицы *-ба* : адыг. *клуэ-ба* ‘иди же!’.
- 4) В кабардинском ограничении на это правило обусловлены присутствием соседних *хь*, *l* или *ly*, ср., например, адыг. *хьакlэ* и каб. *хьэшльэ* ‘гость’, адыг. *lазэ* и каб. *lэзэ* ‘знахарь’ [Kuipers 1960: 76; Урусов 1980: 50, 352].

Многие авторы начиная с Н. Яковлева и Д. Ашхамафа [1941: 104–105] (см. также [Яковлев 1948: 342; Рogaва, Керашева 1966: 47–50; Балкаров 1970: 212; Paris 1989: 160–161, 165]) обуславливают действие правила «двух открытых слогов» наличием ударения, падающего на предпоследнее э. Другие отрицают такую зависимость, утверждая, что адыгейский демонстрирует отличную от кабардинского акцентную картину, т. к. в последовательности *СаСэ* в адыгейском ударным обычно является конечный, а не предпоследний слог. Согласно Г. Рogaве [1963: 29], адыгейский сохраняет исходную акцентную ситуацию, тогда как в кабардинском произошел сдвиг ударения с исходной конечной позиции на предпоследний слог (см. также [Кумахов 1981: 54–55; Урусов 1980: 48–49]); см. обсуждение моделей ударения в общеадыгском и реконструкцию общеадыгского ударения в [Nikolaev, Starostin 1994: 197–198; Chirikba 1996: 165–170; Чирикба 2019].

Особую позицию занял А. Куйперс [Kuipers 1960: 76], который, не принимая правила двух открытых сегментов (словов), объясняет появление *a* в такой позиции безударным вставным сегментом *-ah-*, помещенным между двумя открытыми сегментами, первый из которых является ударным. В некоторых случаях он определенно может быть прав, имея в виду такие пары, как каб. *уэнáшьlэ* ‘седельщик’ (*уанэ* ‘седло’, *шьlэ* ‘делание’) и *уэнзшьlэ* ‘новое седло’ (*шьlэ* ‘новый’), *нáшьхьуэ* ‘сероглазый’ и *нэшьхьуэ* ‘серый глаз’ (*нэ* ‘глаз’, *шьхьуэ* ‘серый’), ср. также примеры интерфикса *-а-*, приведенные Урусовым [1980: 300]: каб. *мэз-а-клуэ* ‘тот, кто приносит дрова’ (*мэз* ‘лес’, *-клуэ* агентивный суффикс), *гу-а-клуэ* ‘приятный’ (*гуы* ‘сердце’, *клуэ* ‘идти’), *фыз-а-плгэ* ‘показ невесты’ (*фыз* ‘жена’, *плгэ* ‘взгляд’) и т. д. Моя интерпретация ситуации, тем не менее, отличается от мнения Куйперса: возможно, в ряде таких случаев следует восстановить не элемент **-эхь-* с неопределенной семантикой, а посессивные префиксы: ед. ч. **йы-* (в случаях вроде *нá-шьхьуэ* ‘сероглазый’ < **нэ-йы-шьхьуэ*, букв. ‘глаз-его-серый’) и мн. ч. **й-а-* (в случаях подобных *мэл-а-хьуэ* ‘пастух’ < **мэл-йа-хьуэ*, букв. ‘овца-их-пастух’) ¹⁴, хотя, возможно, такое объяснение не будет применимо ко всем случаям с гласным интерфиксом.

Тем не менее, в большинстве других случаев автоматический характер появления открытого *a* в исходной последовательности *СэСэ* не вызывает сомнения, что может быть легко продемонстрировано поведением гласных в так называемых лабилных глаголах, ср. бжед. *йэ-п^hэмы*, каб. *йэ-пэм* (перех.) ~ *п^hамэ/намэ* (неперех.) ‘пахнуть’, каб. *йэ-бэн* (перех.) ~ *банэ* (неперех.) ‘сражаться’, тем. *йэ-уы-нlэнlы* (перех.) ~ *фэ-уы-нlэнlэ* (неперех.) ‘сплющивать’, бжед. *йэ-нlэсклуы*, каб. *йэ-нlэсклу* (перех.) ~ *нlэсклуэ/нlэсклуэ* (неперех.) ‘щипать’ и т. д. В этих примерах автоматический переход исходного э в *a* обусловлен наличием другого э в последующем открытом слоге. Следует заметить, что в цитированных выше не анализируемых последовательностях *СаСэ* невозможно отыскать какого-либо вставного сегмента или интерфикса.

¹⁴ Ср. абх. сложные слова с посессивными интерфиксами *-а-* ‘его (неодуш.)’ и *-р-* ‘их’: *а-х-а-хэы* ‘волос (головы)’, букв. ‘голова-ее-волос’, *а-шьха-р-дац* ‘горный корень’, букв. ‘гора-их-корень’.

2.2. Реконструкция общеадыгского *э

Общеадыгский *э восстанавливается на основе следующих примеров.

- а) В односложных словах: адыг., каб. *сэ* ‘я’, *дэ* ‘орех’, *нэ* ‘нос’, *шьэ* ‘сто’ и т. д.
- б) В конечном открытом слоге двусложных слов: адыг., каб. *мазэ* ‘луна’, *мацлэ* ‘саранча’, *гуыгъэ* ‘надежда’, *напэ* ‘лицо’, *ныбэ* ‘живот’, тем. *къамплэ*, каб. *къланлэ* ‘перхоть’, адыг. *тыгъэ*, каб. *дыгъэ* ‘солнце’ и т. д. Иногда адыгейский опускает конечный *-э, тогда как кабардинский склонен сохранять его: адыг. *палъ*, каб. *палгъэ* ‘как будто, подобно’, адыг. *лъап*, каб. *лъапэ* ‘носок’, адыг. *шьхъап* ‘вершина дерева’ (< -нэ), *псагъ* ‘цель, мишень (в стрельбе)’ (< -гъэ) и т. д.
- в) В ряде предпоследних слогов с финальной последовательностью *-Сэ: адыг., каб. *сэ-шхуэ* ‘шашка’, *бэрэ* ‘часто, много раз’, *дахэклэ* ‘красивым образом’, адыг. *гуэрэ* (каб. *гуэр*) ‘кто-либо, что-либо, определенный’, адыг. *фэдэ*, каб. *хуэдэ* ‘подобно, как’; несколько более часто в глагольных формах: адыг. *й-э-жэ*, каб. *йэ-уэ-жэ* ‘он(а) ждет его/ее’, адыг., каб. *йэ-джэ* ‘читай!’, *кгуэ-мэ* ‘если он пойдет’ и т. д.
- г) В предпоследнем слоге с конечной последовательностью *-Сы, причем в кабардинском в этом случае конечный *-ы регулярно опускается: адыг. *мэтыцы*, каб. *мэтыгъ* ‘он ползет’, адыг. *млэклуы*, каб. *млэклу* ‘немного, мало’, адыг. *цэфы*, каб. *дзэху* ‘олово’, бжед. *сэхы*, каб. *сэх* ‘воротный столб’, адыг. *нэпсы*, каб. *нэпс* ‘слеза’, адыг. *мэцы*, каб. *мэш* ‘просо’ и т. д.

2.3. Реконструкция общеадыгского *а

Гласный *а восстанавливается в начальной и срединной позициях. В ряде случаев начальный *а- может быть объяснен утратой предшествующего согласного либо заимствованным характером слова. Что касается срединного *-а-, различаются случаи, когда он появляется автоматически из *э согласно правилу двух открытых слогов, и когда его появление обусловлено вставкой гласного интерфикса. См. следующие примеры:

- а) Анлаутный *а-: адыг., каб. *а* ‘то(т), та’, *адыгэ* ‘адыг’, адыг. *абадзэ*, каб. *абазэ* ‘абазин’ (< др.-абх.), адыг. *ашъуэ*, каб. *афэ* ‘кольчуга’, адыг. *ачъэ*, каб. *ажэ* ‘козел’, адыг. *апч*, каб. *абджэ* ‘стекло’ (< осет.), адыг. *ау*, каб. *ауэ* ‘но’ и т. д.
- б) Срединный *а- появляется согласно правилу двух открытых слогов: адыг., каб. *мазэ* ‘луна’, *мацлэ* ‘саранча’, *напэ* ‘лицо’, адыг. *напцэ*, каб. *набдзэ* ‘бровь’ и т. д. Общеадыгские последовательности *къла-, *хъа- регулярно отражаются в адыгейском как *ла-* (в хакуч. шапс. *къла-*), *хъа-*, а в кабардинском — как *лэ-*, *хъэ-* [Kuipers 1975: 65–66, 80–82].

Кроме того, срединный *а- появляется благодаря вставке интерфикса -а-, например *йын-а-гъэ ‘размер’ из *йыны ‘большой, великий’ и абстрактного суф. *-гъа, *шьуыз-а-бэ ‘вдова’ из *шьуызы ‘женщина’ и *йыбэ ‘сирота’, *мэкъу:-а-уэ ‘косарь’ из *мэкъ.уы ‘сено’, *уэ ‘бить’ и т. д.

2.4. Реконструкция общеадыгского *ы

Общеадыгское *ы встречается в любой позиции, кроме начальной, — черта, разделяемая всеми западнокавказскими языками. Другое ограничение касается позиции после *хъ* и *л* (< *къл), где частотность *ы* крайне низка. См. следующие примеры:

- а) Примеры на *ы в односложных словах: адыг., каб. *тхы* ‘позвоночник’, *хы* ‘море’, *бгъуы* ‘сторона’, *тIы* ‘баран’, *бзы* ‘самка’ и т. д.
- б) Срединный *-ы-: адыг., каб. *ныбэ* ‘живот’, *гуыгъэ* ‘надежда’, *шыгыгуэ* ‘носить траур’, адыг. *тыгъэ*, каб. *дыгъэ* ‘солнце’ и т. д.
- в) Конечный *-ы сохраняется в адыгейском и регулярно опускается в кабардинском: адыг. *лджъы*, каб. *лджъ* ‘старик’, адыг. *мылы*, каб. *мыл* ‘лед’, адыг. *ныцы*, каб. *ныш* ‘убойный скот (предназначенный для торжеств)’, адыг. *бжъыны*, каб. *бжъын* ‘лук’ и т. д. Наличие либо отсутствие конечного -ы в адыгейском может нести грамматическую значимость: конечный -ы сохраняется в случае, если слово выступает в роли простого предиката. Сохраняется конечный -ы в адыгейском и в глагольных формах, ср. адыг. *йэтхы*, каб. *йэтх* ‘он пишет’, адыг. *йэшIы*, каб. *йэшI* ‘он делает’ и т. д. [Кумахов 1981: 76–77].

2.5. Проблема носовых гласных

Рogaва и Керашева [1966: 24] рассматривали конечные носовые гласные, встречающиеся в бжедугском и шапсугском диалектах (например, ср. *пцэ* ‘облако’, *псы* ‘вода’ и др.), как реликты старых сочетаний *-Гн (гласный плюс назальный сонорный). Согласно Б. Балкарову [1970: 260], общеадыгский обладал двумя простыми и двумя носовыми гласными фонемами. Это утверждение, тем не менее, не подкреплено убедительными фактами и не принимается другими специалистами, см. [Кумахов 1981: 71–72].

2.6. Нерегулярные соответствия в гласных

Ниже перечислены случаи нерегулярных соответствий в гласных между адыгскими языками либо их диалектами.

- 1) В сложных словах *а иногда изменяется в ы, ср. адыг. *адрэ-чI*, каб. *адры-шъI* ‘другая сторона (реки)’ из *а-дэ-рэ ‘другой’, *чъIы ‘земля’.
- 2) В кабардинском языке контраст между слогами *Сы* (согласный + ы) и *Сэ* (согласный + э) в позиции перед фарингалом хъ нейтрализован в *Сы* (> *С*, в конечной позиции). В бжедугском и шапсугском диалектах сочетание *Сахъы* часто соответствует темиргоевскому *Сыхъэ*, которое А. Куйперс [Kuipers 1975: 81] рассматривает в качестве исходной формы.

Примеры на соответствие бжед. *Сахъы* : тем. *Сыхъэ* : каб. *Сыхъ* : бжед. *кIахъы*, тем. *кIыхъэ*, каб. *кIыхъ* ‘длинный’, бжед. *къ^hуахъы*, тем. *къуыхъэ*, каб. *къуыхъ* ‘лодка, корабль’, бжед. *шхъуахъы*, тем. *шхъуыхъэ*, каб. *шхъуыхъ* ‘колдовство’ (адыг.), ‘яд’ (каб.), бжед. *щ^hахъы*, тем. *щыхъэ* ‘заворачивать’. Эти случаи демонстрируют метатезу гласных внутри последовательности *СГхъГ.

- 3) Имеются и другие случаи нерегулярных соответствий в последовательности *СГхъГ:

Сыхъы : *Сыхъэ* : *Сахъы* : *Сыхъэ* — бжед. *ц:ыхъы*, тем. *цыхъэ*, шапс. *ц:ахъы*, каб. *дзыхъ(э)* ‘вера, доверие’;

Сыхъэ : *Сыхъы* — бжед. *шъыхъэ/ы*, каб. *шъыхъ* ‘олень’, тем. *кIыхъэ-кIуыхъэ*, каб. *шъIыхъ* (< *шъIыхъы*) ‘уважение, честь’;

Сахъы : *Схъы* : *Сыхъы* — бжед., шапс. *гуахъы*, тем. *гуэхъы*, каб. *гуырыхъ* ‘приятный, вкусный’;

Сахъы : *Сыхъэ* — бжед., шапс. *Iахъы*, тем. *Iахъ*, каб. *Iыхъэ* ‘часть, доля’.

- 4) Расхождения встречаются также в общеадыгской последовательности *СыкъI(y)э (> бжед. *CaI(y)э*, тем. *Сыл(э)*, каб. *Сылэ*), ср. бжед. *пц:аIуэ*, тем. *пцыл*, каб. *пшгылэ* ‘временное плетеное строение’, бжед. *щ^hаIэ-*, тем. *щыл-*, каб. *шылэ-* ‘выдерживать, терпеть’, бжед. *гуаIэ-*, тем. *гуылэ-*, каб. *гуылэ* ‘беспокоиться, волноваться’ (в адыг. также ‘спешить’), бжед. *гуыщ^hаI*, тем. *гуыщыл* ‘слово’, хотя ср. выбивающееся из этой модели соответствие в бжед. *п^hаIуэ*, тем. *палуэ*, каб. *пылэ* ‘кепка, шляпа’.
- 5) *Соответствия бжедугской последовательности С^hГСГ в темиргоевском.*

Ю. Тхаркахо [1963: 105] объясняет нерегулярные соответствия в гласных между бжедугским и темиргоевским диалектами адыгейского (бжед. *а/э* : тем. *ы*) влиянием сильной аспирации в бжедугском (*С^hа/э* : тем. *Сы*), ср. бжед. *щ^hахьы*, тем. *щыхьэ* ‘заворачивать’, бжед. *т^hэдэ*, тем. *тыдэ* ‘где?, куда?’, бжед. *шъуэуш^hэгъу*, тем. *шъуэушыгъу* ‘сахар’, бжед. *щ^hэнаут*, тем. *шынаут* ‘яд’ и т. д. Действительно, сила аспирации в бжедугском такова, что сегмент *С^h* производит почти такое же (понижающее) воздействие на последующий гласный, что и фарингал *хь*.

3. Другие случаи нерегулярных соответствий в гласных

Нерегулярные соответствия в гласных имеем и в таких случаях, когда присутствия ни фарингалных, ни аспирированных (ненапряженных) шумных не наблюдается. Ср. следующие примеры:

- а) адыг. *а* : каб. *э* — бжед. *фазэ*, каб. *хузэ* ‘встречать кого-либо’.
- б) адыг. *а* : каб. *ы* — бжед. *дадэ*, каб. *дыдэ* ‘очень, точно’, адыг. *тхауэ*, каб. *тхуэу* ‘лягать (о лошади)’.
- в) адыг. *э* : каб. *ы* — тем. *щэйы*, каб. *шый* ‘высовывать (палец, руку)’, бжед. *ч^hэцIы*, каб. *кыцI* ‘козленок’, тем. *хьуэкIы*, каб. *тэй-хьуыкIь* ‘тереть, протирать’, бжед. *гъэ-уы-нэ-шъкIуы*, каб. *гъэ-нышкIу* ‘жевать’; ср. также примеры на соответствия бжед. *э* : тем. *ы* в [Тхаркахо 1963: 104–105].
- г) адыг. *ы* : каб. *э* — бжед. *дэгъуы*, каб. *дэгъуэ* ‘хороший’, адыг. *уыжьы*, каб. *уыжэ* ‘ласка (зоол.)’, адыг. *щыгъы*, каб. *шьыгъэ* ‘бусы’, тем. *жъауы*, каб. *жъауэ* ‘тень’, адыг. *лыргъуыжэ*, каб. *лэрыгъу* ‘мозоль’, адыг. *псый*, каб. *псэй* ‘ель’, адыг. *ныджьы* ‘отмель’, каб. *ныджэ* ‘пойма, заливной луг’, адыг. *ар мэцы*, каб. *ар мабдзэ* ‘он высекает’, адыг. *ар мэхы*, каб. *ар махэ* ‘он жнет’.

Примечательно, что с точки зрения дистрибуции гласных темиргоевский диалект порой демонстрирует большую близость к кабардинскому языку, нежели к бжедугскому диалекту; вдобавок к примерам, указанным выше в 2.6, ср. также бжед. *хьмэ*, тем., каб. *хамэ* ‘иностранец, чужой’, бжед. *кьу:эп^hы*, тем. *кьуапэ*, каб. *кьIуапэ* ‘угол’ и др.

Заключение

В отличие от двухчленного вокализма раннего праадыгского языка, соответствующего бивокализму праабхазского языка, поздний праадыгский (общеадыгский) язык, по-видимому, уже обладал трехчленной системой гласных *a ~ *э ~ *ы. Фонемный контраст *a ~ *э не идет глубже общеадыгского периода, являясь результатом фонологизации позиционного аллофонического контраста **[э]* ~ **[а]*. С другой стороны, хотя имеется достаточно примеров для постулирования фонемного статуса *a*, тем не менее, минимальные пары, содержащие слова с *a*, включают либо детские слова (например, *ба* ‘поцелуй’),

либо междометия или аффиксальные элементы. Такие минимальные пары, как *джан* ‘рубашка’ ~ *джэн* ‘звать’, *пчан* ‘талия’ ~ *пчэн* ‘кашель’ и др., не являются вполне удовлетворительными ввиду того, что адыгейские существительные представлены в них в предикативной («словарной») форме, в которой конечный -э регулярно опускается. Непредикативная форма сохраняет исходную полногласную форму (*джанэ, пчанэ*), в которой гласный *a* первого слога возникает из э согласно «правилу двух открытых слогов». Не исключено, что и в предикативной форме в именах структуры *C(C)aC* (из *C(C)aCэ*) гласный *a* на глубинном уровне (*underlying / deep level*) являет собой фонему э. По-видимому, проблема количества гласных фонем в адыгских языках нуждается в дальнейшем обсуждении.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

арм. — армянский язык	осет. — осетинский язык
адыг. — адыгейский язык	перех. — переходный
бжед. — бжедугский диалект адыгейского	прош. вр. — прошедшее время
ВОПР — вопросительный	суф. — суффикс
др.-абх. — древнеабхазский	тем. — темиргоевский диалект адыгейского
ед. ч. — единственное число	тур. — турецкий
л. — лицо	тюрк. — тюркский
мн. ч. — множественное число	хакуч. — хакучинский говор шапсугского диалекта
неодуш. — неодушевленный	шапс. — шапсугский диалект адыгейского
неперех. — непереходный	
каб. — кабардинский язык	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аркадьев, Тестелец 2009 — Аркадьев П. М., Тестелец Я. Г. О трех чередованиях в адыгейском языке. *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка*. Тестелец Я. Г. (ред.). М.: РГГУ, 2009, 121–145. [Arkadijev P. M., Testelets Ya. G. On three alternations in Adyghe. *Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygeiskogo yazyka*. Testelets Ya. G. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2009, 121–145.]
- Балкаров 1970 — Балкаров Б. Х. *Фонетика адыгских языков (синхронно-диахронное исследование)*. Нальчик: Эльбрус, 1970. [Balkarov B. Kh. *Fonetika adygskich yazykov (sinkhronno-diakhronnoe issledovanie)* [Phonetics of Circassian languages: A synchronical-diachronical study]. Nalchik: Elbrus, 1970.]
- Кумахов 1973 — Кумахов М. А. Теория моновокализма и западнокавказские языки. *Вопросы языкознания*, 1973, 6: 54–67. [Kumakhov M. A. The theory of monovocalism and West Caucasian languages. *Voprosy Jazykoznanija*, 1973, 6: 54–67.]
- Кумахов 1981 — Кумахов М. А. *Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков*. М.: Наука, 1981. [Kumakhov M. A. *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika adygskich (cherkesskich) yazykov* [Comparative-historical phonetics of Circassian languages]. Moscow: Nauka, 1981.]
- Рогава 1963 — Рогава Г. В. К словарной форме имени в адыгейском языке. *Ученые записки АНИИЭЯЛИ*. Т. II. *Серия лингвистическая*. Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1963, 27–32. [Rogava G. V. On the dictionary form of the noun in Adyghe. *Uchenye zapiski ANIIEYaLI*. Vol. 2. *Seriya lingvisticeskaya*. Maykop: Adygean Publishing House, 1963: 27–32.]
- Рогава, Керашева 1966 — Рогава Г. В., Керашева З. И. *Грамматика адыгейского языка*. Майкоп: Краснодарское книжное изд-во, 1966. [Rogava G. V., Kerasheva Z. I. *Grammatika adygeiskogo yazyka* [A grammar of Adyghe]. Maykop: Krasnodar Publishing House, 1966.]
- Ситимова 2004 — Ситимова С. С. *Бжедугский диалект в адыгейском языковом мире*. Майкоп: Качество, 2004. [Sitimova S. S. *Bzhedugskii dialekt v adygeiskom yazykovom mire* [The Bzhedug dialect in the linguistic realm of Adyghe]. Maykop: Kachestvo, 2004.]
- Трубецкой 1960 — Трубецкой С. Н. *Основы фонологии*. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1960. Пер. с нем. [Trubetzkoy S. N. *Grundzüge der Phonologie*. Prague: Cercle linguistique de Prague, 1939. Transl. into Russian.]

- Турчанинов, Цагов 1940 — Турчанинов Г. Ф., Цагов М. И. *Грамматика кабардинского языка*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. [Turchaninov G. F., Tzagov M. I. *Grammatika kabardinskogo yazyka* [A grammar of Kabardian]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1940.]
- Тхаркахо 1963 — Тхаркахо Ю. Особенности чемгуйского диалекта адыгейского языка. *Ученые записки АНИИЭЯЛИ*. Т. II. *Серия лингвистическая*. Аутлев М. Г. (гл. ред.). Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1963, 92–122. [Tharkakho Yu. Features of the Chemguy dialect of Adyghe. *Uchenye zapiski ANIIEYaLI*. Vol. 2. *Seriya lingvisticeskaya*. Maykop: Adyghean Publishing House, 1963, 92–122.]
- Урусов 1980 — Урусов Х. Ш. *Морфемика адыгских языков*. Нальчик: Эльбрус, 1980. [Urusov Kh. Sh. *Morfemika adygskikh yazykov* [The morphemics of Circassian languages]. Nalchik: Elbrus, 1980.]
- Чирикба 2019 — Чирикба В. А. Реконструкция общеадыгской акцентной системы. *Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева*, 2019, 20(44): 23–29. [Chirikba V. A. Reconstruction of the Common Adyghe accentual system. *Vestnik nauki Adygheiskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy imeni T. M. Kerasheva*. 2019, 20(44): 23–29.]
- Яковлев 1923 — Яковлев Н. Ф. *Таблицы фонетики кабардинского языка*. (Труды подразделения исследования северокавказских языков при Институте востоковедения в Москве, т. 1.) М.: Ин-т востоковедения, 1923. [Yakovlev N. F. *Tablitsy fonetiki kabardinskogo yazyka* [Kabardian phonetic tables]. (Proc. of the North Caucasian Languages Dept. of the Institute of Oriental Studies in Moscow, vol. 1.) Moscow: Institute of Oriental Studies, 1923.]
- Яковлев 1948 — Яковлев Н. Ф. *Грамматика литературного кабардино-черкесского языка*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. [Yakovlev N. F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [A grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1948.]
- Яковлев, Ашхамаф 1941 — Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А. *Грамматика адыгейского литературного языка*. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. [Yakovlev N. F., Ashkhamaf D. A. *Grammatika adygheiskogo literaturnogo yazyka* [A grammar of the literary Adyghe language]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1941.]
- Chirikba 1996 — Chirikba V. A. *Common West Caucasian. The reconstruction of its phonological system and parts of its lexicon and morphology*. Leiden: CNWS Publ., 1996.
- Colarusso 1992 — Colarusso J. *A grammar of the Kabardian language*. Calgary: Univ. of Calgary Press, 1992.
- Kuipers 1960 — Kuipers A. H. *Phoneme and morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe)*. Hague: Mouton, 1960.
- Kuipers 1975 — Kuipers A. H. *A dictionary of Proto-Circassian roots*. Lisse: Peter de Ridder Press, 1975.
- Nikolayev, Starostin 1994 — Nikolayev S., Starostin S. *A North Caucasian etymological dictionary*. Moscow: Asterisk Publ., 1994.
- Paris 1989 — Paris C. West Circassian (Adyghe: Abzakh dialect). *The indigenous languages of the Caucasus*. Vol. 2. *The North Caucasian languages*. Hewitt G. B. (ed.). Delmar: Caravan Books, 1989, 155–260.
- Paris 1992 — Paris C. Les voyelles du Tcherkesse : Un exemple d'analyse diasystémique. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, 1992, 87(1): 283–343.
- Smeets 1990–1991 — Smeets R. The opposition aspirate/nonaspirate in Common Circassian clusters. *Revue des études géorgiennes et caucasiennes. Hommage à Teyfik Esenç*. Paris: Association de la revue des études géorgiennes et caucasiennes, 1990–1991, 6–7: 47–62.
- Smeets 1984 — Smeets R. *Studies in West Circassian phonology and morphology*. Leiden: Hakuchi Press, 1984.

Получено / received 27.07.2022

Принято / accepted 21.03.2023

О пассивных глаголах с показателем *-ra / -rye* в тундровом ненецком языке

© 2023

Иван Андреевич Стенин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия; ystein88@gmail.com

Аннотация: В статье рассмотрены глаголы, образованные с помощью непродуктивного показателя *-ra / -rye*, в тундровом ненецком языке. Такие глаголы непереходны, перфективны и изменяются, как правило, по рефлексивному спряжению. В морфосинтаксическом отношении функцию этого показателя в сочетании с переходными глаголами можно считать пассивной. Присоединение показателя допустимо также для ряда непереходных глаголов и именных основ. Отыменные глаголы демонстрируют двойную манифестацию «пассивной» морфологии и позволяют продвигнуть в позицию подлежащего участника, отсутствующего в аргументной структуре. В семантическом отношении большую часть пассивных дериватов объединяет употребление преимущественно в адверсативных контекстах. Возникновение адверсативных употреблений может быть связано с наличием каузативно-пассивного синкретизма и P-лабильности.

Ключевые слова: адверсатив, актантная деривация, залог, ненецкие языки, пассив, самодийские языки, уральские языки

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325). Я благодарен носителям тундрового ненецкого языка за неоценимую помощь, а также анонимным рецензентам за замечания к изначальному тексту статьи.

Для цитирования: Стенин И. А. О пассивных глаголах с показателем *-ra / -rye* в тундровом ненецком языке. *Вопросы языкознания*, 2023, 4: 21–46.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.21-46

On passive verbs with the marker *-ra / -rye* in Tundra Nenets

Ivan A. Stenin

HSE University, Moscow, Russia; ystein88@gmail.com

Abstract: The article deals with the verbs formed with the unproductive marker *-ra / -rye* in Tundra Nenets. Such verbs are intransitive, perfective, and are inflected, as a rule, in the forms of the reflexive conjugation. Morphosyntactically, the function of this marker in combination with transitive verbs can be considered passive. The addition of the marker is also possible for some intransitive verbs and nominal stems. Denominal verbs show a double manifestation of “passive” morphology and allow to promote into the subject position a participant that is absent in the argument structure. Semantically, the majority of passive derivatives are united by their use mainly in adversative contexts. The emergence of adversative usage may be related to the presence of causative-passive syncretism and P-lability.

Keywords: adversative, Nenets, passive, Samoyedic, Uralic, valency change, voice

Acknowledgements: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325). I am grateful to the native speakers of Tundra Nenets for their invaluable help, as well as to the anonymous reviewers for their comments on the original draft.

For citation: Stenin I. A. On passive verbs with the marker *-ra / -rye* in Tundra Nenets. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 4: 21–46.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.21-46

1. Введение

В тундровом ненецком языке существует несколько стратегий пассивизации: во-первых, ряд конструкций с различными причастными формами от переходных глаголов в предикативной позиции, в частности с перфективным и имперфективным причастиями, которые выражают агенсный (1) и безагенсный (2) пассив; во-вторых, непродуктивный морфологический показатель *-ra / -rye*¹, образующий непреходные пассивные глаголы (3).

- (1) Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)

məny^o *xa-da-we-myih* *nyí* *ŋaq*,
я умереть-CAUS-PT.PFV-POSS.1NPL² NEG.GFS[3SG.S] быть-CN

nyísyu-nyih *xa-da-wi*^o
отец-GEN.POSS.1NPL умереть-CAUS-PT.PFV[3SG]

{— Это ты добыл? — Нет,} ‘это не я добыл, это мой отец добыл’, букв. «мною добыто(е) (это) не есть, моим отцом добыто(е)».

- (2) Тундровый ненецкий [Терещенко 1965: 588]

xələw^o *syuy^obtət^oh* *xa-da-bə-da*
чайка большая.приманка.снабженная.ниткой.DAT умереть-CAUS-DUR-PT.IPFV[3SG]

‘Чайки ловятся на большую приманку’.

- (3) Тундровый ненецкий (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)

tí *sarmyikə-x^ona* / *sarmyikə-n^oh* *xa-da-re-y^o-q*
олень волк-LOC волк-DAT умереть-CAUS-PASS-SFS-3SG.R

‘Олень оказался задран волком’.

Причастный пассив в тундровом ненецком уже становился предметом рассмотрения в литературе (см. в первую очередь [Nikolaeva 2014: 239–249 et passim], а также наблюдения в [Jalava 2014] и [Стенин 2022]), и в целом его свойства и функции, по-видимому, достаточно хорошо вписываются в то, что известно о причастных пассивах в типологии (ср. [Haspelmath 1994] и многочисленную цитируемую там и более позднюю литературу), тогда как существование непродуктивного морфологического пассивного показателя лишь кратко упоминалось в [Терещенко 1956; Salminen 1993–2012; Nikolaeva

¹ Показатели *-ra* и *-rye*, из которых последний, по-видимому, является исторически палатализованным вариантом первого, для целей данной работы считаются одним показателем, поскольку глаголы, образованные с их помощью, не обнаруживают различий в морфосинтаксическом или семантическом отношении, а от ряда основ образуются оба деривата, признаваемые свободными вариантами. Аналогичные пары вариантов существуют и для ряда других морфем. В соответствии с правилами {*r ry*} → |*l ly*| / C _ и (в первом слове, в большинстве идиолектов) {*a*} → |*e*| / _ *ŷə* показатель *-ra / -rye*, помимо основных, имеет также следующие алломорфы: *-la*, *-lye*, *-re*, *-le*. В записи примеров используется вариант транскрипции Т. Салминена; см. [Salminen 1993–2012]. Использование подчеркивания в строке транскрипции следует за практикой морфологического словаря [Salminen 1998], где данный символ обозначает неуверенность в точности фонемизации. За описанием формальной морфологии читатель может обратиться к работе [Salminen 1997].

² В конструкции с перфективным причастием для индексации агенса используются лично-числовые показатели посессивной серии. В восточных диалектах посессивные показатели 1 л. ед. ч. часто вытеснены показателями 1 л. дв. ч. В таком случае синкретичный показатель глоссируется как POSS.1NPL.

2014], поэтому целью этой работы является прежде всего обзор конструкций, в которых задействованы непреходные глаголы, маркированные показателем *-ra / -rye* в пассивной и смежных с ней функциях.

Материал тундрового ненецкого, рассматриваемый здесь, взят из опубликованных источников и существующей литературы, а также записан в ходе собственной полевой работы автора в лингвистических экспедициях в с. Антипаюта и с. Гыда Тазовского района и п. Белоярск Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 2011–2014 гг. Примеры, полученные автором от носителей тундрового ненецкого языка, приводятся без ссылок.

Статья устроена следующим образом. В разделе 2 рассматриваются свойства пассивных глаголов со стандартной пассивной диатезой в северносамодийской перспективе. В разделе 3 обсуждаются примеры других конструкций, в которых задействована пассивная морфология, в частности «двойные пассивы» и отыменные дериваты. Раздел 4 посвящен типологическим параллелям адверсативных употреблений пассивных конструкций. В разделе 5 обсуждается каузативно-пассивный синкретизм и декаузативная / рефлексивная лабильность в тундровом ненецком языке. В разделе 6 подводятся итоги.

2. Свойства тундрового ненецкого пассива в северносамодийской перспективе

2.1. Общие сведения

Рассмотрим сначала пример глагола со стандартной пассивной диатезой, образованного с помощью показателя *-ra / -rye* от переходного глагола.

- Тундровый ненецкий (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)
- (4) (*mənu*^o) *yəsyu-nyih*   *ŋəsyu^o-m talye-wi^o-q* / *talye-^o-q*
я   железо-[GEN]POSS.1NPL   мешок-ACC   украсть-NARR-3PL.S   украсть-GFS-3PL.S
‘У меня украли кошелек’, букв. «мой кошелек украли (они)».
- (5) (*mənu*^o) *yəsy^o-nyih*   *talye-rye-wiə-d^o-q* / *talye-rye-yə-d^o-q*
я   железо.PL-[NOM]POSS.1NPL   украсть-PASS-NARR-3PL.R   украсть-PASS-SFS-3PL.R
‘У меня украли деньги’, букв. «мои деньги оказались украдены».

В (4) представлена активная клауза с переходным глаголом *talye-* ‘украсть’ в неопределенно-личной форме (совпадающей с формой 3 л. мн. ч.) и прямым объектом в форме аккузатива ед. ч. В скобках приведена аналогичная форма аориста индикатива, которая при определенных условиях может быть использована в переводах данного стимула вместо т. н. нарратива, используемого в первую очередь в инферентивных контекстах. В зависимости прежде всего от информационной структуры переходные глаголы в тундровом ненецком языке допускают изменение как по субъектному, так и по субъектно-объектному спряжению. В последнем случае в глагольной форме индексируется не только субъект, но и прямой объект 3 л., имеющий топикальный статус³. В (4) в зависимости от контекста тоже возможны как форма 3 л. мн. ч. субъектного спряжения (*talye-wi^o-q / talye-^o-q*), так и форма субъектно-объектного спряжения, индексирующая не только субъект 3 л. мн. ч., но и прямой объект ед. ч. (*talye-we-doh / talye-^o-doh*). В (5) дана пассивная клауза с непреходным глаголом *talye-rye-*, образованным от *talye-*, стоящим в форме 3 л. мн. ч.

³ О выборе спряжения в переходной финитной клаузе см. [Dalrymple, Nikolaeva 2011; Nikolaeva 2014].

т. н. рефлексивного спряжения и согласующимся с пациентивным участником в позиции подлежащего⁴. В (5) морфологическая структура глагольной словоформы, синтаксическое устройство пассивной клаузы и наблюдаемая семантика соответствуют представлениям о типичной пассивной конструкции⁵.

В примере (7) синтаксис и семантика тоже выглядят регулярно (пассивный дериват перераспределяет роли участников с точки зрения их коммуникативной значимости), но морфологическое устройство пассивного глагола очевидным образом нарушает ожидания: он содержит два аффикса пассива. Более того, основа с одним вхождением пассивного показателя в принципе не существует в тундровом ненецком языке, в отличие, например, от лесного энецкого, где именно глагол с одним пассивным показателем является пассивным дериватом глагола ‘увидеть’⁶. В (6) для сравнения показана активная клауза с исходным глаголом.

(6) Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)
tyenyana (mānu°) syiq-myih māneq-ŋa-cu°
 вчера я PRON-ACC.POSS.1NPL увидеть-GFS-3PL.S.PST
 ‘Вчера меня увидели’.

(7) Тундровый ненецкий (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)
mānu° yiryi-xə-nyih māneq-la-re-yə-w°q / *māneq-le-yə-w°q
 я дед-DAT.POSS-POSS.1NPL увидеть-PASS-PASS-SFS-1SG.R увидеть-PASS-SFS-1SG.R
 ‘Меня увидел (мой) дедушка’, букв. «я оказался увиденным дедушкой».

2.2. Деривационный статус пассивного показателя в северносамодийских языках

Несмотря на различия в употреблении и продуктивности, во всех северносамодийских языках пассив имеет деривационный статус, т. е. образует новую лексему, а не формы исходного производящего глагола. Кроме того, пассивный показатель не обязательно является финальным словообразовательным аффиксом, за ним могут следовать показатели других дериваций. В частности, к пассивным глаголам присоединяется как минимум один из показателей каузатива — *-bta / -btye* в тундровом ненецком и его когнаты в других северносамодийских языках, — а также показатели некоторых аспектуальных дериваций и предикатной множественности.

В примере (10) глагол *xa-da-ra-bta-* является каузативом от пассивного глагола. Примеры на непроемный глагол *xa-* ‘умереть’, каузатив *xa-da-* ‘убить’, пассив от каузатива *xa-da-ra-* ‘оказаться убитым’ иллюстрируются в (8)–(9), так что можно проследить всю

⁴ Поссесивные формы номинатива и аккузатива при обладаемом мн. ч. демонстрируют систематический синкретизм, поэтому *yesy°nyih* может быть также формой аккузатива, но согласование непереходного глагола по 3 л. мн. ч. и все остальные примеры однозначно указывают на то, что при стандартной пассивной диатезе пациентивный участник продвигается в позицию подлежащего и в финитной клаузе маркируется номинативом.

⁵ Ср. свойства канонического пассива по [Siewierska 2005: 434]: «(i) it contrasts with another construction, the active; (ii) the subject of the active corresponds to a non-obligatory oblique phrase of the passive or is not overtly expressed; (iii) the subject of the passive, if there is one, corresponds to the direct object of the active; (iv) the construction is pragmatically restricted relative to the active; (v) the construction displays some special morphological marking of the verb».

⁶ В [Siegl 2013] можно найти три разных вида этой основы (ср. словоформы *modiä-l-id-uš* (sic!), *modi-l-id* и *mod-l-id* и примеры с ними), из которых второй представляется наиболее регулярным.

деривационную историю (полужирным везде выделен последний словообразовательный показатель).

- Тундровый ненецкий (с. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)
- (8) *te-myih* *xa-^o*
олень-POSS.1NPL умереть-GFS[3SG.S]
‘У меня умер олень’.
- (9) *ti* *xa-da-ra-wi^o-q,* *sarmyik^o* *xa-da-we-da*
олень умереть-CAUS-PASS-NARR-3SG.R волк умереть-CAUS-NARR-3SG.O
‘Олень оказался убитым, волк его задрал’.
- (10) *xasawa* *te-m-ta* *xa-da-ra-bta-^o*
мужчина олень-ACC-POSS.3SG умереть-CAUS-PASS-CAUS-GFS[3SG.S]
‘Мужчина погубил оленя’.

Ср. также отсутствующий в словарях каузатив *talye-rye-btye-* < *talye-rye-* ‘исчезнуть, пропасть, потеряться; оказаться украденным’ < *talye-* ‘украсть’.

- (11) Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)
- məny^o* *yeɣy^o-nyih* *talye-rye-btye-yə-n^o*
я железо.PL-(ACC.)POSS.1SG украсть-PASS-CAUS-SFS-1SG.O.NSG
‘Я допустил, что мои деньги украли’.

Предложение в примере (10) может описывать, например, ситуации, в которых мужчина загонял оленя до смерти, не давая ему отдыха, оставил на привязи слишком надолго, не защитил от нападения волков и пр., т. е. по сути любые ситуации, в которых каузация смерти является опосредованной и концептуализируется как непредумышленное убийство. Сходным образом, (11) предполагает, что говорящий оставил кошелёк в общественном месте, выронил его или оставил открытой входную дверь. Иными словами, каузативные глаголы *xa-da-ra-bta-* и *talye-rye-btye-* описывают действие или бездействие субъекта, приводящее к тому, что некоторый агент или неагентивная причина каузирует наступление результирующего состояния⁷.

По крайней мере для двух обсуждаемых глаголов ситуация в других северносамодийских языках выглядит похожим образом. Ср. нганасанский, где глагол *toli-ri-bti-* обнаруживает идентичную с тундровым ненецким глаголом *talye-rye-btye-* деривационную историю.

- НГНАСАНСКИЙ [Brykina et al. 2018]
- (12) *təndə-mti* *toli-biati*
тот-ACC.SG.POSS.3SG украсть-INFER[3SG.S]
‘Вот такое она украла, кажется’.
- (13) *taa-mə* <...> *kontu-ru-sa,* *toli-ri-hiadi-?*
олень-NOM.SG.POSS.1SG увезти-PASS-INF украсть-PASS-INFER-3SG.R
{Эти люди моего сына убили, да еще} ‘моего оленя <...> унесли, украли’.
- (14) *ŋaŋa?sa-nu?* *bad'a-j* *toli-ri-bti-tə-ti-mi-ei*
человек-GEN.PL.POSS.1PL железо-ACC.PL украсть-PASS-CAUS-IPFV-PRS-1DU.S/O-EXCL
‘Чтобы не украли чужие деньги...’, букв. «а то мы допустим, что чужие деньги украдут».

⁷ При этом каузативный аффикс *-bta-* / *-btye-* в тундровом ненецком является показателем общей каузации, т. е. он не специфицирован в отношении выражения непосредственной или опосредованной каузации. Вероятно, тот подтип инволитивно-пермиссивной каузации, который мы наблюдаем в примерах типа (10)–(11) и который может быть охарактеризован как несознательное препятствование, когда каузируемая ситуация оказывается лишь одним из следствий ситуации каузации, никак не контролируемым каузатором, возникает благодаря сочетанию семантического вклада пассивной и каузативной морфем, но этот сюжет выходит за рамки статьи.

Из других дериваций от пассивного глагола в тундровом ненецком образуются дуративы на *-(m)pə/-bə*, итеративы на *-ŋkə*, в ряде случаев стативы, а также отглагольные имена типа *syadolara-bco* ‘чувство стыда, смущение’; в нганасанском, по данным [Wagner-Nagy 2001], — итератив, имперфектив, дуратив, фреквентатив, аттенуатив, инхоатив на *-ʔKƏ*, хабитуалис.

Кроме того, пассивные глаголы образуют большинство нефинитных форм, за исключением пассивного причастия в тех языках, где эта форма существует (в частности, в нганасанском). Ниже приводится пример на отрицательную целевую форму (т. н. эвазив) от пассивного глагола в тундровом ненецком⁸.

(15) Тундровый ненецкий [Терещенко 1965: 233]

<i>xəʷlata</i>	<i>təneq-la-ra-wonkəd^o</i>	<i>pyi-n^oh</i>
слеза.GEN.PL.POSS.3SG	увидеть-PASS-PASS-EVAS	пространство.вне.чума-DAT
<i>nyalkarə-^o</i>	<i>pya-^o-da</i>	
выскользнуть-CVВ	начать-GFS-3SG.O	

‘Чтобы не были замечены ее слезы, она незаметно вышла на улицу’.

2.3. Маркирование агентивного дополнения в непричастной пассивной конструкции

В нганасанском и лесном энецком, согласно существующим описаниям и примерам в корпусах, агентивное дополнение в непричастной пассивной конструкции оформляется исключительно или преимущественно лативом⁹. В тундровом (а также в лесном) ненецком, где непричастный пассив непродуктивен, судя по всему, не грамматикализовался единый способ оформления агентивного дополнения и существует значительная вариативность в этом плане. Между собой конкурируют датив (аналог нганасанского и энецкого латива), локатив и аблатив, при этом с одними предикатами возможны одни из этих стратегий, тогда как с другими — другие; ср. (16)–(17). Аблативное маркирование, по-видимому, возможно, если участник может быть концептуализирован как неагентивная причина (17). Датив редко встречается в качестве первой реакции при элицитации, но с некоторыми экспериенциальными глаголами употребителен только этот вариант, как выше в примере (7) с глаголом *təneq-la-ra* (увидеть-PASS-PASS). Это, вероятно, указывает на то, что для падежного маркирования могут быть важны семантические роли, а не условная синтаксическая позиция исходного подлежащего.

⁸ Генитивное маркирование субъекта возможно при ряде нефинитных форм.

⁹ В [Siegl 2013: 416–417] отмечается, что в речи одного из информантов встречались также агентивные дополнения, маркированные локативом(-инструменталисом), что автор грамматики связывает с влиянием русского языка.

(i) *āki balok kasa āči-gin mā-ra-d-idʔ*
 this balok man youngster-LOC.PL make-PASS-FUT-3SG.R
 ‘This balok will be built by the sons’ [Siegl 2013: 417].

(ii) *čiki paður āsi-xun-da pađ-ra-d-idʔ*
 this letter father-LOC.SG.POSS.3SG write-PASS-FUT-3SG.R
 ‘This letter will be written by his father’ [Ibid.].

Тундровый ненецкий (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)

- (16) *ti sarmyikə-x^ona / sarmyikə-n^oh / *sarmyikə-xəd^o ɲəm-la-re-y^o-q¹⁰*
 олень волк-LOC волк-DAT волк-AVL съесть-PASS-PASS-SFS-3SG.R
 ‘Олень оказался съеден волком’.

- (17) *nye ɲəsyeki^o ɲarka xasawa-xəd^o / xasawa-n^oh*
 женщина ребенок большой мужчина-AVL мужчина-DAT
syadola-re-y^o-q
 смутить.PASS-PASS¹¹-SFS-3SG.R
 ‘Девочка застенялась взрослого мужчины’.

При этом, в отличие от причастного пассива, агентивное дополнение никогда не оформляется генитивом. Ср. обороты с перфективным причастием от переходного глагола *talye* ‘украсть’ и от пассивного *talye-rye* ‘оказаться украденным’. В первом случае генитив кодирует агенса, во втором — possessора, а агенс выражен именной группой в локативе; ср. также различную позицию генитивных имен в этих случаях.

- (18) *xasawako-h talye-wi^o ti-m xo-ə-m^oh*
 Хасавако-GEN украсть-PT.PFV олень-ACC найти-GFS-1SG.S
 ‘Я нашел оленя, которого украл Хасавако’.
- (19) *ɲəsyeke-x^oqna talye-rye-wi^o lúca-h ti-m xo-ə-w^o*
 ребенок-LOC.PL украсть-PASS-PT.PFV русский-GEN олень-ACC найти-GFS-1SG.O
 ‘Я нашел оленя, которого дети украли у русского’.

2.4. Акциональность пассивных глаголов и набор доступных спряжений

Относительно нганасанского в [Helimski 1998: 510] сообщается, что пассивные глаголы могут быть перфективными и имперфективными в зависимости от того, к какому виду относится производящая основа. В [Гусев 2012: 331] также отмечается, что «пассив, в отличие от каузатива, сохраняет вид производящей основы». Что касается возможности присоединения показателей согласовательных серий, Е. А. Хелимский отмечает, что обычно пассивные глаголы изменяются по рефлексивному спряжению¹², что действительно так, хотя субъектное спряжение также не исключено. Ср. два примера из [Гусев 2012]. В (20) перфективный предельный глагол принимает показатель субъектной согласовательной серии, в (21) имперфективный неопредельный глагол — показатель рефлексивной серии. Последний факт примечателен тем, что рефлексивное спряжение в нганасанском языке, в отличие от тундрового ненецкого, не предполагает, что глагол обязательно имеет предельную интерпретацию в финитных формах. Однако закономерностей маркирования пассивных глаголов показателями той или иной серии не прослеживается.

¹⁰ В произношении этого глагола существует вариативность. В [Терещенко 1990: 321] отмечен вариант *ɲəblara-*, используемый также рядом опрошенных носителей. Также фиксируется вариант *ɲəw(ʰ)lara-*, в том числе в идиомах без стандартной лениции *b*, что, возможно, является результатом переосмысления этого глагола как деривата каузативного глагола *ɲəw^ola-* ‘накормить’, а не исходного переходного *ɲəm-* ‘съесть’.

¹¹ Глагол *syadolara-* ‘застыдиться, застеняться, смутиться’, судя по всему, является «двойным пассивом» от *syadoh-* ‘прстыдить, смутить, заставить почувствовать себя неловко’.

¹² В оригинале опечатка: «They ... are usually conjugated according to the subjectless (вместо “objectless” — И. С.) type» [Helimski 1998: 510].

НГНАСАНСКИЙ [Гусев 2012: 331]

- (20) *tə koi-rj-ʔə* *ñüə-ntə*, *l'andjrsij-t'i*
 ну оставить-PASS-PF[3SG.S] ребенок-LAT качать.ребенка-PRS[3SG.S]
 'Его оставили с ребенком, он (ребенка) качает'.

- (21) *śiəđjɾə taani-ə kəi-tənj taharaiʔ śiəđjɾi-ñiʔ*
 окно.GEN тот-ADJ.GEN сторона-LOC теперь окно-PL.POSS.1PL
t'ambi-tə-rj-tj-ndəʔ
 сломать.COMPL-PROGR-PASS-PRS-3PL.R

'За окном (т. е. с другой стороны, с улицы) наши окна ломают' {дело происходит во время пожара}.

В энецких диалектах, по данным [Siegl 2013; Khanina, Shluinsky 2019], пассивные глаголы всегда оформляются согласовательными показателями рефлексивной серии. При этом рефлексивная серия (в работах по энецкому называемая обычно медиальной) оформляет в норме только перфективные (предельные) глаголы, за вычетом трех типов исключений, одним из которых как раз являются пассивные глаголы [Шлуинский 2017: 32; Khanina, Shluinsky 2019], — они оформляются показателями рефлексивной серии даже в том случае, если образованы от имперфективных глаголов, что, однако, случается крайне редко. Ср. пример из тундрового энецкого, в котором пассивный дериват образован от имперфективного глагола 'тащить', однако все равно стоит в форме рефлексивного спряжения.

- (22) Тундровый энецкий [Khanina, Shluinsky 2019: 15]
tea-da naʔə-bi-za kugoʔ-xoʔo-da,
 reindeer-OBL.SG.3SG catch(PFV)-PRF-3SG.SOSg throat-ABL.SG-OBL.SG.3SG
tea-xa-da uxe-l-e-zo
 reindeer-DAT.SG-OBL.SG.3SG drag(IPFV)-PASS-M-3SG.M

'It (= the wolf) grasped the reindeer by its throat, it is being dragged by the reindeer'.

В тундровом ненецком пассивные глаголы в норме тоже оформляются показателями рефлексивной серии, но для носителей некоторых идиомов иногда допустимы и показатели субъектной серии (однако тотальной проверки возможности оформления пассивных глаголов показателями субъектной серии не проводилось). Примечательно, что формы субъектного спряжения индикатива в таком случае образуются от специальной финитной основы, чего в других случаях в тундровом ненецком не бывает и что в принципе считается невозможным.

- Тундровый ненецкий (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)
 (23) *məncʰya-xəna-nyih tedolare-yə-dʰm* / *tedolare-yə-wʰq*
 работа-LOC-POSS.1NPL попасть.под.брань¹³-SFS-1SG.S попасть.под.брань-SFS-1SG.R
 'Меня обругали на работе'.

- (24) *mənyʰ sarmyikə-nʰ / sarmyikʰ-xəna nyəqmʰla-ra-we-dʰm*
 я волк-DAT волк-LOC схватить.INCH¹⁴.PASS-PASS-NARR-1SG.S
 'Я был схвачен волком' (например, во сне).

В тундровом ненецком языке все непереходные глаголы с показателем *-ra/-rye*, которые уместно называть пассивными и которые имеют более или менее прозрачную деривационную историю, являются перфективными и образованы в норме также от перфективных

¹³ Глагол *tedolara-* образован либо напрямую от *tedor-* 'обругать, выругать', либо от переходного *tedola-* 'забранить', отмечаемого в [Пырерка, Терещенко 1948: 82].

¹⁴ Дериват, включающий два показателя пассива, образован от основы *nyəqmə-* 'взять, схватить, поймать' — предположительно, через посредство инхоатива. В словарях, как кажется, этот глагол не встречается.

глаголов. Возможными исключениями из последней закономерности являются глаголы *paue-rye* ‘отець’ и *ueqqa-ra-* ‘накрениться, нагнуть (слегка — в сторону)’, образованные, по-видимому, от непереходных имперфективных глаголов *paue-* ‘быть опухшим’ и *ueqqa-* ‘быть наклоненным (в сторону), накрененным’.

2.5. Модели полисемии пассивного показателя

В нганасанском и энецких языках, в которых существует продуктивный непричастный пассив, для соответствующего показателя нехарактерна пассивно-рефлексивно-декаузативная полисемия, свойственная пассивным показателям во многих языках; ср. показатель *-ся* в русском и его когнаты в других индоевропейских, *-əv / -u* в мокшанском и пр. Единичные примеры подобного рода, по-видимому, можно обнаружить, хотя надежными их едва ли можно назвать. Ср. приводимый в [Жорник 2018: 25] пример из нганасанского корпуса, где пассивный показатель как будто имеет декаузативное значение.

(25) НГНАСАНСКИЙ [Brykina et al. 2018]

baarba-ŋku ŋua-ðu biārə-ri-ʔə
 хозяин-DIM.GEN дверь-POSS.3SG открыть(ся)-PASS-PF.3SG.S

{Когда все уснули,} ‘у хозяина дверь приоткрылась’.

На самом деле непроемный глагол *biārə-* используется не только как переходный в значении ‘открыть’, но и как непереходный (в формах рефлексивного спряжения) в значении ‘открыться’; примеры такого рода в корпусе не единичны, в отличие от (25). Таким образом, роль пассивного показателя, если здесь представлен он, неочевидна.

Относительно тундрового ненецкого языка, в котором глагольный пассив непродуктивен, сложнее говорить о моделях полисемии, но примеры, в которых пассивный аффикс выражает неконтролируемый рефлексив, есть; ср. тайм. *pəra-da-ra-* ‘обжечься (неожиданно)’ < *pəra-da-* ‘сжечь; обжечь’ < *pəra-* ‘1) сгореть; 2) обжечься’; *temp^ora-ra-* ‘обмануться, ошибиться’ < *temp^ora-* ‘1) б.-з. и м.-з. обмануть; 2) приманить; 3) ям. обмануть в шутку’.

Тундровый ненецкий [Терещенко 1965: 688]

(26) *ŋəmke^o syiq-myi temp^ora-ə-n^o?*
 что PRON.ACC-POSS.1SG обмануть-GFS-2SG.S

‘Зачем ты меня обманул?’

(27) *tyiki^o nye-m nyebya-də-n^o pæ^or-ŋa-wə-sy^o,*
 этот женщина-ACC мать-DEST-GEN.POSS.1SG делать-GFS-1SG.O-PST

temp^ora-ra-we-w^oq
 обмануть-PASS-NARR-1SG.R

‘Я ошибся, приняв эту женщину за свою мать’.

3. Двойная манифестация пассивной морфологии, отыменные дериваты и лексические ограничения

В этом разделе описываются случаи, в которых пассивный статус показателя *-ra / -rye* менее очевиден. Помимо ситуации, когда от переходного глагола образуется пассивный дериват только с одним или только с двумя пассивными показателями, в отдельных случаях возможны оба варианта. Так, от переходного глагола *xa-da-* (умереть-CAUS) ‘убить; добыть’

фиксируется не только пассивный дериват *xa-da-ra-* (умереть-CAUS-PASS) ‘оказаться пойманным, убитым’, иллюстрируемый выше в примерах (3) и (9), но и *xa-da-ra-ra-* (умереть-CAUS-PASS-PASS), который показан ниже.

(28) Тундровый ненецкий [Терещенко 1990: 67]

ɲoka niχ°-xəna xa-da-ra-ra-ŋku-n°!
 многим сила-LOC умереть-CAUS-PASS-PASS-FUT-2SG.R

‘От большой силы ты погибнешь!’ (многие враги тебя уничтожат) .

«Двойной пассив», при котором к глагольной основе последовательно присоединяется два одинаковых аффиксальных показателя пассива¹⁵, фиксируется в описаниях тюркских языков: турецкого [Göksel, Kerslake 2005; Özkaragöz 1986], карачаево-балкарского [Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006; Lyutikova, Tatevosov 2015] и др. В турецком этот процесс непродуктивный, а семантика двойного пассива, как правило, идиосинкратическая (впрочем, согласно существующим описаниям, после повторной пассивизации может и не происходить никаких изменений в семантике). В [Göksel, Kerslake 2005: 136] отмечается, что при неоднократной пассивизации первый показатель имеет «интранзитивизирующую» функцию, а уже второй — именно пассивную, однако в указанной работе это положение более никак не поясняется¹⁶.

Более интересны семантические эффекты, вводимые двойным пассивом в карачаево-балкарском языке. Согласно [Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006], они делятся на две группы: вводящие каузативное подсобытие и описывающие повторное осуществление события. Эти группы включают большой комплекс различных значений (волитивность, интенсивность, повторение кульминационной стадии события, внешний каузатор), сближающих пассив с каузативом в функциональном отношении. Более детальный разбор балкарских данных см. в статье [Lyutikova, Tatevosov 2015], где предполагается, что пассив на самом деле всегда соединяется с переходной структурой, а каузальная интерпретация двойного пассива возникает благодаря скрытой каузативизации и каузативной коэрсии.

Эффекты, вводимые двойным пассивом в тундровом ненецком, с трудом поддаются описанию. Иногда как будто можно неформально говорить об операциях над параметром интенсивности или об эмпазе на осуществлении события. Так, в связи с (28) информанты предлагают пояснение, что ситуация произойдет непременно. Однако сравните следующие примеры, в которых глагол с одним показателем *-ra* и глагол с двумя *-ra* являются пассивными дериватами, образованными в итоге от одного переходного глагола *ɲuq-* ‘1) подуть; 2) раздуть (огонь)’. В своих основных значениях они очень близки, но *ɲuq-la-* (29), в отличие от *ɲuq-la-ra-* (30), предполагает моментальное исчезновение объекта из поля зрения наблюдателя.

Тундровый ненецкий (с. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)

(29) *səta myercya-xəd° səwa-myih ɲuq-le-y°-q,*
 быть.сильным.PT.IPFV ветер-ABL шапка-POSS.1NPL подуть-PASS-SFS-3SG.R

tənesu° yaqtə-ə-w°
 увидеть.CVB не.мочь-GFS-1SG.O

‘Сильным ветром сдуло / унесло шапку, не могу увидеть <куда>’.

¹⁵ Двойная пассивная конструкция, в которой одна из пассивных форм является нефинитной, а другая — финитной, встречается во многих языках, например в литовском, английском и ряде других индоевропейских.

¹⁶ Многие теоретические подходы предполагают, что пассивы не могут быть пассивизованы, поэтому данные языков типа турецкого представляют особый интерес как возможные контр-примеры для таких обобщений; ср., в частности, недавнюю статью [Legate et al. 2020], где утверждается, что двойной пассив в турецком на самом деле является имперсоналом от пассива, т. е. идентичная морфология «озвучивает» два различных процесса.

- (30) *səta* *myercya-xəd°* *səwa-myih* *púq-la-re-y°-q*,
 быть.сильным.ПТ.ІPFV ветер-ABL шапка-POSS.1NPL подуть-PASS-PASS-SFS-3SG.R
pon°h *təwǫdǫ-ə-w°*
 долго догонять-GFS-1SG.O

‘Сильным ветром сдуло / унесло шапку, долго догонял’ {постепенно, виден процесс}.

О двойном пассиве от глагольных основ в собственно пассивной конструкции в тундровом ненецком языке мало что можно сказать вполне уверенно, но, в отличие, например, от двойного пассива в карачаево-балкарском [Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006; Lyutikova, Tatevosov 2015], он точно не может вводить каузативное подсобытие или же обозначать повторное осуществление события — и, по-видимому, едва ли является отдельной регулярной деривацией со своей собственной семантикой.

Тем не менее есть особый класс случаев двойной манифестации морфемы *-ra / -rye*, представляющий специальный интерес. В примерах (31)–(32) иллюстрируется пассив от связанной основы *sawoq-*, более нигде в тундровом ненецком языке не фиксируемой, но очевидным образом имеющей непосредственное отношение к существительному *sawo* ‘разлив, наводнение’¹⁷. Когда пассивный дериват предположительно связан с именной основой, он в норме включает два вхождения аффикса *-ra / -rye*, что мы и наблюдаем в (31)–(32), где говорится о последствиях наводнения для субъекта. При этом в позиции подлежащего пассивной клаузы в одном случае оказывается говорящий, а в другом — его обладаемое (точнее, группа, в которую он входит, и ее обладаемое соответственно).

Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)

- (31) *tənyaq sawo-q-la-re-y°-wacy°* / **sawo-q-le-y°-wacy°*
 мы.PL разлив-Q-PASS-PASS-SFS-1PL.R.PST разлив-Q-PASS-SFS-1PL.R.PST
 ‘Мы оказались залиты половодьем’.

- (32) *tənyaq əmke-ryi-naq sawo-q-la-re-y°-dəcy°* / **sawo-q-le-y°-dəcy°*
 мы.PL что-RESTR-POSS.1PL разлив-Q¹⁸-PASS-PASS-SFS-3PL.R.PST разлив-Q-PASS-SFS-3PL.R.PST
 {Этой весной было очень сильное наводнение.} ‘Наши вещи промокли...’

Современным носителям восточных говоров тундрового ненецкого языка дериват с одним пассивным аффиксом от основы *sawo(-q)-*, как правило, вообще незнаком. При этом на него можно найти пример в словаре. Как видно из (33), глагол с одним показателем *-ra* может описывать разлив самой реки (аналогичный глагол фиксируется также в нганасанском языке).

- (33) Тундровый ненецкий [Терещенко 1965: 519]
yəxa sawo-q-le-y°-q
 река разлив-Q-PASS-SFS-3SG.R
 ‘Река разлилась’.

Если возводить структуру *sawo-q-la-ra-* непосредственно к безличному (нульместному) предикату, выражаемому именной основой *sawo* ‘разлив, наводнение’, то получается, что участник, занимающий в таких случаях позицию подлежащего при двойном пассиве, не является аргументом исходного предиката, а количество участников увеличивается с нуля до одного. Таким образом, примеры типа (31)–(32), несмотря на морфологическое сходство, с точки зрения синтаксиса весьма далеко отстоят от случаев, рассмотренных выше.

¹⁷ Согласно словарю [Salminen 1998: 324], и глагол *sawoqlara-* ‘стать разлившимся’, и существительное *sawo* ‘наводнение, разлив’ восходят к связанной основе SAWΘ², фиксируемой также в словах *sawibyo-* ‘медленно передвигаться, раздвигая воду ногами’ и *sawir-* ‘странствовать, скитаться без особой на то потребности’.

¹⁸ Гортанный смычный в таких примерах отделяется от именной основы и условно глоссируется как Q.

Однако если считать, что пассивизации в примерах типа (31)–(32) предшествует аппликативизация, то сходство между различными типами пассива на *-ra* / *-rye* можно считать значительным. При таком подходе можно полагать, что показатели пассива обеспечивают лишь пассивную диатезу, а новый участник в структуру ситуации добавляется с помощью операции аппликативизации.

В принципе, т. н. «глухой» гортанный смычный *q* (точнее, глубинный морфонологический *S*, с которым он, в частности, чередуется) может выступать в том числе в качестве вербализатора и образовывать прежде всего переходные глагольные основы от именных, но глагол «*sawoq*» в тундровом ненецком в любом случае не фиксируется.

Важный факт заключается в том, что в современном тундровом ненецком языке для примеров типа (31)–(32), по-видимому, нельзя привести аналогичные (активные) переходные клаузы. Таким образом, даже если считать, что в морфологическом отношении элементы *-ra* в глаголах *sawo-q-la-ra* и *təneq-la-ra* идентичны, а поверхностный синтаксис предложений, включающих их, в чем-то схож, анализировать примеры типа (31)–(32) как стандартный пассив в любом случае невозможно.

Другие примеры двойных пассивов, восходящих к именной основе, включают *ɲobo-q-la-ra* ‘почувствовать потребность в поддержке’ < *ɲob* ‘один’, *sesye-q-la-ra* ‘попасть в бедственное положение, оказаться в беде’ < *sexə* ‘4) затруднение, беда’, *syedyala-ra* ‘покрыться инеем, изморозью’ < *syedyah* ‘иней, изморозь’, *syiŋke-q-la-ra* ‘заболеть цингой’ < *syiŋke* ‘цинга’, *xanuy^o-q-la-ra* ‘стать нездоровым, болезненным, больным’ < *xanuy^o* ‘нездоровый, болезненный, больной’ и др. В большинстве случаев такие двойные пассивы, восходящие к именным основам, используются в физиологических, метеорологических или близких к ним контекстах (34)–(36), но в общем случае не ограничены ими (37).

Тундровый ненецкий

- (34) *ɲoka-w^ona* *ɲuo-n^o* *xonuy-q*, *syiŋke-q-la-ra-ŋku-n^o*
 многий-PROL NEG.IMP-2SG.S спать-CN цинга-Q-PASS-FUT-2SG.R
 ‘Не спи много, заболеешь цингой’ [Терещенко 1965: 561].

- (35) — Ява”нюдя(“)ларэй”, тэва”нокамда. Няхар”ёнаркад’вата тэхэна несэй я тара, нядада”тянё(“)ларэй”.

ya-waq *nyudya-(q)-la-re-y^o-q*, {...} *nyadə-daq*
 земля-POSS.1PL маленький-Q(?)¹⁹-PASS-PASS-SFS-3SG.R ягель.PL-POSS.NSG.2PL
tyanyo-(q)-la-re-y^o-q
 мало-Q(?)¹⁹-PASS-PASS-SFS-3SG.R

‘Земля наша уменьшилась,’ {олений стало больше. Для трех с лишним тысяч олений новая земля нужна,} ‘ягеля стало мало’ («Ялумд»), № 129 (20188) от 27 ноября 2014 г.).

- (36) Мальцами’варувнанда ɲани’нобахаяони’нямна седяларавы”²⁰.

mal^oсуа-myih *waru-w^ona-nta* *ɲanyih* *ɲoba-xəyу-nyih* *ɲya-mna*
 малица-POSS.1NPL край-PROL-POSS.3SG снова рукавица-DU-GEN.POSS.1NPL y-PROL
syedyala-ra-wi^o-q
 иней.PASS-PASS-NARR-3SG.R

‘На мне малица заиндевила по краям да на рукавицах’ (А. Ледков. Вадако” Ларь).

¹⁹ С учетом того, что в текстах статей на сайте <http://nvinder.ru/rubric/yalumd> часто пропускаются не только конечные, но и срединные «глухие» гортанные смычные, можно предложить такую конъектуру. Впрочем, не исключено, что в процессе деривации мог быть задействован показатель, состоящий из «звонкого» гортанного смычного, который в обязательном порядке выпал бы перед следующим согласным и, как и «глухой», вызвал бы переход *r* → *l*. Как бы то ни было, ни глаголы «*nyudyaq*», «*tyanyoq*», ни глаголы «*nyudyah*», «*tyanyoh*» не отмечены в словарях — Впрочем, как и иллюстрируемые пассивы.

²⁰ Использование гортанных смычных унифицировано и уточнено.

Глагол *syedyalara-* с точки зрения морфологической структуры стоит несколько особняком, потому что демонстрирует, что двойной пассив от именной основы не обязательно образуется через посредство «глухого» гортанного смычного (в данном случае никакого промежуточного элемента нет, *syedyah* ‘иней’ + *-ra* + *-ra* дает как раз *syedyalara-*; ср. запись SYETYANG RA RA в морфонологическом словаре Т. Салминена [Salminen 1998: 203]). С другой стороны, глагол *syedyalara-* показывает, что двойной пассив от именной основы может не иметь ничего общего с синхронно фиксируемой переходной глагольной структурой от той же именной основы. Так, от имени *syedyah* (точнее, от основы аккумулятива мн. ч. *syedyaho-*) образован зафиксированный в словаре Н. М. Терещенко [1965: 541] переходный глагол *syedyaho-q-* ‘покрыть инеем’. Таким образом, образованный по всем правилам двойной пассив от переходного глагола, образованного от именной основы, выглядел бы как «*syedyahoqlara-*».

В примере (37) демонстрируется не отражаемый словарями тундрового ненецкого пассивный глагол, также образованный от связанной основы, имеющей непосредственное отношение к имени *pun*^o ‘1) вера; 2) признак, примета’²¹. Промежуточным элементом между именной основой и глагольной морфологией оказывается, как и в большинстве предыдущих примеров, «глухой» гортанный смычный. При этом снова лишь дериват с двумя показателями пассива признается информантами грамматичным. Различия в аргументной структуре между *pun*^o-*q-la-ra-* и двойными пассивами выше (*pun*^o-*q-la-ra-* допускает синтаксическое выражение двух участников — экспериенцера в локативе и стимула в номинативе), по-видимому, могут быть связаны с различиями в аргументной структуре исходных предикатов (*pun*^o отличается в этом отношении и от *syiŋke*, и от *nyudya*, и от *ŋob*).

(37) Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)

tyuku^o *nyenesu*^h *mənyu*^o *nyu-na-nyih* *pun*^o-*q-la-re-yu*^o-*q* /
 этот человек я у-LOC-POSS.1NPL примета-Q-PASS-PASS-SFS-3SG.R

*pun^o-*q-le-yu*^o-*q*
 примета-Q-PASS-SFS-3SG.R

‘Этот человек стал мне известен’.

Наконец, в (38)–(39) мы имеем дело с двумя дериватами от надежной непереходной глагольной основы *xopa-* ‘лечь спать’ — «пассивный» глагол с одним показателем *-ra* регулярно используется всеми информантами в значении ‘уснуть’²², а «пассивный» глагол с двумя показателями *-ra* большинством информантов трактуется как ‘проспать’²³.

²¹ Ср. пример употребления в (i), а также глагольные дериваты вроде *puno-m-* (примета-TRSF) ‘выясниться, стать ясным, уточниться’, *pun*^o-*syə-* (примета-V.CAR) ‘быть непонятым, неопределенным, неприметным, неясно очерченным; быть неизвестным’.

(i) *ri-nyu-h* *səl-ma-ntoh* *pun*^o-*da* *yəŋku*
 задняя.часть-у-ДАТ вернуться-NMLZ.IPFV-GEN.POSS.3PL примета-POSS.3SG отсутствовать.GFS[3SG.S]
 ‘Вернутся ли они назад, неизвестно’ [Терещенко 1965: 488].

²² Такая же ситуация отмечается в лесном энецком, где *kəda-ra-* ‘уснуть’ < *kəda-* ‘лечь спать’. В словаре [Сорокина, Болина 2009] вторым значением глагола *kəda-ra-* дается также ‘лечь (спать)’, однако это, возможно, результат позднейшего смешения.

²³ Для некоторого числа носителей тундрового ненецкого данное значение возможно и при одном пассивном показателе; в других северносамодийских идиомах ситуация может варьировать. В корпусе лесного энецкого языка О. В. Ханиной и А. Б. Шлуинского встречается как минимум один пример с двумя показателями *-ra* от когнатной основы — *kədararibi?*, который переводится ‘я как-то незаметно уснул’. В пуровском говоре лесного ненецкого (с. Халысавай) и значение ‘незаметно уснуть’, и ‘проспать’ возможны для глагола с одним пассивным показателем (по крайней мере, в формах нарратива), а глагол с двумя пассивными аффиксами не используется. Впрочем, для ‘проспать’ в лесном ненецком языке обнаруживается еще одна возможность — каузативизация

говорящий, маленький мальчик, курил или совершал какое-либо другое предосудительное действие и был застигнут врасплох²⁷. Глагол *pun^o-q-la-ra-*, образованный от связанной основы и восходящий в конечном итоге к имени *pun^o* ‘признак, примета’, употребляется преимущественно в ситуациях, когда кто-либо доверился кому-либо, что имело отрицательные последствия.

В отличие от нганасанского, тундрового и лесного энецкого²⁸, глагольный пассив в тундровом ненецком оказывается очень ограничен лексически: в тундровом ненецком нет дериватов с показателем *-ra / -rye* (как и в лесном ненецком — с соответствующим когнатным показателем) ни от глагола ‘привезти, отвезти’, ни от глагола ‘сделать’, ни от большинства других переходных агентивных глаголов, относительно которых можно ожидать, что они будут допускать образование пассива, если в языке существует сколько-нибудь продуктивная пассивизация. Подобные глаголы в тундровом ненецком можно подвергнуть пассивизации только с помощью причастного пассива.

На статус той семантической доминанты, которая предположительно могла бы объединить большинство случаев употребления «пассивной» морфологии в тундровом ненецком, на первый взгляд весьма разрозненных, претендует компонент, который в первом приближении можно истолковать так: ситуация Р отрицательным образом затрагивает одного из участников — либо субъекта (участника в позиции подлежащего), если субъект личный (/ одушевленный), либо его обладателя, если субъект неличный (/ неодушевленный).

Семантический статус этого компонента нуждается в изучении, пока это лишь гипотеза. Более того, степень его обязательности может варьировать, и нейтральные употребления глаголов с обсуждаемым показателем, не предполагающие отрицательную задействованность одного из участников, по-видимому, существуют. Однако среди двойных пассивов от имен и дериватов на *-ra / -rye* от надежно идентифицируемых глагольных основ адверсативное ядро выделяется достаточно четко²⁹. Не исключено, впрочем, что круг рассматриваемой глагольной лексики, удовлетворяющей морфосинтаксическим условиям, названным выше — глагол с показателем *-ra / -rye* является непереходным, перфективным и изменяется по рефлексивному спряжению, — может являться результатом частичной унификации нескольких моделей с различными формантами *-ra / -rye*. Так, особняком

связана с наличием в структуре «глухого» гортанного смычного *q* (S). (Отдельный вопрос состоит в том, является ли МЭНЕ именной по происхождению основой.)

²⁷ См. также выше пример (15), который описывает, как девушка незаметно выходит из чума, чтобы никто не увидел ее слез.

²⁸ Энецкая ситуация нуждается в особом изучении, но ср. следующий показательный пример из тундрового энецкого языка, где пассив от переходного глагола употребляется закономерным образом в соответствии с общей логикой помещения незначимых агентов в фон. Подлежащими при пассиве в данном примере оказываются ‘посуда’ и ‘мясо’, но наиболее топикален в этом фрагменте дискурса именно их проспективный посессор.

(i) *suroko-ðo-ða*   *mi-le-ðo?*,   *ud'a-ðo-ða*   *pu-le-ðo?*
 посуда-DEST-POSS.3SG   дать-PASS-3SG.R   мясо-DEST-POSS.3SG   положить-PASS-3SG.R
 {— Накорми его, он, наверное, есть хочет.} ‘Дали ему посуду, положили ему мяса’ («Солда»).

²⁹ Среди двойных пассивов, восходящих к именным основам, на данный момент мне известно о существовании (по крайней мере, в некоторых идиомах) одного глагола, не вписывающегося в названное обобщение. Это глагол *səwa-q-la-ra-* (хороший-Q-PASS-PASS), не отмеченный в словарях, но признаваемый носителями гыданского говора (с. Гыда). По словам информантов, его можно использовать, например, когда человек показал себя с хорошей стороны, оказался на хорошем счету и т. п. Если негативную концептуализацию для данного случая нельзя реконструировать, возможно, более уместно говорить о том, что отыменные двойные пассивы предполагают сильную задействованность одного из участников, которая может быть как отрицательной, так и положительной, т. е. (скрытая) аппликативизация позволяет включить в состав участников ситуации как малефицианта, так и бенефицианта.

стоит ряд глаголов на *-bta-ra*³⁰, которые обнаруживают определенные сходства с «образными глаголами» в терминах [Урманчиева 2020] и отличаются от непроемных глаголов трудноуловимыми семантическими параметрами.

4. Адверсатив: типологические параллели

Если адверсативная линия анализа, намеченная выше, на верном пути и релевантна по крайней мере для двойных пассивов от именных основ, важно попытаться понять, из какого источника конструкция (или ряд конструкций) с такой семантикой могла возникнуть. В этой связи кажется необходимым привести некоторый типологический контекст. Термин «адверсативность» в интересующем нас смысле³¹ обычно понимают как отрицательную задействованность некоторого участника, нежелательный или неблагоприятный характер ситуации для него, хотя строгие определения сложно найти в литературе. Адверсативом называют тогда конструкцию или категорию, которая призвана маркировать адверсативность. Несмотря на то, что статус этого семантического компонента прежде всего модальный, оценочный, адверсатив зачастую эксплуатирует конструкции, маркирующие различные актантно-значимые преобразования. Чаще всего адверсатив оказывается связан с пассивной морфологией, в литературе можно найти свидетельства существования адверсативных каузативов, а также описания особой роли аппликативных показателей или скрытой аппликативизации в деривации адверсативных конструкций.

Большинство обобщающих работ по типологии адверсатива как будто не существует, однако можно назвать языки и ареалы, в связи с которыми это понятие чаще всего обсуждается. Прежде всего, это японский [Wierzbicka 1979; Oehle, Nishio 1981; Washio 1993; Shibatani 1994; Pykkänen 2000] и корейский [Chung 1993], многие языки Юго-Восточной Азии, в том числе австронезийские — например, малайские идиомы [Nomoto, Kartini 2012], — эвенский [Malchukov 1993] и эвенкийский [Nedjalkov 1991] из числа языков Северной Евразии, а также салишские [Kiyosawa, Gerdtz 2010; Gerdtz 2012] и некоторые другие языки Северной Америки³².

³⁰ Сочетание формальных показателей каузатива и пассива в их составе, на первый взгляд, несколько парадоксальным образом работает на одновременное повышение и понижение переходности, но показатель *-bta* связан скорее с той или иной операцией над параметром интенсивности, чем с собственно каузативизацией, даже если соответствующий каузатив зафиксирован. Ср. толкования из словаря [Терещенко 1965]: *lidabtarā*- III '1) растеряться [сильнее, чем по гл. *lida*- III]; 2) сбиться, ошибиться в ком-чем-л.; 3) забыть, впасть в задумчивость' при *lida*- II '1) пропустить, прозевать, просчитаться; 2) забыть, позабыть', *lida*- III 'растеряться', *lidabta*- II '1) пропустить, прозевать, просчитаться; 2) забыть, позабыть', *lidabta*- III м.-з. 'растеряться'; *pūdabtarā*- II-III '1. пропустить что-л., опоздать (случайно). 2. опоздать (случайно)' при *pūdabta*- III б.-з. 'опоздать (немного)', *pūda*- II-III '1. запоздать, опоздать. 2. отстать от кого-чего-л.'; *pələbatarā*- III 'заразиться' < *pələbta*- II-III '1. 1) макнуть, обмакнуть что-л. во что-л.; 2) прилепить, запачкать что-л. чем-л.; 3) заразить кого-л. чем-л. 2. прилипнуть, пристать' < *pəla*- III '1) пристать, прилипнуть к чему-л.; 2) заразиться'; (*pi*- ~) *pusabtarā*- III 'удивиться, изумиться (неожиданно)' при *pisa*- 'удивиться, поразиться, изумиться' и др. (В словаре Н. М. Терещенко II типом считаются переходные глаголы, изменяющиеся по субъектно-объектному и (тривиальному, в терминах [Татевосов 2016]) субъектному спряжению, а III типом — непреходные глаголы, изменяющиеся по рефлексивному спряжению. Здесь и далее эта нотация используется лишь для краткости.)

³¹ При описании союзов, дискурсивных частиц и т. п. языковых средств встречается также понимание адверсативности как противительности и противопоставленности.

³² Ср. используемый в [Плунгин 1998: 40] применительно к одной из конструкций в языках догон (прежде всего, в томмо-со) термин «эвентуальный пассив», «обозначающий неожиданную,

В японском адверсативную интерпретацию может иметь как пассивная (40), так и каузативная (41) морфология, хотя на эти две адверсативные конструкции наложены различные ограничения.

Японский [Pylkkänen 2000: 204]

- (40) *Taroo-ga musuko-ni sin-are-ta.*
 Taro-NOM son-DAT die-PASS-PST
 ‘Taro’s son died on him’.
- (41) *Taroo-ga musuko-o sin-ase-ta.*
 Taro-NOM son-ACC die-CAUS-PST
 a. ‘Taro caused his son to die’.
 b. ‘Taro’s son died on him’.

В эвенском языке А. Л. Мальчуков [Malchukov 1993; Мальчуков 2008: 92–102] выделяет пять типов адверсативных конструкций с точки зрения наблюдаемых актантных преобразований по сравнению с соотносимой активной конструкцией, если таковая существует. В одном типе адверсативный сценарий сопровождает прототипическую пассивную диатезу (42); в этом типе используются прежде всего переходные глаголы, семантика которых предполагает негативное воздействие на объект, а нейтральные глаголы, по А. Л. Мальчукову, требуют специальных контекстов, указывающих на нежелательную затронутость субъекта. В другом типе конструкция образуется от нульместных безличных глаголов, описывающих атмосферные явления, и предполагает нежелательное воздействие стихий на участника в позиции подлежащего; соотносимой активной диатезы в таких случаях не имеется (43). В третьем типе пассив образуется от непереходных глаголов движения и описывает негативное воздействие на субъекта, связанное с неожиданным появлением другого участника³³, который выражается формами датива, как и стандартное агентивное дополнение (44). Еще два типа тесно связаны с наличием посессивных отношений между двумя участниками и различаются прежде всего переходностью исходных основ (45)–(46).

Эвенский [Malchukov 1993: 369–370]

- (42) *etiken nugde-du ma-v-ra-n*
 old.man bear-DAT kill-ADV-NFUT-3SG
 ‘The old man was killed by the bear’.
- (43) *etiken (imanra-du) imana-v-ra-n*
 old.man snow-DAT snow-ADV-NFUT-3SG
 ‘The old man is caught by the snowfall’.
- (44) *mut (arisag-du) eme-v-re-p*
 we ghost-DAT come-ADV-NFUT-1PL
 ‘A ghost came to us’ (we were negatively affected).
- (45) *huličan bödel-i ene-le-v-re-n*
 fox feet-POSS.REFL.SG hurt-INCH-ADV-NFUT-3SG
 ‘The fox’s paws began to hurt’ ([s]/he was negatively affected).
- (46) *etiken nugde-du gia-j ma-v-ra-n*
 old.man bear-DAT friend-POSS.REFL.SG kill-ADV-NFUT-3SG
 ‘The bear killed the old man’s friend’ (the old man was negatively affected).

непроизвольную или нежелательную ситуацию и выражаемый с помощью каузативного показателя; о каузативно-пассивной полисемии см. также [Plungian 1993].

³³ См. наблюдения о свойствах (и конструкторизации) похожего типа пассива от глаголов направленного движения в казымском хантыйском в [Муравьев 2022].

А. Л. Мальчуков [2008: 101] считает адверсатив вроде эвенского «гибридной» глагольной категорией, занимающей промежуточное положение между пассивом и (инвольтивным) пермиссивным каузативом. Ни каузативный, ни пассивный анализ адверсативных конструкций, как отмечает Мальчуков, не могут в полной мере объяснить все типы, наблюдаемые в эвенском языке, однако их можно рассматривать как континуум от прототипического каузатива к прототипическому пассиву. В заключении раздела об адверсативных конструкциях [Там же: 102] А. Л. Мальчуков предлагает следующую шкалу, «призван[ую] отразить взаимные связи смежных значений и ограничить полисемию залоговых показателей»:

(47) фактитив — пермиссив — адверсатив — пассив

По мысли автора, эта шкала³⁴ предсказывает, что формы, для которых характерна каузативно-пассивная полисемия, «должны включать в свой семантический потенциал» также промежуточные значения [Там же] (под прототипическим каузативом при этом, очевидно, понимается фактитив). Последнее утверждение представляется слишком сильным, если учесть ограниченность обсуждаемого материала. Кроме того, не очень понятно, как соотносится предлагаемая шкала с более известным в литературе путем грамматикализации пассива из каузатива, который обсуждается, например, в [Haspelmath 1990: 46–49] (со ссылками на [Gabelentz 1861; Кормушин 1976; Keenan 1985]), в соответствии с которым промежуточное звено между собственно каузативом и пассивом представляют рефлексивно-каузативные употребления типа того, что наблюдается в следующем примере из английского: *I have myself shaved by the barber*. Если пермиссив на шкале А. Л. Мальчукова можно по крайней мере частично отождествить с рефлексивно-каузативными употреблениями, то статус адверсатива как обязательной стадии развития из каузатива в пассив представляется маловероятным³⁵ — исходя из того, что в целом известно о каузативно-пассивной (и шире — о т. н. «акцессивно-рецессивной») полисемии, омонимии, каузативно-пассивном (и вообще залоговом) синкретизме и прочих типах изоморфизма (см. [Недялков 1964; Кормушин 1976; Nedjalkov 1991; Галямина 2001; Robbeets 2007; Schulze, ms.; Bahrt 2020] и др.). Тем не менее наличие у адверсативно-пассивной формы также инвольтивно-пермиссивных употреблений, по-видимому, может служить ключом к пониманию возможных путей грамматикализации адверсативных конструкций. О том, насколько данные тундрового ненецкого языка совместимы с этой схемой, см. следующий раздел.

Наконец, упомянем еще одну малозаметную, но важную для целей этой работы типологическую параллель, а именно существование в салишских языках небольшого множества адверсативно-пассивных глаголов, которые используются прежде всего в метеорологических или физиологических контекстах, не имеют активных форм и всегда выступают в безагенсном пассиве, при этом образуются как от некоторых глагольных, так и от ряда именных основ. Они, как правило, содержат в себе также аппликативную морфологию, а именно показатели, называемые в описаниях салишских языков «реляционным аппликативом» (*relational applicative*), которые в норме образуют от непереходного предиката переходный, добавляя в позицию прямого объекта участника, который не является семантическим аргументом исходного предиката, а скорее имеет более опосредованное отношение к ситуации, т. е. имеет роль не темы, а, например, стимула, цели, бенефицианта или малефицианта [Kiyosawa, Gerdts 2010: 51–52ff.]. Ср. ниже примеры на обычный

³⁴ Чем предлагаемая шкала отличается от обычной семантической карты и насколько строго она удовлетворяет ограничениям на подобные объяснительные инструменты, из краткого описания не до конца ясно.

³⁵ В [Haspelmath 1990] адверсативность как таковая не обсуждается, но упоминается «затронутость» (*affectedness*) пациента как одна из возможных семантических связей между (по крайней мере некоторыми) каузативными и пассивными конструкциями.

агентивный пассив (48), безагенсный адверсатив от «погодного» предиката (49) и адверсатив от имени (50).

ХАЛКОМЕЛЕМ (диалект Hulqumínuṃ)

(48) *niʔ čew-ət-əm ʔə kʷθə-nə silə tə steniʔ*
 AUX help-TR-PASS OBL DET-1SG.POSS grandparent DET woman

‘The woman was helped by my grandfather’ [Gerdts 2012: 6].

(49) *niʔ ləməxʷ-t-əm kʷθə-nə ǰǰθəm niʔ s-ʔeʔʔq*
 AUX rain-TR-PASS DET-1SG.POSS box.PL AUX ST-outside

‘My boxes that were outside got rained on’ [Ibid.: 8].

(50) *kʷəʔ-t-əm*
 stomach-TR-PASS

‘get diarrhea’ [Ibid.]

Ситуация, при которой одна и та же морфология маркирует стандартную пассивную диатезу с агенсом, который может быть выражен поверхностно, а также образует адверсативные пассивы от нульместных предикатов и именных основ, во многих отношениях напоминает рассматриваемое здесь положение вещей в тундровом ненецком языке. Основные различия состоят в том, что в примерах из языка халкомелем всегда присутствует транзитивизирующая морфология, даже в случае глаголов *passiva tantum*, тогда как в примерах на отыменной адверсатив в тундровом ненецком промежуточный элемент *q* (S), возможно, фигурирует не всегда и его статус менее ясен (хотя он и может быть тоже связан с вербализатором-транзитивизатором). Кроме того, ненецкие примеры на адверсатив от имен содержат два вхождения «пассивного» показателя.

5. Сколько есть морфем *-ra* / *-rye* и при чем здесь спряжения?

Как отмечалось выше, в тундровом ненецком есть заведомо другой формант *-ra* / *-rye*, образующий ряд имперфективных глаголов процесса и состояния, во многих случаях от связанных основ; ср. *tirc^o-ra* ‘1) трястись, подпрыгивать (при тряской езде); 2) скакать верхом (на лошади)’, *lyiw^o-ra* ‘колыхаться (о чем-л. пушистом, распушившемся)’ и др.; обзор данной группы в контексте «образных глаголов» см. в [Урманчиева 2020: 589–596]. С другой стороны, класс перфективных глаголов, изменяющихся по рефлексивному спряжению, которые хотелось бы идентифицировать как содержащие пассивный показатель *-ra* / *-rye*, возможно, сам является результатом сближения различных деривационных моделей.

Кроме того, в тундровом ненецком языке существует непродуктивный каузативный показатель *-ra* / *-rye*; ср. *tæw^o-ra* ‘доставить, донести’ < *tæwə* ‘догнать, настичь (II); дойти, добраться (до чего-л.), достичь (чего-л.) (III)’; *pyir^o-m-la-* = (*pyir^o-m-* + *-ra*) ‘сделать высоким, сделать выше’ < *pyirə-m-* ‘стать высоким’ < *pyir^o* ‘высота’. Аналогичный синкретизм характерен и для других северносамодийских языков, в том числе тех, в которых показатель пассива обнаруживает гораздо большую регулярность и продуктивность, как в нганасанском; ср. когнаты каузативного глагола *tæw^o-ra* ‘доставить, донести’ и пассивного глагола *xa-da-ra-* ‘оказаться убитым’ в других близкородственных языках: л. нен. *tāw^o-la-* и *ka-ta-la-*, л. эн. *moo-pa-* и *ka-za-pa-*, нган. *t’uii-rü-* и *ko-tu-ru-*.

Наконец, ситуацию с однозначной идентификацией характера морфемы *-ra* / *-rye* осложняет наличие в тундровом ненецком (*mutatis mutandis* это актуально и для других северносамодийских языков) Р-лабильности и значительного числа глаголов, изменяющихся и как

переходные, и как непереходные. В первом случае они принимают показатели субъектного или субъектно-объектного спряжения, во втором — рефлексивного спряжения. О том, как в целом функционирует система спряжений в тундровом ненецком и рефлексивное спряжение в частности, см. [Терещенко 1947; 1956; 1965; 1973; Ristinen 1973; Salminen 1997; 1998; Körtvély 2005; Буркова 2010; Nikolaeva 2014; Татевосов 2016].

Такого рода неканоническая декаузативная / рефлексивная лабильность, при которой финитные формы глагола в норме различают переходные и непереходные употребления, характерна и для непроизводной, и для производной лексики, в том числе для глаголов с показателем (или показателями) *-ra / -rye*. Ниже приведены примеры с непроизводными лабильными глаголами, демонстрирующими декаузативную (*nae-* ‘открыть; открыться’ в (51)–(52)) и рефлексивную (*yempaq-* ‘одеть; одеться’ в (53)) лабильность.

Тундровый ненецкий

- (51) *l̥abtey°-m waryeq-naq nae°-waq*
 ящик-ACC с.трудом-POSS.1PL открыть(ся)-GFS-1PL.O³⁶
 ‘Мы с трудом раскрыли ящик’ [Терещенко 1965: 327].
- (52) *s̥ata myercya-x̥ana nyo x̥ar-ta nae-y°-q*
 быть.сильным.PT.IPFV ветер-LOC дверь сам-POSS.3SG открыть(ся)-SFS-3SG.R
 ‘На сильном ветру дверь сама открылась’ [Там же].
- (53) a. *yemp°q-ŋa-d°m*
 одеть(ся)-GFS-1SG.S
 ‘I dressed (somebody)’.
- b. *yemp°q-ŋa-w°*
 одеть(ся)-GFS-1SG.O
 ‘I dressed him / her’.
- c. *yemp°q-ŷə-w°q*
 одеть(ся)-SFS-1SG.R
 ‘I got dressed’ [Salminen 1993–2012].

В таблице ниже (с. 41) приведены некоторые производные лабильные глаголы, чья основа оканчивается на показатель (или показатели) *-ra / -rye* (конкретно в этот список попали только глаголы с алломорфами *-ra / -la*).

В этот список попали и глаголы, явно образованные от других глаголов (*weykala-*, *yeŋŋala-*, *ŋet°qla-*, *ŋoc°ra-*, *ny̆əqm°ra-*, *y̆ədara-*, *nyenc°x̥ala-* и др.), и глаголы, явно образованные от имен (*waqla-* < *waq* ‘загон, загородка; забор’), и глаголы, чья деривационная история несколько менее прозрачна. При этом часто не совсем очевидно, какой вклад вносит морфема *-ra / -rye*. Производящему глаголу иногда оказывается синонимичен дериват на *-ra* в переходном употреблении, ср. *ŋet°qla-* (II) и *ŋetəq-* ‘уколоть, проколоть, проткнуть’, *y̆ədara-* (II) и *y̆əda-* ‘застрелить, подстрелить, подбить; расстрелять, обстрелять’; а иногда — в непереходном (в рефлексивном спряжении), ср. *nyenc°x̥ala-* (III) ‘двинуться, придвинуться, отодвинуться’ и *nyenc°x̥əl-* ‘двинуться, подвинуться, придвинуться, отодвинуться’, *ŋoc°ra-* (III) ‘надоест, наскучить; изнemoчь от какой-л. надоедливой работы’ и *ŋocə-* ‘надоест, наскучить; устать от чего-л.’.

При взгляде на такую картину неочевидно, с каким количеством морфем мы имеем здесь дело. По крайней мере часть приведенных в таблице дериватов напоминает то, что

³⁶ Строго говоря, эта форма может быть и формой субъектного спряжения (это единственный случай синкретизма между показателями субъектного и субъектно-объектного спряжения при ед. ч. объекта). Как бы то ни было, противопоставление (тривиального, в смысле [Татевосов 2016]) субъектного и субъектно-объектного спряжений переходного глагола в текущем контексте нерелевантно.

Таблица

Некоторые лабильные глаголы на *-ra* в тундровом ненецком языке

Основа	Переходное употребление (II тип)	Непереходное употребление (рефлексивное спряжение в финитных формах; III тип)
<i>weŋkala-</i>	‘вытянуть’	‘вытянуться’
<i>yeŋqala-</i>	‘прислонить’	‘прислониться; откинуться’
<i>ŋet^oqla-</i>	‘уколоть’	‘уколоться’
<i>waqla-</i>	‘загородить’	‘загородиться’
<i>ŋoc^ora-</i>	‘довести до изнеможения’	‘надоесть, наскучить’
<i>salm^ora-</i>	‘сровнять, сгладить’	‘заметно разгладиться’
<i>nyəqm^ora-</i>	‘хватать на ощупь; ловить’ ³⁷	‘оказаться пойманным’
<i>lat^ora-</i>	‘сдавить, придавить’	‘оказаться зажатым между чем-л.’
(<i>ye-</i>) ~ <i>yədara-</i>	‘пристрелить’	‘пораниться, застрелиться; получить ранение’
<i>xutolara-</i>	‘выбить из колеи’	‘выбиться из колеи, не зная, за что сначала взялся’
<i>pojolara-</i>	‘поссорить кого-л. с кем-л.’	‘поссориться с кем-л.’
<i>nyenc^oxəla-</i>	‘двинуть’	‘двинуться’

выше называлось пассивом, с единственным, но очень важным отличием — у них есть также переходные употребления. Таковы, в частности, *nyəqm^ora-*, *yədara-*, а также *xutolara-* и *pojolara-*, которые напоминают соответственно двойные пассивы³⁸. Как бы то ни было, отношения между интерпретациями каждого глагола из таблицы в непереходном употреблении (в формах рефлексивного спряжения) и в переходном сводятся к трем основным типам, два из которых — декаузативный (например, *weŋkala-*, *salm^ora-*) и рефлексивный (например, *ŋet^oqla-*, *waqla-*, *yədara-*) — надежно засвидетельствованы в том числе в непроизводной лексике. В третьем типе (например, *nyəqm^ora-*, *lat^ora-*) рефлексивное спряжение тоже описывает переход в результирующее состояние, однако не предполагает значения самопроизвольности (в отличие от декаузатива) и кореферентности участников (в отличие от рефлексива).

Можно предположить, что наличие, с одной стороны, нескольких морфем *-ra* / *-rye*, образующих как переходные, так и непереходные глаголы, а с другой — продуктивной детранзитивизации посредством мены спряжения на рефлексивное могло на определенном диахроническом этапе сыграть роль в возникновении в тундровом ненецком языке того своеобразного «пассива» с идиосинкратическими эффектами, который мы сейчас можем наблюдать. Однако необходимо учитывать, что в других северносамодийских языках, где ситуация с каузативным показателем, когнатным *-ra* / *-rye* и образующим переходные глаголы, примерно такая же, пассив тем не менее гораздо более продуктивен и регулярен.

³⁷ Данный глагол выглядит «белой вороной» даже на фоне этого пестрого списка, потому что он имперфективен в переходном употреблении.

³⁸ Согласно [Salminen 1998], это единственные глаголы на *-ra-ra*, употребляющиеся также переходно, а не только в рефлексивном спряжении. При этом в качестве отдельной словарной статьи фиксируется также глагол *pojolara-* (III) ‘затеряться среди чужих вещей’. Глагол *pojol-*, который, по всей видимости, является производным, значит ‘стать перепутанным, смешанным, спутанным’. Глагол «*xutor-*», от которого предположительно образован *xutolara-*, в словарях не приводится, тогда как *xutə-* значит ‘стукнуть; ударить, сильно размахнувшись’. (От глагола *lat^ora-* также может быть образован дериват *lat^orara-*, имеющий то же основное значение, что и производящий глагол.)

6. Заключение

В статье были рассмотрены непереходные перфективные глаголы с показателем *-ra/-rye* в тундровом ненецком языке. В морфосинтаксическом отношении функцию этого показателя в сочетании с переходными глаголами уместно описывать как пассивную. При этом, в отличие от других северносамодийских языков, где обнаруживаются когнатные показатели, в тундровом ненецком собственно пассивные употребления *-ra/-rye* непродуктивны, с его помощью образуется лишь несколько десятков пассивных глаголов. Кроме ограниченного числа переходных глаголов, присоединение предположительно того же показателя *-ra/-rye* допускают также отдельные непереходные глаголы и некоторые именные основы. В последнем случае деривационная история глагола, как правило, включает промежуточный сегмент *q* (S), который можно связать с вербализующей / транзитивизирующей морфологией. Дериваты, возводимые к именным основам, демонстрируют двойное присоединение «пассивной» морфологии и позволяют продвинуть в позицию подлежащего участника, отсутствующего в аргументной структуре исходного предиката. Двойная манифестация *-ra/-rye* фиксируется и среди отглагольных производных, однако эффекты, вводимые «двойным пассивом», с трудом поддаются описанию.

В семантическом отношении отыменные дериваты и ядро отглагольных пассивов объединяет употребление преимущественно в адверсативных контекстах. Непродуктивность и лексикализованность глагольного пассива, а также существование продуктивной альтернативной стратегии пассивизации, а именно причастного пассива с понятным и типологически ожидаемым кругом употреблений, позволяет предположить, что основным содержанием деривации на *-ra/-rye* может быть не столько смещение агенса или топиализация пациенса, сколько акцент на «затронутости» (affectedness) одного из участников — либо продвинутого в позицию подлежащего, либо связанного с ним посессивными отношениями. Возникновение и закрепление адверсативных употреблений может быть связано с наличием в тундровом ненецком языке каузативно-пассивного синкретизма и продуктивной детранзитивизации посредством мены спряжения на рефлексивное.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

б.-з. — большеземельский диалект тундрового ненецкого языка	CVB — конверб
л. нен. — лесной ненецкий язык	DAT — датив
л. эн. — лесной энецкий язык	DEST — дестинатив
м.-з. — малоземельский диалект тундрового ненецкого языка	DET — детерминатор
нган. — нганасанский язык	DIM — диминутив
тайм. — таймырский диалект тундрового ненецкого языка	DU — двойственное число
ям. — ямальский диалект тундрового ненецкого языка	DUR — дуратив
1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	EVAS — эвазив
ABL — аблатив	EXCL — экскламатив
ACC — аккузатив	FUT — будущее время
ADJ — адъективизатор	GEN — генитив
ADV — адвербиализатор	GFS — общая финитная основа
AUX — вспомогательный показатель	IMP — императив
CAUS — каузатив	INCH — инхоатив
CN — коннегатив	INF — инфинитив
COMPL — комплетив	INFER — инферентив
	IPFV — имперфектив
	LAT — латив
	LOC — локатив
	M — медиальная серия

NARR — нарратив (наклонение)	PROL — пролатив
NEG — отрицательный глагол	PRS — настоящее время
NFUT — небудущее время	PST — прошедшее время
NMLZ — номинализация	PT — причастие
NPL — множественное число	Q — формант <i>q</i>
NSG — неединственное число	R — «рефлексивная» серия
O — объект / субъектно-объектная серия	REFL — рефлексив
OBL — косвенная серия (основа) / косвенный объект	RESTR — рестриктив
PASS — пассив	S — субъектная серия
PF — перфект	SFS — специальная финитная основа
PFV — перфектив	SG — единственное число
PL — множественное число	SMS — специальная модальная подоснова
POSS — possessивность	ST — статив
PROGR — прогрессив	TR — транзитивизатор

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Буркова 2010 — Буркова С. И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-Ненецкого округа). *Диалектологический словарь ненецкого языка*. Буркова С. И., Кошкарева Н. Б., Лаптандер Р. И., Янгасова Н. М. Екатеринбург: Баско, 2010, 179–349. [Burkova S. I. A brief sketch of Tundra Nenets (based on the varieties of Yamalo-Nenets Okrug). *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka*. Burkova S. I., Koshkareva N. B., Laptander R. I., Yangasova N. M. Yekaterinbrug: Basko, 2010, 179–349.]
- Галямина 2001 — Галямина Ю. Е. Акцессивно-рецессивная полисемия показателей залога и актанта деривации. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1: *Глагольные категории*. Плунигян В. А. (ред.). М.: Русские словари, 2001, 178–197. [Galyamina Yu. E. Accessive-recessive polysemy in voice and valency markers. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 1: *Glagol'nye kategorii*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: Russkie Slovarei, 2001, 178–197.]
- Гусев 2012 — Гусев В. Ю. Аспект в нганасанском языке. [Gusev V. Yu. Aspect in Nganasan.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, VIII(2): 311–360.
- Жорник 2018 — Жорник Д. О. *Пассивные конструкции в уральских языках: типология и диахрония*. Дипломная работа. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. [Zhornik D. O. *Passivnye konstruktсии v ural'skikh yazykakh: tipologiya i diakhroniya* [Passive constructions in Uralic: Typology and diachrony]. Bachelor's thesis, Lomonosov Moscow State Univ., 2018.]
- Кормушин 1976 — Кормушин И. В. О пассивном значении каузативных глаголов. *Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова*. Л.: Наука, 1976, 89–93. [Kormushin I. V. On the passive meaning of causative verbs. *Turcologica. K semidesyatiletiiyu akademika A. N. Kononova*. Leningrad: Nauka, 1976, 89–93.]
- Легучий 2014 — Легучий А. Б. Обобщения, ориентированные на исходную точку деривации vs. на продукт деривации, в описании синтаксических процессов. [Letuchiy A. B. Source-based generalizations vs. product-based generalizations in syntax.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2014, X(2): 292–330.
- Мальчуков 2008 — Мальчуков А. Л. *Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты*. СПб.: Наука, 2008. [Malchukov A. L. *Sintaksis evenskogo yazyka: strukturnye, semanticheskie, kommunikativnye aspekty* [Syntax of Even: Structural, semantic, and communicative aspects]. St. Petersburg: Nauka, 2008.]
- Муравьев 2022 — Муравьев Н. А. Адверсативный пассив от глаголов направленного движения в казымском диалекте хантыйского языка. *Сибирский филологический журнал*, 2022, 2: 201–219. [Muraviev N. A. Adversative passive of directed motion verbs in Kazym Khanty. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2022, 2: 201–219.]
- Недялков 1964 — Недялков В. П. О связи каузативности и пассивности. *Ученые записки Башкирского ун-та. Сер. филологических наук*, 1964, 9(13): 301–310. [Nedjalkov V. P. On the connection between the causative and the passive. *Uchenye zapiski Bashkirskogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk*, 1964, 9(13): 301–310.]

- Плунгян 1998 — Плунгян В. А. *Грамматические категории, их аналоги и заместители*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. [Plungian V. A. *Grammaticheskie kategorii, ikh analogi i zamestiteli* [Grammatical categories, their analogues and substitutes]. Doctoral diss. abstract, Lomonosov Moscow State Univ., 1998.]
- Пырерка, Терещенко 1948 — Пырерка А. П., Терещенко Н. М. *Русско-ненецкий словарь*. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1948. [Pyrerka A. P., Tereshchenko N. M. *Russko-nenetskii slovar'* [Russian–Nenets dictionary]. Moscow: OGIZ; State Press for Foreign and National Dictionaries, 1948.]
- Сорокина, Болина 2009 — Сорокина И. П., Болина Д. С. *Энецко-русский словарь*. СПб.: Наука, 2009. [Sorokina I. P., Bolina D. S. *Enetsko-russkii slovar'* [Enets–Russian dictionary]. St. Petersburg: Nauka, 2009.]
- Стенин 2022 — Стенин И. А. Несколько наблюдений над причастным пассивом в тундровом ненецком языке. *Известия РАН. Сер. литературы и языка*, 2022, 81(4): 96–108. [Stenin I. A. Some observations on participial passive in Tundra Nenets. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2022, 81(4): 96–108.]
- Татевосов 2016 — Татевосов С. Г. Структура и интерпретация ненецкого глагола: актантно-акциональные классы и типы спряжения. *Вопросы языкознания*, 2016, 3: 81–114. [Tatevosov S. G. Structure and interpretation of Tundra Nenets verbs: Eventuality types and conjugation classes. *Voprosy Jazykoznanija*, 2016, 3: 81–114.]
- Терещенко 1947 — Терещенко Н. М. *Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка*. Л.: Учпедгиз, 1947. [Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedского) yazyka* [A sketch of Nenets grammar]. Leningrad: Uchpedgiz, 1947.]
- Терещенко 1956 — Терещенко Н. М. *Материалы и исследования по языку ненцев*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. [Tereshchenko N. M. *Materialy i issledovaniya po yazyku nentsev* [Materials and studies in Nenets]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1956.]
- Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. *Ненецко-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1965. [Tereshchenko N. M. *Nenetsko-russkii slovar'* [Nenets–Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965.]
- Терещенко 1973 — Терещенко Н. М. *Синтаксис самодийских языков: Простое предложение*. Л.: Наука, 1973. [Tereshchenko N. M. *Sintaksis samodiiskikh yazykov: Prostoie predlozhenie* [Syntax of Samoyedic languages: Simple sentence]. Leningrad: Nauka, 1973.]
- Терещенко 1990 — Терещенко Н. М. *Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам*. Л.: Наука, 1990. [Tereshchenko N. M. *Nenetskii epos. Materialy i issledovaniya po samodiiskim yazykam* [Nenets epics. Materials and studies in Samoyedic]. Leningrad: Nauka, 1990.]
- Урманчиева 2020 — Урманчиева А. Ю. Деривационная морфология образных глаголов тундрового ненецкого языка. [Uрманchieva A. Yu. Derivational morphology of depictive (onomatopoeic) verbs in Tundra Nenets.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, XVI(3): 570–612.
- Шлуинский 2017 — Шлуинский А. Б. Видовая система энецкого языка на фоне русской: к типологии словоклассифицирующего вида. *Вопросы языкознания*, 2017, 3: 24–52. [Shluinsky A. B. Aspect system of Enets against the background of Russian: A case study of “classifying” viewpoint aspect. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, 3: 24–52.]
- Bahrt 2020 — Bahrt N. N. *Towards a typology of voice syncretism*. Ph.D. diss., Univ. of Helsinki, 2020.
- Brykina et al. 2018 — Brykina M., Gusev V., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. *Nganasan spoken language corpus (NSLC)*. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>.
- Bybee 1995 — Bybee J. Regular morphology and the lexicon. *Language and Cognitive Processes*, 1995, 10(5): 425–455.
- Chung 1993 — Chung T. The affected construction in Korean and Japanese. *Japanese / Korean linguistics*. Vol. 3. Choi S. (ed.). Stanford: Calif, 1993, 154–170.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.
- Gabelentz 1861 — von der Gabelentz H. C. Über das Passivum: eine sprachvergleichende Abhandlung. *Abhandlungen der Philologisch-Historischen Classe der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*. Bd. 3. Leipzig: bei S. Hirzel, 1861, 449–546.
- Gerdts 2012 — Gerdts D. B. Ghosts, mirrors, and adversative passives in Hul'q'umi'num'. *Northwest Journal of Linguistics*, 2012, 6.4: 1–11.
- Göksel, Kerslake 2005 — Göksel A., Kerslake C. *Turkish: A comprehensive grammar*. London: Routledge, 2005.

- Haspelmath 1990 — Haspelmath M. The grammaticization of passive morphology. *Studies in Language*, 1990, 14(1): 25–72.
- Haspelmath 1994 — Haspelmath M. Passive participles across languages. *Voice: Form and function*. Fox B. A., Hopper P. J. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1994, 151–177.
- Helimski 1998 — Helimski E. Nganasan. *The Uralic languages*. Abondolo D. (ed.). London: Routledge, 1998, 480–515.
- Jalava 2014 — Jalava L. Indirectivity and resultativity in Tundra Nenets. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 2014, 62: 207–240.
- Keenan 1985 — Keenan E. L. Passive in the world's languages. *Language typology and syntactic description*. Vol. 1. Shopen T. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985, 243–281.
- Khanina, Shluinsky 2019 — Khanina O., Shluinsky A. Intransitive verbs in Enets: A contribution to the typology of split intransitivity. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2019, 38(1): 1–36.
- Kiyosawa, Gerds 2010 — Kiyosawa K., Gerds D. B. *Salish applicatives*. Leiden: Brill, 2010.
- Körtvély 2005 — Körtvély E. *Verb conjugation in Tundra Nenets*. Ph.D. diss., Univ. of Szeged, 2005.
- Legate et al. 2020 — Legate J. A., Akkuş F., Sereikaitė M., Ringe D. On passives of passives. *Language*, 2020, 96(4): 771–818.
- Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006 — Lyutikova E., Bonch-Osmolovskaya A. A very active passive: Functional similarities between passive and causative in Balkar. *Case, valency and transitivity*. Kulikov L., Malchukov A. L., de Swart P. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2006, 393–416.
- Lyutikova, Tatevosov 2015 — Lyutikova E., Tatevosov S. Recursive passivization: A causative coercion account. *Affix ordering across languages and frameworks*. Manova S. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015, 17–52.
- Malchukov 1993 — Malchukov A. L. Adversative constructions in Even in relation to passive and permissive. *Causatives and transitivity*. Comrie B., Polinsky M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1993, 369–384.
- Nedjalkov 1991 — Nedjalkov I. V. Recessive-accessive polysemy of verbal suffixes. *Languages of the World*, 1991, 1: 4–31.
- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
- Nomoto, Kartini 2012 — Nomoto H., Kartini A. W. Kena adversative passives in Malay, funny control, and covert voice alternation. *Oceanic Linguistics*, 2012, 51(2): 360–386.
- Oehrle, Nishio 1981 — Oehrle R. T., Nishio H. Adversity. *Coyote Papers 2: Proc. of the Arizona Conf. on Japanese Linguistics: The Formal Grammar Sessions*. Farmer A. K., Kitagawa Ch. (eds.). Tucson (AZ): Univ. of Arizona Linguistics Circle, 1981, 163–185.
- Özkaragöz 1986 — Özkaragöz İ. Monoclausal double passives in Turkish. *Studies in Turkish linguistics*. Slobin D. I., Zimmer K. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1986, 77–91.
- Plungian 1993 — Plungian V. A. Three causatives in Dogon and the overlapping of causative and passive markers. *Causatives and transitivity*. Comrie B., Polinsky M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1993, 391–396.
- Pylkkänen 2000 — Pylkkänen L. What applicative heads apply to. *Proc. of the 24th Annual Penn Linguistics Colloquium. U. Penn Working Papers in Linguistics*, 2000, 7.1: 197–210.
- Ristinen 1973 — Ristinen E. K. Observations on the functions of the conjugations in Samoyedic. *Uralica*, 1973, 1: 11–38.
- Robbeets 2007 — Robbeets M. The causative-passive in the Trans-Eurasian languages. *Turkic Languages*, 2007, 11: 158–201.
- Salminen 1997 — Salminen T. *Tundra Nenets inflection*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Salminen 1998 — Salminen T. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
- Salminen 1993–2012 — Salminen T. *Tundra Nenets*. Helsinki: Univ. of Helsinki, 1993–2012. Archived at <https://web.archive.org/web/20180811212857/www.helsinki.fi/~tasalmin/sketch.html>.
- Schulze, ms. — Schulze W. On instances of causative / passive homonymy. Ludwig-Maximilians-Universität München, ms.
- Shibatani 1994 — Shibatani M. An integrational approach to possessor raising, ethical datives, and adversative passives. *Proc. of the 20th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. February 18–21, 1994. General session dedicated to the contributions of Charles J. Fillmore*. Gahl S., Dolbey A., Johnson Ch. (eds.). Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1994, 461–486.
- Siegl 2013 — Siegl F. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.

- Siewierska 2005 — Siewierska A. Passive constructions. *The world atlas of language structures*. Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, 434–437.
- Wagner-Nagy 2001 — Wagner-Nagy B. B. *Die Wortbildung im Nganasanischen*. Szeged: SzTE Finnugor Tanszék, 2001.
- Washio 1993 — Washio R. When causatives mean passive: A cross-linguistic perspective. *Journal of East Asian Linguistics*, 1993, 2: 45–90.
- Wierzbicka 1979 — Wierzbicka A. Are grammatical categories vague or polysemous? (The Japanese ‘adversative’ passive in a typological context). *Paper in Linguistics*, 1979, 12(1–2): 111–162.

Получено / received 25.05.2022

Принято / accepted 27.09.2022

К вопросу о грамматикализации страдательных причастий прошедшего времени в старорусском языке

© 2023

Мария Вадимовна Ермолова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
maria-anna2121@yandex.ru

Аннотация: В статье на материале Вестей-Курантов и грамоток XVII — нач. XVIII в. рассматривается употребление страдательных причастий прошедшего времени в претеритном значении без глагола-связки, несвойственное современному литературному языку, а также предлагается грамматическая интерпретация такого функционирования анализируемых форм. При перестройке старой временной системы страдательные причастия начинают грамматикализовываться и превращаться в специализированную форму, имеющую претеритное значение и не нуждающуюся в указании на субъект действия. Различные типы конструкций со страдательными причастиями в такой функции (с причастием, согласуемым с объектом, стоящим в несогласуемой форме ср. р. и употребленным безлично или при объекте в Им./В. п.) являются проявлениями разных ступеней процесса грамматикализации, не осуществленного до конца в истории русского языка, но достигшего финальной стадии в польском.

Ключевые слова: время, имперсонал, причастия, прошедшее время, старорусский язык
Для цитирования: Ермолова М. В. К вопросу о грамматикализации страдательных причастий прошедшего времени в старорусском языке. *Вопросы языкознания*, 2023, 4: 47–64.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.47-64

On the grammaticalization of past passive participles in Middle Russian

Maria V. Ermolova

HSE University, Moscow, Russia; Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia; maria-anna2121@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the functioning of past passive participles (PPPs) in the preterit meaning used without auxiliary in seventeenth-century Russian on the data of private letters and the first Russian handwritten newspaper *Kuranty*. A grammatical interpretation of this use is proposed in the paper. In the course of the evolution of the old temporal system, the PPP started grammaticalizing and became a specialized form with preterit meaning and no obligatory expression of the subject. Different types of constructions with a PPP in this function (the PPP agrees with the subject or appears in the neuter form, the direct object being nominative or accusative) reflect different stages of the grammaticalization process, which was not accomplished in the history of Russian, but did reach the final phase in Polish.

Keywords: impersonal, Middle Russian, participles, past, tense

For citation: Ermolova M. V. On the grammaticalization of past passive participles in Middle Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 4: 47–64.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.47-64

1. Вводные замечания

Исследователи не раз обращали внимание на особое употребление страдательных причастий прошедшего времени (далее СППВ) в старорусский период. Речь идет об их употреблении при указании на действие, совершенное в прошлом, без глагола-связки, т. е. о тенденции «сближения семантики [страдательной] причастной формы с семантикой форм, обладающих аористным значением» [Болсохоева 1977: 13]. В большей части работ, однако, данное явление лишь констатируется и не находит грамматического объяснения.

В настоящей статье анализируется обсуждаемое употребление СППВ на материале Вестей-Курантов 2-й половины XVII в. и грамоток (частных писем) XVII — нач. XVIII в., а также предлагается его грамматическая интерпретация: при перестройке старой временной системы СППВ начинают грамматикализовываться и превращаться в специализированную форму, имеющую претеритное значение и не нуждающуюся в указании на субъект действия. Такая грамматикализация СППВ происходила во всех языках восточнославянской группы, а также в польском. Если в истории русского языка этот процесс не был завершен, то в польском он достиг финальной стадии, результатом которой являются несогласуемые формы на *-no-/-to-*, объект при которых ставится в В. п.

Статья состоит из четырех частей. Во второй части рассматривается история вопроса; третья представляет собой анализ исследованного языкового материала; в четвертой, теоретической, части дается грамматическое объяснение рассматриваемым языковым фактам с привлечением инославянского материала. В конце формулируются выводы.

2. История вопроса

В научной литературе не раз указывалось на то, что с конца XVI в. в языке начинает появляться значительное количество примеров, в которых СППВ без связки употребляется в аористном значении, для обозначения действия, «целиком отнесенного к прошлому» [Борковский (ред.) 1968: 42]. Конструкции с таким использованием СППВ можно разделить на пять типов.

Первый тип составляют случаи, в которых причастие согласуется с объектом действия, который стоит в Им. п. Ср. примеры: *запасу небольшое место осталось, а первой разграблен весь: и книги и одежда иная отнята была, а иное осталось* (Аввакум. Житие, с. 73); *и образцы свидетельствуют, что многія монархи земли королевства и города беспрестанно ратным строем осилъны и содержаны* (Учение и хитрость ратного строения, с. 36); *понеже бо слышах отъ нѣкихъ людей, что тотъ Мнишекъ Юшко былъ в Риму Латынскій мнихъ, и сверже съ себя мнишескій образъ и бысть бѣлецъ, и воеводою поставленъ во своей отчинъ, яко же и Гришка Отрепьевъ* (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 722) [Там же: 40]. В подобных контекстах СППВ обозначает, что «действие просто имело место в прошлом» [Никифоров 1952: 319]. В современном языке при СППВ в аналогичных контекстах мы должны были бы употребить связку *был, -а, -о, -и*: сейчас «для обозначения отдельных эпизодов в цепи происходящих одно за другим событий последовательно используется претерит на *-н, -т*» (т. е. причастие в сочетании со вспомогательным глаголом в прошедшем времени) [Князев 2007: 515]. Отступление от этого правила возможно лишь при переходе к настоящему историческому и в еще некоторых специфических случаях (подробнее см. [Там же: 515–519]). Аористное значение причастного сказуемого «подтверждается контекстуальным окружением его глагольными сказуемыми в прошедшем времени», «на отнесение действия в прошлое указывают также слова, обозначающие время совершения действия: *иногда, на той же годинъ, месяца сентябѣра* и т. п.» [Борковский (ред.) 1968: 42]. Тенденцию «сближения семантики [страдательной] причастной

формы с семантикой форм, обладающих аористным значением» в XVI–XVII вв. отмечает и [Болсохоева 1977: 13].

Важно отметить, что и здесь, и в следующих типах контекстов мы имеем дело с явлением, отличным от диалектного т. н. «нового» перфекта на *-н-/-т-*, где (от)причастная форма имеет результативное значение. Кроме семантического критерия, это доказывается и формальным — наличием в обсуждаемых контекстах глаголов с имперфективными суффиксами *-ва-* и *-а-*, основным значением которых в XV–XVII вв. было значение общефактического прошедшего (при котором действие обозначается «как факт, локализация которого во времени несущественна»¹ [Шевелева 2016: 78]), ср.: *Царь... спросил Власка: в подписке еси поиман бывал ли и у неделичка еси сиживал и ножем, сидячи у него, резывал ли?* (Акты юридические, 125) (пример из [Никифоров 1952: 177], подробнее см. [Шевелева 2016]). Такие имперфективы широко используются в форме СППВ: *Денги имъ (мастерам) даваны на рукодѣлье напередъ, по рублю, по два... и болше, а многи были чмуты и бражники* (Домострой, 153) (пример из [Ломтев 1956: 200]); *И всего з записных с служилых кабал, что записываны в Великом Новегороде марта с 1-го числа 108-го году да по сентябрь по 1-е ж число 109-го году, пошлинных денег восм рублев...* (Новгородские кабальные книги — РИБ т. 15, 78); *Которая старая известъ у ломаных у ближних мечетей обивана с кирпичю, и та будто известъ в городовое дело пополам с новою известью пригодится* (АИ т. I, 439) (примеры из [Никифоров 1952: 318–319]; см. также [Булаховский 1958: 237] и примеры в следующих типах контекстов). Т. П. Ломтев отмечает широкое употребление СППВ несовершенного вида в старорусском языке, рассуждая об их специфике следующим образом: «Сочетания с страдательными причастиями несовершенного вида в сказуемом вроде “поле засевано” стали заменяться частью конструкциями с действительным глаголом в сказуемом вроде *поле засевали*, частью конструкциями с возвратною формою глагола в сказуемом вроде *поле засевалось*», — в данном комментарии исследователь по сути выделяет два фактора, способствующих употреблению СППВ: общефактическое значение глагольной формы и отсутствие указания на деятеля.

Во втором типе конструкций объект принимает форму Р. п., если действие направлено на «неопределенное количество вещества или предметов» (причастие в таком случае имеет форму ср. р.) [Никифоров 1952: 324], ср.: *Да едучи к Москве и с Москвы... покупано овса и сена..., и мази тележной покупано, два рубли шесть алтын* (Приходо-расх. кн., 179).

В третьей группе при СППВ в форме ср. р., являющемся главным членом безличного предложения, объект отсутствует. При этом причастие могло быть образовано как от переходных, так и от непереходных глаголов, ср. примеры из [Там же: 323]: *Добрые люди во всем верили, и zde, и иноземцы, никому ни в чем не сълыгивано ни манено ни пересрочено* (Домострой, 68); *да от тое березы ехано вдоль по полю сохою да приехано к березе, а на ней грань* (Арзамасские акты, 18).

Четвертый тип составляют конструкции, в которых объект стоит в И. п., а причастие — в несогласуемой с объектом форме ср. р., ср. из [Там же: 321]: *И земля, и пожни, и всякие угодыя не делено и не межсвано по их любви по челобитью* (Арзамасские акты, 142).

В пятой группе объект при причастии ср. р. стоит в форме В. п. Данный тип исследователи иллюстрируют в основном примерами из сочинений князя А. М. Курбского (см., например, [Борковский 1968: 174]), которые М. Мозер справедливо (принимая во внимание отъезд князя в Польшу и наличие подобной конструкции в польском языке) считает полонизмами [Moser 1998: 336–342]. Как будет показано ниже, можно утверждать, что такой синтаксис, вопреки мнению Мозера, в принципе мог быть свойственен старорусскому языку и является результатом грамматических процессов, происходивших непосредственно в истории русского языка, а не калькой польских конструкций.

Вплоть до начала XIX в. «употребление страдательных причастий прошедшего времени без вспомогательного глагола в значении не только перфектном, но и аористном»

¹ Подробнее об этом значении см. [Гловинская 1982: 120; Падучева 1996: 41–42].

является «наиболее яркой чертой, характеризующей страдательный оборот» [Кузнецов 1950: 160], ср. два из многочисленных примеров, которые исследователь приводит из творчества М. В. Ломоносова: *Святовиду честию следовал Прове, или Проно, особливо у вагрских славян; стоял на великом и кудрявом дубе. Около его на земли **расставлены** до тысячи идолов с двумя, тремя лицами и больше; ...некоторые из них отлучились от войска и, по ближним местам разделяясь, для добычи бегали порознь, попали в руки некоторым римлянам. **Связаны и вопрошены**, для чего славенское войско за Дунай переправилось? — с уверением ответствовали, что пришли с тем намерением, дабы взять Солунь и окрестные его города* (из «Древней Российской истории»). Эту же особенность в употреблении СППВ отмечает и [Булаховский 1954: 323–325]. Е. В. Падучева в отношении начальной фразы стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» («— Скажи-ка дядя, ведь не даром / Москва, спаленная пожаром, / Французу отдана?») пишет, что «сейчас надо было бы сказать *была отдана*» [Падучева 2004: 498].

Хотя многие исследователи пишут о рассматриваемом использовании СППВ, причины этого явления в научной литературе практически не комментируются.

Анализируя тексты XVIII в., П. С. Кузнецов видит причину обсуждаемых особенностей синтаксиса причастий в поддержке «латинского языка, международного научного языка того времени, употреблявшегося в течение длительного времени и как язык дипломатический, хорошо знакомого многим нашим писателям XVIII века и более ранних эпох» [Кузнецов 1950: 163]. Как, однако, было показано выше, такое использование СППВ становится характерным для языка уже XVI в., в текстах, далеких от латинского влияния. Сам П. С. Кузнецов отмечает, что обсуждаемое явление встречается и, например, у Сумарокова, «вообще далекого от латыни», и что «известные предпосылки для возможного распространения форм страдательного причастия без вспомогательного глагола мы находим в нашей письменности допетровской эпохи, поскольку некоторые памятники XVI–XVII вв. обнаруживают колебания в употреблении страдательного причастия с настоящим временем вспомогательного глагола (или, чаще, без него) и того же причастия с прошедшим временем вспомогательного глагола» [Там же: 163]. Следовательно, причину аористного употребления СППВ без связки следует искать в особенностях исторического развития собственно русского языка. «Употребление исследуемых причастий в функции аориста (...) продолжает начавшуюся еще в XVI в. экспансию их использования, которая была обусловлена (...) внутриязыковыми, а не экстралингвистическими причинами» [Кунавин 2014: 33–34], которые Б. В. Кунавин видит в неустойчивости положения пассивного перфекта в глагольной временной системе и утрате старых форм прошедшего времени [Там же]. Исследователь недостаточно подробно комментирует свое предположение, однако, как кажется, оно в какой-то степени пересекается с предлагаемой в данной статье гипотезой: представляется, что обсуждаемое использование СППВ связано с формированием в языке новой грамматической формы, имеющей значение нейтрального прошедшего времени и не указывающей на деятеля (что, безусловно, является следствием перестройки старой временной системы), а также с возможностью СППВ, как любого причастного образования в истории русского языка, использоваться финитно (подробнее см. раздел 4).

3. СППВ в Вестях-Курантах и грамотках кон. XVII — нач. XVIII в.

Вести-Куранты и грамотки кон. XVII — нач. XVIII в. дают богатый материал для анализа аористного употребления СППВ.

Вести-Куранты (далее ВК) — первая русская рукописная газета, которая начала издаваться в 1621 г. для царя Михаила Федоровича и боярской думы и издавалась до 1702 г.

Газета была переводной, отбор сообщений и переводы выполнялись в Посольском приказе. В настоящей статье приводится материал из ВК по изданию [Вести-Куранты 1996]², охватывающему 1651–1652, 1654–1656 и 1658–1660 гг. и включающему в себя в основном переводы с немецкого, шведского, голландского, английского языков³ (см., например, [Maier 1997: 90]). Переводы ВК достаточно свободны, у переводчика нет задачи создать перевод, максимально близкий оригиналу. Его цель — передать содержание переводимого текста в понятной форме [Там же: 90]. Тексты в большой степени отражают живой язык того времени [Там же: 83–90], поэтому по ним мы можем делать определенные выводы о процессах, происходивших в русском языке XVII в.

Тексты грамоток (далее Гр.) воспроизводятся по изданию [Грамотки 1969], представляющему собой собрание частных писем кон. XVII — нач. XVIII в. По этим письмам, представляющим собой переписку родственников, знакомых, крестьян с помещиками, торговых приказчиков с хозяевами и, в меньшей степени, представителей духовенства, можно судить о живом языке того времени. Грамотки служат значительной базой для исследования «глубинного, протекавшего в народно-разговорной сфере процесса формирования свойственных национальному языку синтаксических отношений» [Котков 1964].

В настоящем разделе будут разобраны типы контекстов, встретившиеся в рассмотренных памятниках. В 3.1 анализируются примеры с СППВ, образованными от вторичных имперфективов, в 3.2 — конструкции, в которых СППВ согласуется с объектом, в 3.3. рассматривается безличное употребление СППВ, в 3.4 — примеры, в которых СППВ в стоит форме ср.р., не согласовываясь по роду с объектом в Им.п., в 3.5 — контексты, когда при СППВ в ср.р. стоит объект в В.п. (или в омонимичной форме В.п./Им.п.).

3.1. СППВ, образованные от вторичных имперфективов

Отбор интересующих нас контекстов с СППВ в аористном значении осложняется тем, что в ряде случаев трудно отличить употребление СППВ без связи в аористном значении от СППВ без связи в результативном значении, ср. ВК с. 124: *...и ншему воискѸ приказано против свѣискихъ во всемъ орѸжии ийти* — в данном случае из контекста не ясно, имеется ли в виду «нашему войску приказали ийти против шведов во всеоружии» или «нашему войску приказано» (и приказ действует до сих пор). О сосуществовании в текстах аористных контекстов с результативными и необходимости отличать одни от других пишут практически все исследователи функционирования СППВ ([Кузнецов 1950: 125 и сл.; Никифоров 1952: 311 и сл.; Борковский (ред.) 1968: 39–40] и др.). Естественно, необходимо смотреть на контекст, на окружающие глагольные формы. Например, если мы имеем дело с обозначением «отдельных эпизодов в цепи происходящих одно за другим событий», то перед нами претеритное значение [Князев 2007: 515] (о других критериях см. [Там же: 515 и сл.]). Однако, как было показано выше, однозначно определить тип употребления СППВ исходя из контекста не всегда возможно.

² Текст передается по указанному изданию, однако без специального выделения выносных букв.

³ Переводчиками в польском приказе служили как русские, так и приезжие из Юго-Западной Руси и западноевропейских стран. Для анализа интересующего нас материала важно, могли ли рассматриваемые тексты при создании испытывать влияние польского языка. Как показано в [Беляков и др. 2019: 188–209], выходцы из Литовской Руси и поляки занимались в основном переводами с польского и латинского языков, т. е. вряд ли они имели отношение к анализируемым переводам. Кроме того, данные Вестей-Курантов совпадают с материалом грамоток, что дает основания судить по текстам Вестей-Курантов о процессах, происходивших в русском языке. Как отмечается в [Maier 1997: 83], тексты ВК отражают влияние польского языка в той степени, в какой его в принципе испытывал московский язык в XVII в., т. е., прежде всего, в лексике.

Еще одним формальным признаком аористного употребления является использование глаголов с имперфективными суффиксами *-ва-* и *-а-* (см. выше в разделе 2), основным значением которых было общефактическое. Контексты с ними встретились и в ВК и Гр. Приведем их:

- (1) ВК с. 29...*нѣкоторых камисаровъ выслалъ которыи с великополскими назначенными сыскивать имѣют жалобы которые **подаваны** на жолнеров, и для того нѣсколько позвов **высланы***

— если бы не использование вторичного имперфектива, в данном случае было бы не очевидно, в каком значении употреблено причастие: ‘выслали некоторых комиссаров, которые... должны расследовать жалобы, которые **подали** (поданы?) на солдат, и из-за этого **послали** (послано?) несколько повесток в суд’. Т. к. перед нами газетная статья, вполне можно было бы предположить результативное употребление, однако способ образования глагола однозначно свидетельствует о том, что перед нами причастие в аористном значении;

- (2) ВК с. 31 *Цесарева невѣста въ ншего посла Моресина какъ ана гхала через Виницкиской Ѣздѣ до Трентсково Ѣздѣ безденежно и бес платежѣ **потчивана** по полсолскому Марецинскомѣ велѣню*

— ‘царскую невесту... бесплатно **угощали** по посольскому велению’;

- (3) Гр. с. 10 (Часть рыбы испортилась, а другая...) *которая в то ж время от воеводы **послана** пишуѣт что дошла добра*

— рыба, ‘которую в то время **послали** от воеводы, пишут, дошла в хорошем состоянии’;

- (4) Гр. с. 20 *той рыбы Лариону Дмитриевичю **посылаю** четыре осетра и он взял толко два а дву не взял*

— ‘(из) рыбы этой Лариону Дмитриевичу **послали** четырех осетров, а он взял только двух, а двух не взял’. Обратим внимание, что объект при причастии стоит в Р. п. — *той рыбы*; то же наблюдаем в примерах (5–6):

- (5) Гр. с. 113 *а данных днѣ **не плачивано** годовѣ с пят*

— ‘а денег **не платили** лет пять’. Здесь объектом в Р. п. является неисчисляемое слово *денег*, однако постановка Р. п. в данном случае может быть вызвана не только неисчисляемостью существительного, но и наличием отрицания (частицы *не*);

- (6) Гр. с. 122 *а гсдрва жалованя денег мне не дано ни копейки тем **давано** жалованя за кем по переписным книгам нет дватцати дворов а болиши дватцати дворов и тем не дано жѣ а **давано** жалованя по десети рѣблевѣ*

— ‘а государева вознагражденья мне ни копейки не дали. Тем **дали** выплату, за кем по переписным книгам числится не больше двадцати дворов. А у кого больше двадцати дворов, тем не дали; а выплату **сделали** по десять рублей’. Неисчисляемое существительное *жалованье* в позиции объекта дважды ставится в Р. п. Интересно, что в отношении тех, кто не получил выплаты, пишущий дважды использует форму, образованную от глагола СВ *дати*, в отношении получивших деньги — форму, образованную от имперфектива *давати*. По всей видимости, *дано* имеет результативное значение: пишущий относится к тем, кто остался без вознаграждения, его отсутствие выплаты касается напрямую; то же, что другие деньги получили, является просто фактом, поэтому для описания этого используется причастие, образованное от имперфектива;

- (7) Гр. с. 124 *Ѣ генваре мѣ **присылан** крестьянин дрвни Истопакъ Ромашиѣка староста*

— ‘в январе месяце **прислали** (присылали) крестьянина, старосту деревни Истопака Ромашку’. О том, что мы имеем дело именно с аористным контекстом, свидетельствует

способ образования глагола. В данном контексте, как и во многих последующих, есть указание на время совершения действия («8 генваре», с которым перфект в большей части языков не сочетается (см., например, [Князев 2007: 510]). Однако в русском языке наличие обстоятельства времени не является запретом для употребления перфектной формы. Так, русский пассивный перфект на *-н, -т* с такими обстоятельствами употребляться может, ср.: *И тут я часто вспоминаю Игоря Неждаева, и мне становится совестно перед ним за свое тогдашнее неверие и хочется извиниться перед ним; но некуда идти с повинной: Игорь **убит** на войне в 1943 году* (В. Шефнер. Имя для птицы) [Там же: 504, 510–514]. Таким образом, считать их формальным доказательством употребления СППВ в аористном значении, а не перфектном, нельзя;

(8) Гр. с. 171 *а под пушки гсдрь колеса **покупаны** в черкасских городѣх*

— ‘а для пушек, государь, колеса **купили** в черкасских городах’;

(9) Гр. с. 213 *кто ту отпис писал такъ же **взят** в приказную палату и **розспрашиван** и подячей сказал я де писал по слову Ивашка Казака и Ивашко Казакъ **допрашиван** же и в допросе сказал что...*

— ‘а того, кто эту записку дал, также **взяли** в приказную палату и **расспрашивали**, и подячий сказал: «Я-де писал со слов Ивашки Казака, и Ивашку Казака **допрашивали**, и в допросе он сказал, что...»’;

(10) Гр. с. 217 *а **покупана** гсдрь та смола въ CS м году...у кого іменем і того в кнгах не описаны і я к млсти твоеі гсдрь послал кнги с сею же грамоткою покупные CS г году і что **роздаваны** старые конаты*

— ‘а **купили**, государь, ту смолу в 206-м году... у кого (купили), в книгах не описано, и я, к милости твоей, государь, послал с этой грамоткой покупные книги 206-го года, в которых сказано и о том, что **раздали** старые канаты’;

(11) Гр. с. 218 *а днѣг гсдрь в Нижнемъ у млсти твоеі ни копейки нѣт которые гсдрь и подрядилис иным до изправы **давано***

— ‘а денег, государь, в Нижнем у милости твоей ни копейки нет, кто-то нанялся на работу, другим **отдали** по суду’.

С. Д. Никифоров выделяет употребление СППВ, образованных от вторичных имперфективов, в отдельную группу: «...краткие страдательные причастия, образованные суффиксом *ва*, а также суффиксом *а* от корня с гласным *ы* или *и* (чередующимся с нулем гласного из древнего *ъ* или *ь* в слабом положении) обозначают, что действие просто имело место в прошлом» [Никифоров 1952: 319], т. е., иными словами, имеют значение общефактического прошедшего [Шевелева 2016].

3.2. Согласованные конструкции

Рассмотрим конструкции, в которых причастие согласуется с объектом действия, стоящим в Им. п. В статье приводятся только те контексты, в которых СППВ однозначно имеет аористное значение и в которых исключена возможность толкования СППВ как результативного. Кроме уже рассмотренных примеров (1–3, 7–10), это следующие:

(12) ВК с. 13 *тѣ два шведские полки которые в Бременском Олѣнде в прошлом овторнике **смотрены** и тѣ в среду вечеромъ шли через город Олденбѣркъ к городу Висмеру*

— ‘те два шведских полка, которые **были на смотре** (были осмотрены) в Бременской области в прошлый вторник, те в среду вечером пошли через Ольденбург к Висмару’;

(13) ВК с. 59 ... *такъ что онъ приневолен сталь от них боронитца и стоялъ какъ доброй салдат покамѣсто карабль тондѣ сталь и погрѣз и одва онъ и люди ево в сѣдно ѡскачили онъ самъ былъ в трех мѣстехъ тремя пѣлками раненъ а людеи ево КЕ члвкъ до смрти **ѡбиты** а иные **раняны** и в том сѣдне ихъ аглинские люди всяли и в Вюнсь повезли*

— ‘так что он был вынужден от них защищаться и стоял, как хороший солдат, пока корабль не стал тонуть и не потонул, и еле он со своими людьми успел сесть на судно. Он сам был в трех местах ранен пулями, а из его людей 25 человек **убили** (были убиты), а других **ранили** (другие были ранены). И на этом судне их взяли англичане и повезли в Даунс’;

(14) ВК с. 91 *а ноября въ КВ де сочли мы в Кокелстиле и в Блаквале болиши четырехсот седминатцати карабле которые от галанцовъ **взяты** и оттого агличаня таковы горды стали что и писат было нѣлсе а нне то переменилося*

— ‘а 22-го ноября мы насчитали больше 417 кораблей, которые голландцами **были взяты**, и из-за этого англичане так возгордились, что и не описать, а теперь все переменилось’;

(15) ВК с. 94 *Кардинала Масарина до Десира проводил маршал ТѢренской а там его маркись де Оивели да гсднѣ Камплатер которые от короля к нему встрѣчу **посланы** честно встрѣтили королевским именемъ...*

— ‘кардинала Мазарини до Д. проводил маршал Тюренн, а там его маркиз де Ф. да господин К., которые к нему навстречу **были посланы** королем, честно встретили от королевского имени’;

(16) ВК с. 112 *и на корѣну Полскѣю великою силою настѣпил и по том многая крстьянская кров **пролита**. И многие богатые земли и города до конца **разорены** и после того та страшная [война] нашего города мимо не обошла*

— ‘и на корону польскую посягнул с большим войском, и потом **было пролито** много христианской крови. И многие богатые земли и города до конца **разорены были**, и после этого эта страшная война и нашего города мимо не обошла’. Здесь используется наречие «потом» (или сочетание местоимения с предлогом «после этого»), которое указывает на то, что перед нами цепь последовательно происходящих друг за другом событий, а следовательно, на то, что причастия употреблены в претеритном значении — использование перфекта в таком контексте невозможно (см., например, [Маслов 1959: 281–282]);

(17) ВК с. 117 *ныне болиши **АП** болныхъ ле[жат] і которые здоровые болнымъ не могѣтъ помочь ѡчинить и мертвыхъ всѣхъ н[е] [могут] погрест[и] иноземка жонка **поймана** і ѡ неи портежное селе сыскали, и тоѡ жонку тѣтъчасъ и ѡбили и на мѣлкие части розсѣкли*

— ‘сейчас больше 80 тысяч больных лежат, а те, кто здоров, не могут помочь больным и мертвых всех похоронить. **Поймали** женщину-иноземку, нашли у нее колдовское зелье, и эту женщину сразу и убили и на мелкие части разрезали’. Т. к. после того, как женщину поймали, ее убили, очевидно, что форма «*поймана*» не имеет значения сохраняющегося результата. Кроме того, в этом контексте, как и в предыдущем, мы имеем дело с последовательным изложением событий: женщину поймали, потом нашли зелье, потом ее убили и разрезали;

(18) ВК с. 120 *Недавно свѣиские люди конные Х члвкъ из города Торна **приказаны** чтоб под полковника Чобола да ротмистра Вестемголца люди 3 миль от преж помянѣтого города Торна наступит а тѡ ѡж про то ѡвѣдали і посылали о помочи к гсдну ротмистрѢ Генеману котороі і свою реітарскую ротѢ и дрѢгѢю драгѢнскую ротѢ **приѣхал** і такъ они вмѣсте непритятеи [Так в ркп.] воротили*

— ‘недавно 60 конным шведам **приказали** наступить на полковника Ч. и ротмистра В. ..., а те про это узнали, послали за подмогой к ротмистру Г., который приехал со своей рейтарской и другой драгунской ротами, и вместе они неприятелей отбили’. Перед нами опять нарративная цепочка, в которой причастием выражается первое в ней действие. Последствия приказа наступать потом аннулируются (т. к. атаку отразили), поэтому о сохраняющемся результате речи идти не может.

Переходим далее к материалу грамоток:

(19) Гр. с. 15 *знатно что рыба. **послана самая добрая** толко от лѣтнего времени и от далнего пѣти поиспортилас*

— ‘известно, что рыба **была послана** самая хорошая, но из-за летнего времени и дальнего пути испортилась’. Очевидно, что причастие употреблено в претеритной функции: из-за того, что рыба в пути испортилась и действие, выраженное причастием, перестает быть актуальным, в современном литературном языке необходимо было бы употребить глагол-связку в прошедшем времени;

(20) Гр. с. 16 *в сентябрѣ в послѣднихъ. числех был на Москвѣ Роман племянникъ і писмо из домѣ твоего привез и то писмо **послано** к тебѣ наперед сего с Василием Кѣдриным*

— ‘в последних числах сентября в Москве был племянник Роман и привез из твоего дома письмо, и это письмо **отправили / было отправлено** к тебе до этого [письма] с Василием Кудриным’. «*Наперед сего*» — свернутая пропозиция; имеется в виду: «...до того, как отправили это письмо». Таким образом, мы здесь имеем дело с изложением последовательных событий (сначала отправили письмо с Романом, потом — с Василием), из которых причастием выражается первое, следовательно, причастие употреблено в претеритной функции;

(21) Гр. с. 23 *он хотел было ее к тебѣ сослат да знатно что не сослал или і послал да **не доведена***

— ‘он хотел тебе ее [грамотку] послать, но, видимо, не послал или послал, но ее **не довели** / она **не была доведена**’. Здесь, как и выше, перед нами нарративная цепь: хотел послать грамоту, послал, но [после того, как он ее отправил] ее не довели;

(22) Гр. с. 130 *сентября ж гсдрь въ SI де **прислан** вѣт вѣликого гсдря ис троецкого походу к Москвѣ боярин Иван Михайлович Милославской и по гсдрву указу было у боярь сидене и приговорили послат...*

— ‘16-го сентября, государь, **прислали** от великого государя из троецкого похода в Москву боярина Ивана Михайловича Милославского, и по государеву указу было у бояр заседание и постановили послать...’. Далее следует длинное повествование, И. М. Милославского посылают с заданием из Москвы, поэтому СППВ выражает, совершенно определенно, аористное, а не результативное действие. Кроме того, мы опять имеем дело с последовательным изложением событий: сначала боярина прислали, потом было заседание, на заседании приняли решение;

(23) Гр. с. 181 *котор[ая] **взята** у него грамота из Нижнег прикащикъ ево повез не вѣдомо какъ утерялас*

— ‘грамота, которая **была взята** у него из Нижнего (приказчик его повез), неизвестно как потерялась’. Действие, выраженное причастной формой *взята*, предшествует действию *утерялась*, поэтому в современном языке необходимо было бы при СППВ употребить глагол-связку в прошедшем действии.

3.3. СППВ как сказуемое в безличном предложении

Рассмотрим контексты с безличным употреблением СППВ, в которых отсутствует объект. Кроме (11), это следующие два контекста из ВК:

- (24) ВК с. 78 *Потом гсдамъ казенные коморы из вышегорода ровной и писменой дказ от его королевского величества прииол чтоб имъ из города идти и потомъ уложено чтоб впредь грамотъ от короля не разтворят покамѣста кардинал во Францужской землѣ*

— ‘потом господам пришел письменный указ от его королевского величества, чтобы им уйти из города, и потом **было постановлено**, чтобы впредь грамоты от короля не распечатывать, пока кардинал во Французской земле’. Употребление наречий *потом*, а также формы прошедшего времени *прииол* указывает на то, что перед нами нарративная цепочка, в которой глагольные формы, в том числе и СППВ, используются в аористном значении: потом пришел указ, потом постановили, что...;

- (25) ВК с. 104 *Здѣс иных вестей нѣт опрѣчь того что свѣцкіе люди всѣ побиты какъ преж о том писано...*

— ‘Здесь других вестей нет, кроме того, что шведы побиты, как раньше уже **писали / было написано**’. Для формы *побиты* можно предполагать и результативное значение, в то время как причастие *писано* однозначно употреблено в претеритном значении, на что указывает наречие *преже*.

3.4. СППВ в форме ср. р. при объекте в Им. п.

В связи с тем, что у слов мужского неодушевленного и среднего родов, а также женского рода *ї-склонения формы Им. и В. п. совпадают, с уверенностью определить падеж мы можем только для слов мужского одушевленного и женского родов *ā-склонения. Лишь один пример из обработанных источников может быть однозначно идентифицирован как контекст с Им. п.:

- (26) Гр. с. 101 *Братецъ Федор Василевичъ купил ты мерина у Федора Невелскова рыжа а тот меринъ нашъ **украдена** на Чюхломе и тебѣ **продана***

— ‘Братец Федор Васильевич, купил ты рыжего мерина у Федора Невельского, а это нашего мерина **украли** в Чухломе и тебе **продали**’ (в написании в СППВ на конце *a* вместо *o* отражается аканье). Мы имеем дело со словом мужского одушевленного рода, у которого В. п. омонимичен с Р. п., а не с Им. п. Показательно, что после формы *купил* стоит форма В. п. *мерина*, в то время как после СППВ — Им. п. *мерин*. Причастные формы здесь обозначают последовательные действия (сначала украли, затем продали), что свидетельствует о том, что они употреблены в аористном значении.

Контексты с омонимичной формой Им./В. п. рассматриваются в следующем разделе.

3.5. СППВ с объектом в В. п.

Как уже было сказано в разделе 2, примеров с употреблением СППВ в форме ср. р. с объектом в В. п. в русской письменности зафиксировано мало. Большая часть примеров, приводимая в [Кузнецов 1948: 38; Борковский 1968: 174], приходится на сочинения князя

Курбского, чей язык не мог не испытывать влияния польского. Примеры из других источников (кроме упомянутых работ, см. [Булаховский 1958: 236–237]), как разбирает [Moser 1998: 336–342], также не являются достоверными: форма существительного, обозначающего объект, может быть истолкована и как Им. п. (однозначно говорить о В. п. мы можем только в отношении существительных ж. р. или одушевленных существительных м. р.) (подробнее см. [Там же]). Единичные случаи, в которых М. Мозер подтверждает употребление именно В. п., исследователь объясняет полонизмами.

Проанализированный материал позволяет пополнить скудный список контекстов, в которых при форме СППВ ср. р. объект стоит в В. п., еще двумя, что позволяет предполагать наличие подобной конструкции в истории русского языка. Рассмотрим примеры:

(27) ВК с. 25 *и в тѣ поры мочно ѿ него выведатъ бѣдет ли торговымъ людемъ платеж са тоѣ шкодѣ что **ѿчинено** от его короля и от принца Роберта*

— ‘и в это время можно у него узнать, будет ли людям выплата за тот ущерб, который нанесли король и принц Роберт’;

(28) Гр. с. 183 *рыбу мы гсдрь из малых судов до указу перегрузили в каюк в вязниковской а кровлю лубями **укрыто** во всѣм гсдрь против твоего писма*

— ‘рыбу мы, государь, по твоему указу перегрузили в вязниковский каюк, а кровлю укрыли лубом; все, как ты писал’.

В приведенных контекстах не очевидно, что причастие употреблено в аористном контексте. Теоретически оно может быть истолковано и как результативное. Такое употребление знают современные русские говоры с новым (от)причастным перфектом: *у его корову украто, ее мужа убито на войне, вас послано* [Кузьмина, Немченко 1971: 37]. М. Мозер считает, что такие перфектные конструкции с объектом в В. п. и конструкции с аористным употреблением СППВ с объектом в В. п. не имеют ничего общего и никак не связаны [Moser 1998: 336–337] (как будет рассмотрено в разделе 4, есть все основания полагать, что несмотря на различную семантику, появление объекта в В. п. в обоих типах конструкций обусловлено одинаковыми причинами).

Тот факт, что до и после СППВ в (27–28) употребляются глаголы в прошедшем времени, что рассматриваемые примеры находятся в середине больших повествовательных текстов, свидетельствует скорее в пользу претеритной интерпретации.

Кроме того, есть контексты, в которых СППВ однозначно имеет аористное значение, однако объект при нем будет в омонимичной форме Им.-В. п. Рассмотрим их:

(29) ВК с. 26 *и принцовыхъ Е караблеи в ту порѣ на море потонѣли от стрелбы Г карабля сажгли а иные взятемъ **взяты**. а досталные убѣгомъ ѿшли и побили ѿ члвкъ **і взято** **Ф пѣшекъ** иные на корабли побрали. а иные и потонули на море*

— ‘и в то время 5 кораблей принца на море потонули, от огня загорелись 3 корабля, а другие **были взяты** штурмом, а оставшиеся спаслись бегством, и убили 700 человек и **взяли** 500 пушек, часть на корабли забрали, а часть потонула в море’. СППВ находится здесь в окружении глаголов в прошедшем времени и, очевидно, выражают действие такого же типа, что они — аористное. Первое причастие согласуется с объектом, второе употреблено в несогласуемой форме с. р. Определить по формальным признакам, стоит ли словосочетание *500 пѣшекъ* в Им. или В. п., нельзя. Аналогичны следующие примеры:

(30) ВК с. 47 *а которые корабли на последнемъ бою в Дюнсе **всяма** и соемные де люди их освободили*

— ‘а корабли, которые **были захвачены** на последнем бою в Даунсе, освободили члены парламента’. В написании *всяма*, за которым, очевидно, скрывается *взято*, мы имеем дело с отражением аканья. СППВ обозначает действие, которое отменяется последующими

действиями, поэтому в современном языке необходимо было бы употребить глагол-связку. Аналогичен следующий пример:

(31) ВК с. 120 *а хотя гсдна ротмистра Генемана стандартъ ѿ сего бою **взято** однако і преж помянутой ротмистръ свої стандартъ отнюд не хотѣл покинуть и такую мѣрю оянт на неприятелеі настѣпилъ что ѿ нихъ оянт свои стандартъ отнял*

— ‘хотя знамя господина ротмистра Генемана в этом бою **было захвачено**, упомянутый ротмистр совершенно не хотел терять свое знамя, и с такой силой наступил на неприятелей, что у них свое знамя отобрал’;

(32) ВК с. 101 *тѣрки взяли город у Венгаров слывет Болиои Вардынъ с ѿѣздом і в ѿѣздахъ Д деревень а дворов бѣдет зъ ꙗС, а **положено** на нихъ дань на всякого двора на всякой год еѡимокъ мѣрка масла мѣрка меду да мѣрка овса да по возу сѣна... да цысарской посол послал к агленскому королю чтоб емѸ дать помощь против тѣрков*

— ‘турки взяли город у венгров Большой Вардын с областью, а в области 4 тысячи деревень, а дворов с 200 тысяч, и **наложили** на них дань на каждый двор каждый год: талер, мера масла, мера меда, да мера овса да по возу сена... и королевский посол послал к английскому королю, чтобы ему дали помощь против турок’. СППВ оказывается здесь в нарративной цепи: турки взяли город, потом наложили на него дань, потом венгерский посол обратился с просьбой к английскому королю;

(33) Гр. с. 141 *По твоему гсдрь указу **присылано** к нам в розных числѣхъ указы вѣлено намъ ітти к тебѣ гсдрю в полкъ наскоро...*

— ‘По твоему, государь, указу **присылали** нам в разные числа указы, что велено нам немедленно идти к тебе, государю, в полк’. СППВ образовано от вторичного имперфектива, что служит формальным доказательством его претеритного употребления. Кроме того, обстоятельство в *розных числѣхъ* указывает на то, что действие повторялось, что также исключает результативную интерпретацию.

В отношении контекстов (29–33) мы можем с уверенностью говорить об аористном употреблении СППВ в качестве безличного предиката, при котором стоит объект в форме, омонимичной Им.-В. п. Для примеров же (27–28) можно констатировать наличие объекта в В. п., форма же СППВ может быть понята и как результативная, и как претеритная. Наличие лишь одного примера (26), в котором объект при СППВ может быть истолкован как стоящий исключительно в Им. п., при наличии двух «надежных» примеров с В. п. увеличивает вероятность того, что в контекстах с омонимичными формами мы имеем дело с В. п. Очевидно, что по формальным признакам доказать это нельзя. Представляется, что, вопреки [Moser 1998: 336–342], использование объекта и в Им. п., и в В. п. идет в рамках одного и того же пути грамматикализации СППВ, который обсуждается в следующем разделе.

4. Грамматическая интерпретация рассмотренного материала

Итак, можно констатировать, что в старорусский период становится нормальным употребление СППВ без глагола-связки в прошедшем времени в аористной функции (в древнерусском языке такие примеры единичны, см. [Ермолова 2021: 129]). Причастие выступает либо без объекта в форме ср. р. в качестве предиката безличного предложения, либо с объектом. В последнем случае преобладают конструкции, в которых причастие согласуется с объектом действия (*колеса покупаны*), реже встречаются примеры с причастием в форме ср. р., при котором объект стоит в Им. п. (*земля не делено*) или в В. п. (*кровлю*

открыто) (в рассмотренных памятниках в большей части примеров мы имеем дело с объектом в омонимичной форме Им.-В. п.).

Представляется, что такое функционирование СППВ связано с перестройкой прошедших времен и формированием в языке нового грамматического значения нейтрального прошедшего времени. Любая причастная форма как сочетающая в себе изначально и атрибутивность, и предикативность могла «бороться» за обозначение этого нового значения. Как известно, новая форма единственного прошедшего времени образовалась из *-л-*причастия (хотя в определенный период нейтральное прошедшее время могло обозначаться и причастием на **ŭs*, ср. *И поць Никита Костяниновъ наряднымъ дѣломъ хотя его Бориса до смерти убиті, вышедъ на стрѣчу съ коломъ* (АМГ III, с. 554) [Кортава 1999: 141]). СППВ же получает более узкое значение — становится специализированной безличной финитной формой, которая используется в том случае, когда не нужно указание на субъект действия. В истории русского языка тенденция к формированию такой формы не была реализована до конца и постепенно сошла (сходит?) на нет (интересующие нас употребления СППВ есть, например, у Д. С. Мережковского [Егоров 2019; Ермолова 2021]). Тем не менее на основе имеющегося материала можно проследить стадии грамматикализации СППВ и его превращения в финитную форму:

1. СППВ, употребленное в аористном значении, согласуется с объектом действия, стоящим в Им. п.
2. СППВ, употребленное в аористном значении, стоит в несогласуемой форме ср. п. при объекте в Им. п.
3. СППВ, употребленное в аористном значении, стоит в несогласуемой форме ср. п. при объекте в В. п.

На второй стадии причастие начинает утрачивать свой атрибутивный характер, переставая согласовываться с объектом. Третья стадия — последний этап грамматикализации причастия. Оно становится окончательно финитным и начинает управлять именем как обычная глагольная форма. Где-то одновременно со вторым или третьим этапами, по всей видимости, в эту конструкцию включаются непереходные глаголы, которые, естественно, не предполагают при себе объекта (*А ведаешъ и сам, что не богатствомъ жито с добрыми людми, правдою да ласкою да любовию* Домострой, 69 [Никифоров 1952: 322–323]). Как было показано выше, в старорусском хорошо прослеживаются первый и второй этапы; примеры, иллюстрирующие третий этап, единичны. Выявить по письменным источникам все три стадии грамматикализации можно было бы, как предполагается, на старопольском материале⁴, т. к. в польском предполагаемый процесс был осуществлен полностью (см. ниже).

Обсуждаемый процесс грамматикализации начался примерно так же и в то же время, что и в русском языке, в украинском и белорусском языках (подробнее см. [Мова беларускай пісьменнасці 1988: 250; Борковский 1968: 170–179]). В белорусском эти формы сохранились только как реликты в говорах; в украинском они употребляются в претеритном значении и управляют В. п. (см. реферативный обзор в [Ермолова 2021]). Однако краткие формы СППВ в украинском языке могут употребляться и в результативном значении. Как указывается в [Wiemer, Giger 2005], украинские формы на *-no/-to-* «находятся между польским (претеритная, событийная функция) и (литературным) русским (скорее результативная функция)⁵» [Ibid.: 63]. Синхронное описание грамматических значений (бывших) кратких СППВ в современном украинском языке отсутствует. Больше всего формы

⁴ Некоторые факты об истории формирования форм на *-no/-to-* в истории польского языка можно почерпнуть из работы [Kowalska 1991], однако материал старопольского языка нуждается в дальнейшем исследовании.

⁵ «...die ukrainische *no/to* Form (...) zwischen dem Polnischen (präteritale, ereignisbezogene Funktion) und dem (Standard)Russischen (eher resultativ) steht» [Wiemer, Giger 2005: 63].

на *-no-/-to-* грамматикализировались в польском языке (как пишет Б. Вимер, из-за высокой продуктивности безличных форм на *-no-/-to-* «польский — в своем роде выдающийся язык среди славянских языков»⁶) [Wiemer 2020: 294]), поэтому его рассмотрим немного подробнее. В польском от каждого (переходного и непереходного) глагола можно образовать форму на *-no-/-to-*, которая будет главным предикатом безличного предложения. Если глагол переходный, то объект при нем ставится в В. п. На русский такие формы обычно переводятся с помощью формы пр. вр. мн. ч., ср. примеры из [НКРЯ]: *śmiało się tam głośno* — ‘там громко смеялись’; *otwarto tę klinikę* — ‘эту клинику открыли’.

Чрезвычайно показательным кажется то, что форма на *-no-/-to-* может использоваться и в сослагательном наклонении, при этом всегда без глагола-связки, ср.: *Jeden z policjantów zastukał do drzwi i zażądał, żeby otworzono* ‘Один из полицейских постучал в дверь и потребовал, чтобы **открыли**’; *gwałtownie wojował o to, by wysłuchano jego opowieści* ‘страстно добивался того, чтобы **выслушали** его рассказ’. Отсутствие связки свидетельствует об усилении финитности формы. Сослагательное наклонение с ней образуется так же, как с *-l-*формой: частица *by* добавляется к форме прошедшего времени, являющейся финитной. Примеры такого употребления есть и в старорусских текстах. Два контекста были обнаружены в Гр. и еще несколько в Домострое (1500–1560) с помощью поиска в [НКРЯ]:

(34) Гр. с. 189 и *с симъ гсдрь извоциком указы и сошли говорено б у меня поставит им декабря къ КЕ му числу*

— ‘и с этим, государь, извоциком и пошли указы, (где) **бы было сказано** поставить им у меня к 25 декабря’. Здесь представлена безличная форма ср. р., в следующем контексте причастие согласуется с объектом:

(35) Гр. с. 247 *изволиши гсдрь указы сылат об отпуске і сея гсдрь въдомость чтоб в указы введена бы*

— ‘изволь, государь, прислать указы об отпуске и чтобы это известие в указы **было бы вписано**’. С согласованными причастиями, однако без глагола-связки в сослагательном наклонении, мы видим в следующих примерах из Домостроя:

(36) Домострой *а ветчано въжливо бы поплачено, ино сироткамъ пригодитца*

— ‘а старая одежда вся **бы** аккуратно **была** заплата, потому что сиротам пригодится’;

(37) Домострой *А что въсовое — то бы извешено, и всякой ссуды бы цѣна поставлена*
— ‘все весовое **было бы** взвешено, а каждый долг **был бы** оплачен’.

Аналогичные перечисленным ступени грамматикализации прошло бывшее СППВ в составе северо-западного перфекта. (От)причастная форма может согласовываться с объектом (*юбки-то сношены, коса завита, одни косточки оставлены* [Кузьмина, Немченко 1971: 21–22]), может стоять в несогласуемой форме ср. р. или м. р.⁷ при объекте в Им. п. (*курочка унесено, гнездышки налажено* [Там же], *в машину всё сгружен, Катя была брошен* [Ермолова 2022: 94]), может употребляться в несогласуемой форме ср. р. при объекте в В. п. (*коз моих затворено, сына порането* [Кузьмина, Немченко 1971: 37]).

Итак, вне зависимости от того, грамматическим средством выражения какого значения становится СППВ, превращение его из причастия в специализированную грамматическую форму происходит одним путем: постепенной утратой согласования и возможностью постановки объекта в В. п. как при непричастной глагольной форме.

⁶ «Polish is somewhat outstanding within Slavic for (...) the development of highly productive subject impersonals» [Wiemer 2020: 294].

⁷ Обычно (см., например, [Трубинский 1983]) это форма рассматривается как усеченная форма ср. р., однако в [Ермолова 2022] предлагается ее интерпретировать именно как грамматическую форму м. р.

Таким образом, природа польских конструкций с формой на *-no-/-to-* и рассмотренных русских конструкций как с согласованным, так и несогласованным СППВ, одна: в основе лежит превращение причастия в специализированную финитную форму, употребляющуюся тогда, когда не нужно указание на субъект. Поэтому представляется, что неверно разводить и считать разными явлениями, как это делается в [Moser 1998: 336–342], польские конструкции и русские с (не)согласованным причастием и объектом в Им. п., а единичные случаи русских примеров с причастием и объектом при нем в В. п. интерпретировать как полонизмы: они в равной степени могли возникнуть самостоятельно на русской почве. Все перечисленные типы — закономерные результаты развития нового грамматического значения.

Описываемый процесс может служить иллюстрацией трех из четырех сопровождающих грамматикализацию компонентов, которые описываются, например, в [Heine et al. 2019: 3]. Во-первых, это распространение в новых типах контекстов (*extension — use in new contexts*). Как было сказано выше, использование СППВ без связки в аористных контекстах — новое явление по сравнению с «исконным» состоянием, которое начинает получать распространение с XV в. Во-вторых — десемантизация (*desemanticization*), которая является следствием реинтерпретации формы, использовавшейся для выражения конкретного значения, как выражающей более абстрактное, грамматическое значение [Ibid.: 4]. Новое значение СППВ, безусловно, характеризуется большей абстракцией по сравнению со старым, т. к. не выводится из формы. Еще один компонент грамматикализации — декатегоризация (*decategorization*): утрата категориальных значений, присущих «старой» форме. СППВ перестает согласовываться с объектом, теряя свои прежние причастные характеристики, а затем начинает управлять именем и требовать после себя В. п. подобно любой непричастной глагольной форме. Кроме того, СППВ начинают образовываться и от непереходных глаголов, что было исключено прежде в связи с их пассивным значением. Потерю перечисленных грамматических характеристик расценивает как проявление грамматикализации СППВ в новом значении и Б. Вимер [Wiemer 2011], правда, в контексте формирования в славянских языках результатива на базе СППВ. Как, однако, было сказано выше, представляется, что процесс грамматикализации СППВ как в аористную, так и в результативную формы проходил одинаково.

Выводы

Старорусские тексты знают разные типы употреблений СППВ в аористном значении без глагола-связки в прошедшем времени: СППВ могут или согласовываться с объектом, или иметь при себе объект в Р./Им./В. п., или выступать главным предикатом безличного предложения. В современном литературном языке такие конструкции невозможны. По всей видимости, все описанные типы употреблений СППВ являются проявлением их грамматикализации, не осуществленной до конца в истории русского языка, в качестве финитной формы, при которой не нужно указание на действия. Опираясь на имеющийся материал старорусского языка, а также польского, в котором грамматикализация обсуждаемых форм была реализована до конца, можно восстановить следующие этапы этого процесса: СППВ начинает использоваться в претеритном значении, согласуясь с объектом, затем СППВ перестает согласовываться с объектом и застывает в форме ср. р., после этого объект может получать форму В. п. Кроме того, (от)причастную форму начинают образовывать и непереходные глаголы. Доказательством финитности рассматриваемой формы является возможность образовывать с помощью нее сослагательное наклонение с частицей *бы* без глагола-связки. Такое употребление является нормой в польском языке, оно было и в старорусских текстах. Следовательно, вопреки мнению [Moser 1998: 336–342], старорусские примеры с несогласуемым СППВ в ср. р. с объектом в Им. п. являются

отражением того же самого процесса, что и польские конструкции с неизменяемой финитной формой на *-no-/-to-*, немногочисленные же русские контексты с объектом в В. п. следует расценивать не как полонизмы, а как закономерное проявление грамматикализации СППВ непосредственно в русском языке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВК — Вести-Куранты

Гр. — грамотки XVII — начала XVIII в.

СППВ — страдательное причастие прошедшего времени

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Вести-Куранты 1996 — *Вести-Куранты. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг.* Издание подготовил В. Г. Демьянов. М.: Наука, 1996.

Грамотки 1969 — *Грамотки XVII — начала XVIII в.* Издание подготовили Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1969.

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка.* <http://www.ruscorpora.ru>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Беляков и др. 2019 — Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные). *Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVII в.* Материалы международной научной конференции (Москва, 12–13 сентября 2019 г.). Лисейцев Д. В., Шамин С. М. (отв. ред.). М.: Ин-т российской истории РАН, 2019: 187–209. [Belyakov A. V., Gus'kov A. G., Liseitsev D. V., Shamin S. M. Translators of the Ambassadorial Prikaz in the 17th century: The membership (preliminary data). *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI — nachala XVII v.*: Proc. of the international conf. (Moscow, 2019). Liseitsev D. V., Shamin S. M. Moscow: Institute of Russian History, 2019: 187–209.]

Болсохоева 1977 — Болсохоева А. Д. *Предикативное функционирование кратких страдательных причастий прошедшего времени в русском языке XVI–XVII вв.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1977. [Bolsokhоеva A. D. *Predikativnoe funktsionirovanie kratkikh stradatel'nykh prichastii proshedshego vremeni v russkom yazyke XVI–XVII vv.* [Predicative functioning of short past passive participles in 16th–17th-century Russian]. Candidate diss. abstract. Leningrad: Herzen Leningrad State Pedagogical Institute, 1977.]

Борковский 1968 — Борковский В. И. *Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения.* М.: Наука, 1968. [Borkovskii V. I. *Sravnitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavjanskikh yazykov. Tipy prostogo predlozheniya* [Comparative-historical syntax of East Slavic: Types of simple sentence]. Moscow: Nauka, 1968.]

Борковский (ред.) 1968 — Борковский В. И. (ред.). *Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения.* М.: Наука, 1968. [Borkovskii V. I. (ed.). *Sravnitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavjanskikh yazykov. Chleny predlozheniya* [Comparative-historical syntax of East Slavic: Parts of sentence]. Moscow: Nauka, 1968.]

Булаховский 1954 — Булаховский Л. А. *Русский литературный язык первой половины XIX века.* М.: Учпедгиз, 1954. [Bulakhovskii L. A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka* [Standard Russian of the first half of the 18th century]. Moscow: Uchpedgiz, 1954.]

Булаховский 1958 — Булаховский Л. А. *Исторический комментарий к русскому литературному языку.* Киев: Радянська школа, 1958. [Bulakhovskii L. A. *Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical commentary to Standard Russian]. Kyiv: Radyans'ka Shkola, 1958.]

Гловинская 1982 — Гловинская М. Я. *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола.* М.: Наука, 1982. [Glovinskaya M. Ya. *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola* [Semantic types of aspectual distinctions of Russian verb]. Moscow: Nauka, 1982.]

Егоров 2019 — Егоров И. В. *Предикативные употребления пассивных причастий в русском языке XVIII–XX веков: грамматическая семантика и дискурсивные функции.* Магистерская диссертация.

- М.: МГУ, 2019. [Egorov I. V. *Predikativnye upotrebleniya passivnykh prichastii v russkom yazyke XVIII–XIX vekov: grammaticheskaya semantika i diskursivnye funktsii* [Predicative uses of passive participles in 18th–19th-century Russian: grammatical semantics and discursive functions]. MA thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2019.]
- Ермолова 2021 — Ермолова М. В. К вопросу о грамматическом статусе кратких форм страдательных причастий прошедшего времени в языке западных русских летописей (в сопоставлении с материалом русских говоров и других славянских языков). [Ermolova M. V. On the grammatical status of past passive participles in the language of West Russian Chronicles (in comparison with the material of Russian dialects and other Slavic languages).] *Russian Linguistics*, 2021, 45: 123–142.
- Ермолова 2022 — Ермолова М. В. О некоторых особенностях употребления перфектных и плюсквамперфектных конструкций в псковских говорах (на материале одного говора Опочецкого района Псковской области). *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, 2022, 81(2): 92–105. [Ermolova M. V. On the usage of perfect and pluperfect constructions in Pskov dialects of Russian (a study of one dialect in Opochetsky District of Pskov Oblast).] *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2022, 81(2): 92–105.]
- Князев 2007 — Князев Ю. П. *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*. М.: Языки славянских культур, 2007. [Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika. Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics. Russian language in typological perspective]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2007.]
- Кортава 1999 — Кортава Т. В. *Московский приказный язык XVII в. как особый тип письменного языка*. Дис... докт. филол. наук. М.: МГУ, 1999. [Kortava T. V. *Moskovskii prikaznyi yazyk XVII v. kak osobyi tip pis'mennogo yazyka* [The language of Moscow Prikazs of the 17th century as a special written language variety]. Doctoral diss. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 1999.]
- Котков 1964 — Котков С. И. Материалы частной переписки как лингвистический источник. *Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века*. Котков И. С., Панкратов Н. П. М.: Наука, 1964, 11–12. [Kotkov S. I. Private correspondence as a linguistic source. *Istochniki po istorii russkogo narodno-razgovornogo yazyka XVII — nachala XVIII veka*. Kotkov I. S., Pankratov N. P. Moscow: Nauka, 1964, 11–12.]
- Кузнецов 1948 — Кузнецов П. С. Из истории сказуемости употребления страдательных причастий в русском языке. *МГУ, филол. фак. Доклады и сообщения*. Вып. 6. М.: Изд-во Московского ун-та, 1948, 37–39. [Kuznetsov P. S. From the history of predicative use of passive participles in Russian. *MGU, filologicheskii fakul'tet. Doklady i soobshcheniya*. No. 6. Moscow: Moscow Univ. Press, 1948, 37–39.]
- Кузнецов 1950 — Кузнецов П. С. К вопросу о сказуемости употребления страдательных причастий в русском литературном языке XVIII и начала XIX в. *Труды Института русского языка*, т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, 105–166. [Kuznetsov P. S. On predicative use of passive participles in Standard Russian of the 18th and early 19th centuries. *Trudy Instituta russkogo yazyka*, vol. 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1950, 105–166.]
- Кузьмина, Немченко 1971 — Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. *Синтаксис причастных форм в русских говорах*. М.: Наука, 1971. [Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V. *Sintaksis prichastnykh form v russkikh gorakh* [Syntax of participial forms in Russian dialects]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Кунавин 2014 — Кунавин Б. В. *Развитие системы страдательных причастий в древнерусском языке*. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 2014. [Kunavin B. V. *Razvitie sistemy stradal'tel'nykh prichastii v drevnerusskom yazyke* [Development of the passive participle system in Old Russian]. Vladikavkaz: North Ossetian State Univ. Press, 2014.]
- Ломтев 1956 — Ломтев Т. П. *Очерки по историческому синтаксису русского языка*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1956. [Lomtev T. P. *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka* [Essays in Russian historical syntax]. Moscow: Moscow Univ. Press, 1956.]
- Маслов 1959 — Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском языке. *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*. Бернштейн С. Б. (отв. ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1959, 157–313. [Maslov Yu. S. Verbal aspect in modern Bulgarian. *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka*. Bernshtein S. B. (ed.). Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1959, 157–313.]
- Мова беларускай пісьменнасці 1988 — Жураўскі А. І. (рэд.). *Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст*. Мінск: Навука і тэхніка, 1988. [Zhuraŭski A. I. (ed.). *Mova belaruskaj pis'mennas'tsi XIV–XVIII stst*. [The language of Belarusian writing of the 14th–18th centuries]. Minsk: Navuka i Technika, 1988.]
- Никифоров 1952 — Никифоров С. Д. *Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века*. М.: Изд-во АН СССР, 1952. [Nikiforov S. D. *Glagol, ego kategorii i formy*

- v russkoi pis'mennosti vtoroi poloviny XVI veka* [Verb, its categories, and its forms in written Russian of the late 17th century]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1952.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. *Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива)*. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian; Semantics of narrative]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2004.]
- Трубинский 1983 — Трубинский В. И. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах. *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Неделков В. П. (ред.). Л.: Наука, 1983, 216–226. [Trubinskii V. I. Resultative, passive, and perfect in some Russian dialects. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*. Nedialkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983, 216–226.]
- Шевелева 2016 — Шевелева М. Н. К истории грамматической семантики форм типа *хаживал, бывал, бирал* в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, 2016, 2(32): 71–90. [Sheveleva M. N. Towards the history of grammatical semantics of Russian forms like *hazhival, byval, biral*. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2016, 2(32): 71–90.]
- Heine et al. 2019 — Heine B., Kuteva T., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. *Word lexicon of grammaticalization*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019.
- Kowalska 1991 — Kowalska A. Przyczynek do ewolucji form *jest zabity, jest zabito, są zabity*. *Prace językoznawcze 19. Studia polonistyczne*. Kowalska A., Wilkoń A. (red.). Katowice: Uniwersytet Śląski, 1991, 100–107.
- Maier 1997 — Maier I. *Verbalrektion in den Vesti-Kuranty (1600–1660). Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittellrussischen Syntax*. Uppsala: Uppsala Univ., 1997.
- Moser 1998 — Moser M. *Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts*. Frankfurt am Main: Lang, 1998.
- Wiemer 2011 — Wiemer B. Grammaticalization in Slavic languages. *The Oxford handbook of grammaticalization*. Heine B., Narrog H. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2011, 740–753.
- Wiemer 2020 — Wiemer B. Grammaticalization in Slavic. *Grammaticalization scenarios: Cross-linguistic variation and universal tendencies*. Vol. 1: *Grammaticalization scenarios from Africa, the Americas, and the Pacific*. Bisang W., Malchukov A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2020, 249–307.
- Wiemer, Giger 2005 — Wiemer B., Giger M. *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen: Bestandsaufnahme unter arealen und grammatikalisierungstheoretischen Gesichtspunkten*. München: LINCOM Europa, 2005.

Получено / received 15.03.2023

Принято / accepted 16.05.2023

Существует ли трехиктный былинный тактовик?

© 2023

Александр Михайлович Петров

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск,
Россия; hermitage2005@yandex.ru

Аннотация: В статье предпринимается попытка уточнить некоторые положения тонической теории народного стиха применительно к русской былине. Представлен краткий обзор научной традиции от Востокова до наших дней, эксплицированы наиболее сложные проблемы исследования метрики и ритмики былины. Сформулированы критерии отбора материала для анализа. Основу выборки составили опубликованные тексты из классических фольклорных собраний Кириши Данилова, Гильфердинга и Рыбникова — 10 111 строк (41 текст). Привлечен аудиоматериал, собранный от носителя фольклорной традиции, — 632 строки (36 фрагментов былин). При помощи аудиозаписей выявлены особенности былинной акцентуации, ранее не полностью отраженные в печатных сборниках. На их основе была сформулирована гипотеза об альтернативности 3- и 4-ударных строк в структуре былинного стиха. Данные, извлеченные из аудиозаписей, были экстраполированы на тексты, точное звучание которых неизвестно. Выполнен полный раздельный метроритмический анализ 3- и 4-ударных строк, выявлены и описаны наиболее типичные ритмические формы. Результаты представлены в 15 таблицах. Установлено, что 3- и 4-ударные строки находятся в относительном количественном равновесии и в норме составляют более 80 % былинного текста. Выдвинуто предположение, что трехиктная модель былинного стиха возникла в результате разрыва текста и напева и представляет собой отражение искусственной книжной декламации. В действительности тонический стих былины — это тактовик с альтернативностью 3- и 4-ударных строк, со слоговыми интервалами в 1–3 слога, с переменной анакрузой (диапазон варьирования в норме 0–2 слога) и дактилическим или мужским (реже — гипердактилическим) окончанием, без рифм.

Ключевые слова: былины, метрика, ритмика, фольклор

Благодарности: Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках госзадания по плановой теме № 121070800089-0 «Фольклор, рукописная книжность и литература Европейского Севера: источниковедение и поэтика», индивидуальный раздел «Вопросы структуры и типологии русского фольклорного эпического стиха». Выражаю глубокую признательность анонимным рецензентам за внимательное прочтение рукописи, конструктивные замечания и советы по ее улучшению.

Для цитирования: Петров А. М. Существует ли трехиктный былинный тактовик? *Вопросы языкознания*, 2023, 4: 65–95.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.65-95

Is there a three-ictic *taktovik* in the verse of Russian bylinas?

Alexander M. Petrov

Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre, Russian Academy
of Sciences, Petrozavodsk, Russia; hermitage2005@yandex.ru

Abstract: The paper attempts to clarify some theses of the accentual theory of folk versification in relation to bylinas — Russian epic songs. A brief overview of the research tradition from Vostokov to the modern time is presented, the most difficult problems of studying the metrics and rhythm of bylina are

explicated. Criteria for selecting material for analysis are formulated. The sample is based on published texts from classical folklore collections of Kirsha Danilov, Gilferding, and Rybnikov — 10,111 lines (41 texts). An extensive audio material collected from a bearer of the folklore tradition is used for the study — 632 lines (36 fragments of bylinas). With the help of audio recordings, the features of epic accentuation, previously not fully reflected in published texts, were revealed. Based on them, a hypothesis was formulated about the alternation of lines with 3 and 4 stresses in the structure of an epic verse. Data extracted from audio recordings were extrapolated to texts whose exact sound is unknown. The most typical rhythmical variations of lines with 3 and 4 stresses are presented based on a complete separate metrical and rhythmical analysis. The results are presented in 15 tables. As far as I could discover, the shares of lines with 3 and 4 stresses are more or less balanced, and together normally make up more than 80 % of an epic text. I suggest that the three-ictic model of the epic verse arose as a result of separating text from melody and is a mere reflection of an artificial literary declamation. In reality, the verse of bylina is a *taktovik* (an accentual verse with mono-, di-, and trisyllabic inter-ictic interval) with alternation of lines with 3 and 4 stresses, variable anacrusis (the range of variation is normally 0–2 syllables), and dactylic or masculine (less often hyperdactylic) ending, with no rhyme.

Keywords: bylinas, folklore, metrics, rhythmic

Acknowledgements: The paper was written as part of the state task assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, No. 121070800089-0 “Folklore, Handwritten Books and Literature of the European North: Source Study and Poetics”, individual section “Questions of Structure and Typology of Russian Folk Epic Verse”. I express my deep gratitude to the anonymous reviewers for a careful reading of the manuscript and constructive comments and suggestions for its improvement.

For citation: Petrov A. M. Is there a three-ictic *taktovik* in the verse of Russian bylinas? *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 4: 65–95.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.65-95

1. Вводные замечания

Классическое определение метрики былинного стиха звучит так: это «тонический 3-иктный тактовик — с 3 сильными местами в стихе, с интервалами между ними в 1–3 слога, с (обычно) 2-сложной анакрусой и дактилическим или женским окончанием, без рифм» [Гаспаров 1984: 22]¹. Это определение восходит к трудам А. Х. Востокова, опубликовавшего в 1812 г. в журнале «Санкт-Петербургский вестник» серию статей «Опыт о русском стихосложении» [Востоков 1812]. Серия состоит из двух частей: «О формах поэзии вообще» [Там же: 40–68], «О народном русском стихосложении» [Там же: 168–206; 271–288]. В 1817 г. вышло отдельное второе издание — «значительно пополненное и исправленное», — представлявшее собой итог размышлений А. Х. Востокова о русском стихе вообще и о фольклорном стихе в частности [Востоков 1817]. Материалом для работы стало первое (краткое) издание «Древних русских стихотворений» (сборник Кириши Данилова) 1804 г., содержащее 26 текстов. Востоков не успел включить в состав изученных материалов тексты из второго издания — «Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым» (1818 г., издание включало уже 61 текст), — хотя и смог «пробежать мелком» [Востоков 1817: 154] рукопись готовившейся книги.

А. Х. Востоков выделил в речи **прозодические периоды** (словесные группы, объединенные одним логическим ударением) [Там же: 100]. Если в предложении имеется не только главное, но и второстепенные (слабые, побочные) ударения, то такой период называется **двойным** (или **сложным**) [Там же: 102]. Понятие прозодического периода Востоков применяет к фольклору, рассматривая народный стих как стих **тонический**: в народных песнях Востоков предлагает считать «не стопы, не слоги, а *прозодические периоды*, т. е. ударения, по коим и должно размерять стихи старинных русских песен» [Там же: 106].

¹ Женские окончания встречаются преимущественно в песнях и духовных стихах [Гаспаров 1989: 24].

Для былины, согласно Востокову, характерен преимущественно «стих о *трех ударахиях дактилического окончания*» [Там же: 139].

Путь изучения стиха былины тернист; за два столетия, прошедшие со времен А. Х. Востокова, предпринималось немало попыток описать былинную метрику в относительно точных терминах, отыскать какой-то ключ к основным принципам его устройства [Штокмар 1952: 17–135; Квятковский 1966: 68–70; Гаспаров 1997: 58–60; Ефименкова 2001: 10–31; Лобанов 2007: 11–54]. Однако среди всех возможных подходов и концепций именно востокская филологическая теория былинного стиха всегда была своего рода «маячком» в безбрежном океане исследований фольклорной версификации. Это самая распространенная «точка зрения на строй русского народного стиха», она «имеет самую большую группу последователей» [Квятковский 1966: 68], хотя с самого начала своего существования подвергалась критике [Штокмар 1952: 42–44, 50–52, 58], не всегда справедливой.

Современники А. Х. Востокова подчас слишком буквально понимали тоническую урегулированность строк (трактуя ее как абсолютное равенство, тождественность) и были излишне категоричны в суждениях, если учесть, что сама теория народного стиха в то время только зарождалась, не было и четкой терминологии². Характерны, например, такие критические размышления: «...утверждать, будто все стихи, имеющие равное число ударений, равны между собою, столь же справедливо, как заключить, что все четырехэтажные здания имеют одинаковую высоту» [Цертелев 1818: 252–253]; о наполнительных частицах *да, что, то, как* и т. п., о полных и усеченных формах прилагательных: «К чему бы служило все сие, если бы стих не имел определенной гармонии или стопосложения? Для числа ударений все равно: *в доме-то вдовушка* или: *в доме вдовушка*. Сходни бросали на *крут* бережок или *крутой* бережок и проч.» [Там же: 249].

Ясно, что разного рода десемантизированные односложные вставки в тоническом народном стихе совершенно необходимы для регулирования **слогового объема** междударного интервала, т. е. фактически для формирования **метра** (а также варьирования ритма), но не размера (ср. строку из публикации былины и искусственные примеры: «Он дерётся-бьётся день до вёчера» [КД 1977: 53] *0.1111.2*, *Он дерётся-то, бьётся день до вёчера *0.1211.2*, *Он дерётся-то, бьётся да и дёнь до вёчера *0.1231.2*)³. Как было уточнено значительно позднее, в былине высокочастотным метром является **тактовик** (хотя только к нему стих былины не сводится). На **размер** этого метра указанные единичные вставки (или, напротив, пропуски), конечно, не влияют. Для критиков востокской концепции это было, как и для нас, очевидно, но при отсутствии в то время ясной методики анализа былинной метрики требования к точности определения метра представляются чрезмерными. Тем не менее все эти рассуждения в дальнейшем прямо поспособствовали развитию теории фольклорной версификации, поскольку верно указывали на недостаточность одного лишь подсчета ударений в строке для определения принципов построения стиха былины.

² На проблему неразработанности стиховедческой и лингвистической терминологии в XIX в., в частности, указал К. Ф. Тарановский в работе [Тарановский 2010: 521].

³ Иного мнения придерживался Н. С. Трубецкой: «В то же время тексты былин переполнены совершенно ненужными частицами и словечками типа *ведь, же, то, еще, кабы, уж, да* и т. д., которые вставляются в текст без всякой связи с содержанием. Для современной былинной метрики, в которой число слогов не имеет почти никакого значения, использование таких частиц абсолютно необоснованно. Явление становится понятным лишь тогда, когда мы примем тезис, согласно которому в метрике былины решающую роль первоначально играло число слогов» [Трубецкой 1987: 356]. Следовательно, по Н. С. Трубецкому, наполнительные частицы являются неким атавизмом, доставшимся былине в наследство от славянской народной силлабики (ср. [Jakobson 1966]), и не имеют какого-либо конструктивного значения. На наш взгляд, если они действительно являются пережитком прежней славянской силлабики, то следует признать рациональность, с которой они используются. В данном случае могло иметь место перераспределение функций этих частиц: из средства силлабического выравнивания они превратились в средство метрического урегулирования (а также ритмического варьирования) строки.

Позднее в научных публикациях время от времени стали появляться и другие редкие и разрозненные сигналы того, что концепция А. Х. Востокова охватывает не все разнообразие форм былинного стиха, что имеются некоторые пробелы, что какие-то элементы могут быть интерпретированы иначе — одним словом, стала, пусть **имплицитно**, ощущаться некоторая ограниченность востокской тонической теории былинной метрики. Эти сигналы имели уже более серьезные основания, поскольку исследователями были открыты и зарегистрированы новые факты, которые по вполне понятным причинам не были известны Востокову. Представляется, что к настоящему моменту назрела необходимость некоторой «ревизии», корректировки взглядов на стих былины. Требуется **эксплицитное** изложение всех уточнений к тонической теории, тем более что они не столь многочисленны. Эту цель и преследует настоящая статья.

2. Проблема и гипотеза

Одним из первых сигналов того, что тоническая теория А. Х. Востокова требует уточнений, стали наблюдения над структурой былинной **клаузулы**. Внимание исследователей привлекли не классические дактилические окончания, не вызывавшие вопросов («А и хошь ли, Добрыня, *женітися?*» [КД 1977: 47]; «Гой еси ты, калика *перехо́жся!*» [Там же: 101]), а их «аналоги»: словосочетания типа *сине море, чисто поле* и т. п.: «Прибежали ко тому *белу шатру*» [Там же: 82]; «Выпивает молодец *единым духом*» [Там же: 107]. Последнее слово в подобном словосочетании Востоков трактовал как полностью атонированное [Востоков 1817: 147–148]. Однако впоследствии выяснилось, что при внешнем сходстве с дактилическими окончаниями типа *женітися, перехо́жся, любімова, долгопóлюю* и т. д. имеется и существенное отличие, а именно акцентное отягчение на последнем слоге второго слова — **полноценное языковое ударение**: *синé морé, чистó полé, белу́ шатру́, единым́ духом́* [Корш 2012: 96]. Данное уточнение было внесено уже после А. Х. Востокова, который не мог знать о существовании этого ударения («по недостатку музыкального опыта» [Жирмунский 1975: 220], он был знаком «с былинами по книгам» [Там же: 220]).

Между тем дактилическое окончание былинного (и даже шире — народного) стиха приобрело собственный культурно-семантический ореол и стало прочно ассоциироваться с фольклором, проникнув и в литературные стилизации фольклорного материала. Ср.: «Эти дактилические окончания (—○○) — неотъемлемая принадлежность русского фольклорного стихотворного ритма, и почти все былины, все причитания и великое множество песен, то есть сотни тысяч народных стихов, украшены этими дактилями. Здесь коренная, исконная форма русской народной поэзии. Недаром Ломоносов в своих изысканиях о русском стихе отводил такое почетное место тригласным (то есть дактилическим) рифмам (<...> Всеми способами народные певцы добивались “тригласия” в окончании каждого стиха. Этому “тригласию” служили также эпитеты, стоявшие перед двугласными словами и принимавшие на себя их ударения, делая их безударными, например: матерá вдова, каленá стрела, золоты́ ключи, белы́ руки, белы́ груди, резвы́ ноги, сыра́ земля, добрым́ конем» [Чуковский 2012: 522–524]. М. П. Штокмаром второй компонент словосочетаний типа *чисто поле* также рассматривался как безударная энклитика, в том числе в клаузуле стиха [Штокмар 1952: 239].

В дальнейшем безударность второго компонента фольклорных словосочетаний типа *чисто поле, сине море* не раз была подвергнута сомнению, в особенности в тех случаях, когда это словосочетание находится не в конце былинной строки, а в ее середине. Обычно ударение на втором компоненте (*полé, морé*) интерпретируется как второстепенное, слог считается слабоударным. В частности, на это указал К. Ф. Тарановский в полемике с М. П. Штокмаром [Тарановский 2010: 532–533]. Тарановский цитирует фрагмент

былины, приводимый Штокмаром: «А *много царей* да царевичев, // А много ли королей да королевичев», сопровождая его следующим комментарием: «Форма *царей* имеет ударение на втором слоге, и нет причин считать эту форму атонированной, как и форму *королей*» [Там же: 533]. Является ли это ударение ослабленным, Тарановский не пояснил.

Аналогичные примеры (*зеленá винá, из белá шатрá, да добрých коней, таковы́ слова́*) из собраний былин приводит Дж. Бейли [2001а: 235]. При этом Дж. Бейли, опираясь на исследования К. Ф. Тарановского, утверждает, что «акцентуация в словесном ритме народных песен основана на двух просодических уровнях: фразовое ударение (синтагматическое или главное ударение) и словесное ударение, т. е. ударение слова. В 3-ударном акцентном ударении⁴ три иктных слога несут фразовое ударение, а все остальные слова несут словесное ударение, которое является сверхсхемным» [Бейли 2012: 14]. Схожим образом описывают былинный стих М. Л. Гаспаров и Т. В. Скулачева. 4-, 5- и 6-словные строки интерпретируются исследователями как 3-иктные, но с дополнительными (т. е. сверхсхемными) ударениями на факультативных позициях [Гаспаров, Скулачева 2004: 135–136]. 2-словные строки, соответственно, содержат пропуск ударения на среднем икте 3-иктного тактовика [Там же: 135].

По-видимому, наиболее дискуссионной является проблема ударности последнего слога словосочетаний типа *чисто поле* в *клаузуле* стиха, где они теоретически действительно могут звучать ослабленно. Кроме того, не вызывает возражений, что в былинной строке стопроцентно реализован третий слог от конца: это тоническая константа стиха, икт; гипердактилические и четырехсложные окончания в былине крайне редки, их можно отнести к исключениям. В совокупности эти два фактора дают основания относить ударения во втором компоненте словосочетаний типа *чистó полé* в *клаузуле* к **сверхсхемным** [Казарцев 2017: 39]; В. М. Жирмунский [1975: 220] называл такое ударение «добавочным метрическим», вполне в русле востоковской концепции трехударности былинной строки.

Данная дискуссия регулярно возобновляется среди стиховедов (см., например, [Москвин 2020: 38–39]), что связано, вероятно, с некоторой недосказанностью, неполнотой решения проблемы. Например, в рецензии К. М. Корчагина на книгу В. П. Москвина «Теоретические основы стиховедения» в числе прочего критически обсуждается и этот вопрос. Следующий фрагмент былины трактуется Москвиным как стих с чередованием дактилических и мужских *клаузул*: «Говорит тут Василий Буслаевич: // «Гой еси вы, мужики новгородския, // Бьюсь с вами о велик заклад: // Напушаюсь я на весь Новгород битися-дратися // Со всею дружиною хороброю — // Тако вы мене с дружиною побьете Новым-городом, // Буду вам платить дани-выходы по смерть мою, // На всякой год по три тысячи; // А буде же я вас побью и вы мне покоритися, // То вам платить мне такову же дань!» [Москвин 2009: 17]. Однако К. М. Корчагин резонно возражает, что «в каждой строке присутствует ударная константа на третьем слоге от конца строки, и тем самым рассматриваемый фрагмент содержит только дактилические *клаузулы*. Действительно, *клаузула* традиционно понимается как ударная константа в совокупности с теми слогами, что следуют за ней, а не просто как позиция последнего (реального) ударения в строке» [Корчагин 2012: 450]. По этой причине все строки из отрывка: «Выходили мужички да тут черниговски // И отворяли-то ворота во Чернигов-град, // Ай зовут его в Чернигов воеводу. // Говорит им Илья да таковы́ слова» — необходимо отнести к трехиктному тактовика [Там же: 451], несмотря на ударность второго компонента словосочетаний *Чернигов-град, таковы́ слова* (в разметке, предложенной Корчагиным, эти компоненты атонированы).

Однако структура стихотворной фольклорной строки определяется не только *клаузулой*. Не менее важно и ядро стиха, слоговые интервалы между анакрузой и *клаузулой*.

⁴ В статьях Дж. Бейли, опубликованных на русском языке, былинный стих обычно называется **акцентным**. Возможно, применительно к былине правильнее интерпретировать его как **тонический**. Accentual verse может быть переведено с английского и как «акцентный стих», и как «тонический стих».

В этой области также были сделаны наблюдения, ставящие под сомнение жесткую схему А. Х. Востокова — правда, на несколько ином материале. Речь идет о переводах сербских народных песен из собрания Вука Караджича, опубликованных в альманахе «Северные цветы» (1825, 1826, 1827). Эти переводы, что интересно, принадлежат перу все того же Востокова. Ученый передал метрику сербского стиха (а это силлабический десятистопник с цезурой после четвертого слога) при помощи, как он выразился, **русского размера** «о трех ударениях с хорейским окончанием» [Востоков 1825: 337]. Трехударность востокской строки вызвала возражения Б. И. Ярхо, который справедливо заметил: «...даже при максимальном желании иногда невозможно довести стих до 3-ударности (...) стоит ли ломать язык для достижения трехударности в таких стихах: “Ъется куст розовой около сосны, // Как вокруг пучка цветов ниточка шелку. // Пришед, прямо к жене обратился” (...) В самом деле, если бы не было вышеприведенного примечания, никто бы и не узнал, что это трехтактный размер...» [Ярхо 1928: 177].

Каким видится возможное решение этой проблемы? Очевидно, давно назрела необходимость обратиться к первоисточнику сведений о метрике и ритмике былинного стиха — к звучащим текстам, к аудиозаписям: «...фактом устной народной словесности былина является прежде всего в ее конкретном однократном исполнении и восприятии» [Гаспаров 1997: 64]. Музыковедами это, конечно, уже было сделано, см., например, [Маслов 1911; Коргузалов 1966; 1993; Васильева 1981; Кастров 1993; Ефименкова 2001; Лобанов 2007; Якубовская 2016] и др., стиховеды с филологической подготовкой учитывают реальное звучание былинного стиха реже — как заметил М. А. Лобанов, «в силу стойкого предубеждения ко всему, что связано с нотами» [Лобанов 2007: 7].

В настоящее время необходимость комплексного анализа песенных жанров фольклора (текста и напева) уже не вызывает сомнений (см., например, подборку статей “From Metre to Performance” в [Versification 2021: 57–170], также [Oras et al. 2021]). На недавней конференции Plotting Poetry 5: Popular Voices, состоявшейся в Тарту, этой тематике был посвящен целый блок докладов [Couturier et al. 2022]. Саму проблему «письменный стихотворный текст — вокальное исполнение», даже вне фольклорного контекста, можно отнести к числу приоритетных для современного стиховедения (в частности, на материале бардовской песни к этой проблеме обращается И. А. Пильщиков [Там же: 137–138]).

Фольклорный стих может быть интерпретирован в рамках концепции **изохронной метрики** [Agouï 2009]. Но, как справедливо отмечает К. М. Корчагин, **изохронная метрика** — это «terra incognita для российского исследователя (...) при изучении изохронной метрики приходится обращаться к музыкальному материалу, который на долгие десятилетия был изгнан, по крайней мере, из отечественного стиховедения, что не лучшим образом отразилось (...) на изучении русского народного стиха» [Корчагин 2011: 112–113].

Нечто похожее на изохронный подход к метрике былины реализовано А. А. Маточкиным. Он считает фольклорный стих **равнодолготным**. Исследователь делит общую продолжительность звучания былины на количество стихов в ней и получает среднюю продолжительность звучания каждой строки [Маточкин 2012]. Реальная продолжительность звучания каждого стиха измеряется при помощи компьютерной программы: «...стихи одной старины песенного типа *примерно* равны по занимаемому ими физическому времени» [Там же: 64]. В полной мере оценить метод Маточкина трудно, поскольку это исследование не получило продолжения.

Продуктивным и полезным представляется опыт А. И. Зайцева, одного из немногих филологов, кто **прослушал** аудиозаписи былин и соотнес их подлинное звучание с умозрительными представлениями о былинном стихе. Исследователь отметил следующее: «...в ряде записей из фонограммархива ИРЛИ РАН от нескольких исполнителей совершенно отчетливо слышны постоянные икты на первом и на последнем слоге строки, нередко метрически немотивированные икты в середине строки, так что в реальном произнесении стих оказывается 5–6-иктным» [Зайцев 1995: 200]. Противоположный вывод сделал Дж. Бейли, прослушавший фрагмент былины «Вольга», записанный на фонограф

С. И. Бернштейном от П. И. Рябикина-Андреева в 1926 г. [Бейли 2012: 13]. Бейли обнаружил в структуре стиха **три** метрических ударения, все остальные отнес к сверхсхемным. При этом чистой трехиктной схеме («основному ритму») соответствуют лишь 6 строк из 19, приведенных в качестве примера [Там же: 13–14].

Сколько же все-таки ударений в былинной строке? Есть только один способ ответить на этот вопрос: прослушать доступные нам аудиозаписи былин, сделанные от носителей былинной традиции. Такие записи у нас имеются. Это материалы Фонограммархива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. В частности, в Фонограммархиве хранится коллекция записей, сделанных осенью 1940 г. от сказителя Федора Андреевича Конашкова, известного исполнителя былин [Дюжев 2006: 171–172]. К сожалению, эти записи — лишь небольшие фрагменты, длящиеся по несколько минут. Но и они дают хорошее представление о манере пения былины в доступном филологу объеме, а главное — о технике расстановки ударений. Первый же услышанный нами звучащий текст обнаружил (если нас не подвел слух, чего нельзя исключить, если исследователь — не профессиональный музыковед или фонетист, пусть даже язык для него родной), что чистых **трехударных** строк — меньше половины. Приблизительно равнозначную часть составляют **четыреударные** строки. Остальное составляют **двух-, пяти- и шестиударные** строки (их существенно меньше; в основе стиха — **конкуренция трех- и четырехударных** строк). Двигаясь дальше, мы каждый раз, в каждом следующем варианте той или иной былины Ф. А. Конашкова отмечали схожую или полностью аналогичную тенденцию [Петров 2019]. Далее возник вопрос: какие из этих ударений — схемные, а какие — сверхсхемные? И существуют ли такие ударения в тоническом тактике без явно выраженных метрически сильных позиций? Чтобы ответить на эти вопросы, нет иного пути, кроме полного описания и количественного анализа всех ритмических форм былин (или былинного **тактовика**, если исходить из допущения, что именно он — основной былинный метр). Однако уже сейчас мы можем сформулировать рабочую **гипотезу**: стих былины в его подлинном исполнении создается **альтернативой преимущественно трех- и четырехударных строк**, при этом в большинстве случаев он действительно обладает характерным **дактилическим** окончанием.

3. Материал и метод

Принципы отбора **материала** для работы predeterminedены ее **целью**, которая заключается в проверке некоторых положений тонической теории А. Х. Востокова, изучившего только печатные фиксации устных фольклорных произведений. Следовательно, нам крайне необходимы **звучащие** тексты. Поэтому в основу исследования, как мы уже сказали, легли аудиозаписи из Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН. Это тексты былин, зафиксированные на рентгеновских снимках — так называемые «записи на костях» [Марковская 2017]. Они были сделаны в 1938–1941 гг. от разных исполнителей, уже на излете традиции, при этом «являются наиболее ранними звуковыми материалами, хранящимися в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН» [Там же: 200]. В настоящее время они оцифрованы и могут свободно использоваться для многократного прослушивания, без риска повредить оригинальный носитель. Мы выбрали записи от Ф. А. Конашкова: их было сделано больше всего, причем среди них преобладают именно былины [Там же: 202]. Кроме того, Конашков — признанный мастер пения (сказывания) былин, поэтому даже небольшие образцы в его исполнении представляют ценность. Манера сказывания Конашкова характеризуется неторопливостью, удивительным спокойствием, некоторой монотонностью, что уже отмечалось ранее [Линевский 1948: 20–21]. Исследователи констатируют отсутствие «внешней, открытой эмоциональности пения» [Якубовская 2016: 129], выразительность же «проявляется в тонких исполнительских нюансах, интонационных

и ритмических “подробностях”, делающих буквально каждый пропетый мелостих неповторимым» [Там же: 129]. Ю. М. Соколов подчеркивал, что сказитель уделял полное внимание каждому произносимому слову [Там же: 129]. Не «фразе», не «синтагме», не «прозодическому периоду», а **каждому слову**.

Полный список материалов Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН (далее — [ФА]), использованных нами, приведен в **Приложении**. Всего данные тексты содержат **632** строки. Часть этих материалов опубликована. Например, в «Своде русского фольклора», издаваемого ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, напечатаны варианты былины «Илья Муромец и царь Калин» [Свод 2014: 66–74], они снабжены нотацией Е. И. Якубовской [Там же: 816–817].

Также необходимо было заново рассмотреть тексты былин, напечатанные в сборнике Кириши Данилова (далее — КД): именно ими пользовался А. Х. Востоков, на их основе сформированы традиционные научные представления о звучании былинного стиха. Уточнить разметку этих текстов позволили сведения, извлеченные из аудиозаписей. Текстологические проблемы, связанные со сборником, нам известны, см. о них [Путилов 1977: 379–382]. Мы выбрали **24** былины, опубликованные в издании [КД 1977] под номерами: 1 (262 строки), 2 (196 строк), 3 (192 строки), 6 (200 строк), 8 (152 строки), 9 (248 строк), 10 (294 строки), 11 (387 строк), 15 (260 строк), 16 (284 строки), 17 (135 строк), 18 (232 строки), 19 (303 строки), 20 (344 строки), 21 (177 строк), 22 (266 строк), 23 (226 строк), 25 (226 строк), 26 (321 строка), 28 (194 строки), 47 (170 строк), 48 (136 строк), 49 (175 строк), 50 (144 строки). Итого — **5524** строки.

В качестве вспомогательного материала использовались тексты былин, собранные и опубликованные А. Ф. Гильфердингом [1873]. Записи Гильфердинга высоко ценятся фольклористами, поскольку собиратель фиксировал былины с голоса, а не с говорного пересказа; также он немало места уделил и теоретическому осмыслению метрики былины во вступительной статье к сборнику [Там же: XXXII–XLVII]. Гильфердинг предложил «стопный» подход к анализу стиха былины, на чем мы сейчас останавливаться не будем. Мы рассмотрели **3** былины, записанные от Т. Г. Рябинина и напечатанные в [Там же] под номерами: 73 (178 строк), 81 (453 строки), 84 (182 строки). Итого — **813** строк. В сборнике опубликовано существенно больше текстов от Т. Г. Рябинина, но мы не смогли включить их в нашу выборку, поскольку они имеют силлабо-тоническое строение и представляют собой вольные хорей. Подробно они были обследованы Дж. Бейли [2001а: 241–252].

Наконец, в рамках отдельного корпуса были привлечены тексты былин, опубликованные в [Рыбников 1989]. С этим сборником все намного интереснее, поскольку, по единодушному мнению специалистов, он не может использоваться в стиховедческой работе: П. Н. Рыбников «и его корреспонденты обычно записывали былины при говорном пересказе, а не при музыкальном исполнении, часто пропуская наполнительные частицы» [Бейли 2001а: 229–230]. Кроме того, у петрозаводского издания также имеются определенные текстологические проблемы, о чем подробно писала Т. А. Новичкова [1995]. И все же мы включили часть этих материалов в выборку. Речь идет о нескольких вариантах былин, записанных от того же Т. Г. Рябинина. Мы хотели получить ответы на следующие вопросы: в какой мере искажается, разрушается былинный стих при его записи в пересказе? Что он теряет и что приобретает? Что происходит с метром и размером? Насколько они похожи на устный «оригинал»? На наш взгляд, это довольно интересная проблема; нам хотелось ее коснуться хотя бы частично, бегло. Поэтому мы выбрали **14** текстов, которые опубликованы в [Рыбников 1989] под номерами: 3 (157 строк), 4 (229 строк), 5 (322 строки), 6 (85 строк), 7 (289 строк), 8 (924 строки), 9 (297 строк), 10 (126 строк), 12 (214 строк), 14 (122 строки), 15 (163 строки), 16 (452 строки), 17 (74 строки), 22 (320 строк). Итого — **3774** строки.

Таким образом, всего (с учетом аудиозаписей) нами было проанализировано **10 743** былинных строки. Без аудиозаписей — **10 111**.

Из всех этих источников была извлечена разная по качеству информация. Например, очевидно, что определять метрику 10-строчных обрывков аудиозаписей — довольно

бессмысленная процедура. Однако эти обрывки дают бесценные сведения о том, **как в действительности может исполняться былина**. Обладая этим знанием, мы можем экстраполировать полученные данные на «немые» печатные тексты, которые, в свою очередь, снабжают нас **огромным количеством стихотворных строк** для анализа. Понятно, что записи от Ф. А. Конашкова сделаны относительно поздно. В какой мере их можно использовать для реконструкции звучания былин из сборника Кирши Данилова или хотя бы П. Н. Рыбникова? Это непростой вопрос, и риск ошибиться есть всегда, причем саму степень риска измерить невозможно: мы имеем дело с очень разными в хронологическом плане материалами. Однако нет и другого выхода: во времена Кирши Данилова и Рыбникова еще не был изобретен даже фонограф.

Все рассмотренные нами печатные тексты (не аудиозаписи) распадаются на несколько неравномерных метрических групп. Большинство — **тактовики** (37 текстов), однако имеются примеры и **дольников** (3 текста), и **акцентного стиха** (1 текст). Вот как они распределены по сборникам (см. табл. 1, указаны номера, под которыми в сборниках опубликованы соответствующие тексты)⁵.

Таблица 1

Метрические группы былин в сборниках

	Дольник	Таковик	Акцентный стих
Кирша Данилов	2 (всего: 1)	1, 3, 6, 8, 9, 10, 11, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 28, 47, 48, 49, 50 (всего: 23)	—
Гильфердинг	—	73, 81, 84 (всего: 3)	—
Рыбников	10, 22 (всего: 2)	3, 4, 5, 7, 8, 9, 12, 14, 15, 16, 17 (всего: 11)	6 (всего: 1)

Таким образом, среди «неклассических» былинных метров количество строк «чистого» **тактовика** (без аудиозаписей, по данным только приведенных сборников) — **9384 (92,8 %)**. На долю **дольников** и **акцентного** стиха приходится всего **7,2 % (727 строк)**.

Теперь поясним **методы** нашей работы с материалом.

Если говорить о **печатных** текстах, то метр стиха определяется по методике Гаспарова — Скулачевой, подробно описанной в [Скулачева 2012] и активно применяющейся в современном российском стиховедении. Эта методика разработана на литературном материале, но хорошо «работает» и для фольклорных текстов, являясь, по сути, универсальной. Опорой для нее в нашем случае являются аудиозаписи, т. е. тексты **звучащие**. Определим объем информации, которую филолог может извлечь из аудиозаписи. Очевидно, что проблема **соотношения текста и напева** остается в стороне: без сотрудничества со специалистом-музыковедом филологу такая работа не под силу. Но что вполне возможно — это более точное определение мест ударений (в особенности в фольклорных формулах) и силлабического состава строк (сведения о наполнительных частицах). Приведем в качестве примера следующий отрывок (ФА, 1/3, 15 строк):

Как жи́л-то ве́дь и Светосла́в да девяно́сто ле́т,
 А ве́дь то́т же Светосла́в и да пре́ставилсе.
 А как оста́лосе да ча́до ми́лоё,
 А ча́до ми́лоё, дитя́ любимо́е
 Как Ольга́-то ве́дь да Светосла́влёвич.
 А ве́дь и ро́с Ольга́ да полне́л Ольга́
 А до бо́льшого-то ё́н и до во́зраста.
 А захоте́лосе Ольги́ да зна́ть-и все́ премудро́сти:

⁵ Данные по аудиозаписям мы не приводим, поскольку располагаем не целыми текстами, а лишь их начальными фрагментами.

А в синём море нырять щукою,
 А во лесу-то ведь бегать волком серым.
 А собрал Ольга дружинишку себе да ён хоробрую,
 А как поехал Ольга с дружиной во чисто поле.
 А версту едут — всё нет никого,
 А десять-то верст и едут — всё нет никого.
 Как услышали в чистом поле покрикивает...

Приведем разметку этого фрагмента (по методике Гаспарова — Скулачевой):

Текст	Интерв. схема	Совп. с метрами	Кол-во слогов	Кол-во ударений
Как жил-то ведь и Светослав да девяносто лет	1.531.0	Я7	14	4
А ведь тот же Светослав и да преставилсе	2.33.2	Х6	13	3
А как осталося да чадо милое	3.31.2	Я5	12	3
А чадо милое, дитя любимое	1.131.2	Я5	12	4
Как Ольга-то ведь да Светославлевич	2.5.2	Х5	11	2
А ведь и рос Ольга да полнел Ольга	3.121.0	Дк	11	4
А до большого-то ён и до возраста	2.32.2	Тк	12	3
А захотелосе Ольги да зная-и все премудрости	3.3111.2	Я7	16	5
А в синём море нырять щукою ⁶	1.120.2	Акц	10	4
А во лесу-то ведь бегать волком серым	3.211.2	Дк	13	4
А собрал Ольга дружинишку себе да ён хоробрую	2.11311.2	Х8	17	6
А как поехал Ольга с дружиной во чисто поле	3.2131.0	Тк	15	5
А версту едут — всё нет никого	1.122.0	Дк	10	4
А десять-то верст и едут — всё нет никого	1.2122.0	Дк	13	5
Как услышали в чистом поле покрикивает	3.112.3	Дк	14	4

Говорить о метрике отрывка нецелесообразно, но если бы этот фрагмент был полным текстом стихотворения, то картина получилась бы следующей: Х=3 (20%), Я=4 (26,7%), Д=0, Амф=0, Ан=0, Дк=5 (33,3%), Тк=2 (13,3%), Акц=1 (6,7%). Поскольку условное пороговое значение для определения метра (75%) достигается на дольнике (80%), то метр стиха — **дольник**.

Силлабическая структура строк неравномерна. Говорить об изосиллабизме былины точно не приходится.

Отрывок является неравнострочным и по **количеству ударений**. 2-ударные строки=1 (6,7%), 3-ударные=3 (20%), 4-ударные=7 (46,7%), 5-ударные=3 (20%), 6-ударные=1 (6,7%). На 3-ударные строки приходится всего 20%. Тонический рисунок создают не они, а альтернатива 2-3-4-5-6-ударных строк, благодаря чему и создается богатство ритмики. Как видно из интервальных схем, ритмика стиха довольно свободна (хотя до акцентного стиха он все же не расшатывается).

Исполнителю былин не свойственно искусственно атонировать полнозначные слова или твердо держаться какой-то одной ритмической вариации.

Мы учитываем возможность ошибочного восприятия нами ударности, поскольку былина **поется** («сказывается»); служебные части речи или части слов, на которые

⁶ Возможно, в слове «нырять» ударение приходится на первый слог: *ны́рять*. В этом случае строка совпадает с 4-стопным ямбом.

приходится сильный музыкальный акцент, могут произноситься с утрированной силой, «атакой». Иногда на этом основании выделяются дополнительные, побочные ударения на последнем слоге гипердактилического окончания: *по́нукиваѐт* [Бейли 2012: 15]. Однако на данном этапе работы приходится принять некоторую неопределенность этого аспекта и рассчитывать на активное применение в будущем более точных лингвистических методов. К их числу относятся, например, перцептивный анализ, описанный в [Скулачева, Петров 2023], и инструментальные методы фонетического анализа [Богданова, Игнаткова 1995; Овчаренко, Скрелин 1995; Князев, Пожарицкая 2011: 94–110; Янко 2015]. Необходимо все же помнить, что свобода распределения ударений в народном стихе не безгранична. В свое время на это указал В. М. Жирмунский: «...музыкальные ударения располагаются в соответствии с ударениями словесными (или фразовыми), не насилуя языкового материала и только широко пользуясь существующими в народных говорах акцентными дублетами (*ворота* — *воро́та* и т. п.)» [Жирмунский 1975: 215]. Безусловно, «словесный ритм песни нельзя анализировать только по нормам акцентуации литературного языка» [Бейли 2001г: 37], однако даже некоторые погрешности не способны переломить метроритмическую тенденцию стиха, если в целом разметка адекватна [Петров 2022: 70].

Данные, извлеченные нами из аудиозаписей, легли в основу разметки печатных текстов, точное звучание которых неизвестно. Мы, конечно, не могли вставить в тот или иной текст наполнительные частицы и работали лишь с тем, что имеется в публикациях. Мы как бы смотрели на классические собрания былин «глазами А. Х. Востокова», но с поправкой на возможность иного прочтения. Знаменательные части речи нами не атонировались, за исключением общеизвестных предложно-падежных сочетаний *úз лесу*, *на́ ногу*, *на́ море* и т. д., в которых ударение приходится на предлог. В словосочетаниях типа *чи́сто по́ле* второй компонент рассматривался как всегда ударный. Мы допускаем, что в отдельных случаях (очень редких) мы могли поддаться воздействию ритмического импульса стиха и искусственно перенести ударение там, где его, возможно, переносить и не следовало: «Все корабли на пристáнь ста́ли, // Сходи́ метали на круто́й бе́рег, // И вы́шли це́ловальники на кру́т бе́рег, // И тут Са́дко покло́няется» [КД 1977: 182].

Мы ставили только одно основное ударение (*по́нукиваѐт*), не выделяя ослабленных, второстепенных и т. д. Выделение множества «степеней ударности» приводит, как указала М. Тарлинская, к излишней «громоздкости и малообозримости» результатов, особенно применительно к длинным текстам [Тарлинская 2018: 13]. К этому мы бы добавили и субъективность выделения «ослабленных» ударений, не дающую необходимых точек опоры для анализа.

В устойчивых наименованиях «Илья Муромец» и «в Нове-городе» ударения ставились так: «И́лья Му́ромец», «в Но́ве-го́роде» (без атонирования первого компонента; по образцу пения Ф. А. Конашкова). Но эти случаи единичны.

Начинательная частица «как» (*Как отпра́вился До́брыня...*) размечалась как безударная.

В целом же, язык былин по записям XIX в. достаточно современен, объяснения требуют лишь некоторые этнографизмы и диалектизмы. Для этого обычно хватает словаря [Даль 1981–1982], также мы традиционно сверяемся со словарем народно-песенной акцентуации Дж. Бейли [2010: 414–450].

В итоге мы, безусловно, получаем некую теоретическую абстракцию. В том виде, в котором былины напечатаны в сборниках, они никогда не исполнялись. Однако «грамматика фольклорного стиха» и не требует детальной фиксации всех элементов речевых воплощений языкового инварианта. Как заметил Дж. Бейли, «разница между чистым текстовым аналогом и распетым текстом отнюдь не отменяет необходимости изучать отношение между текстом и напевом песни и не предполагает, что словесный текст важнее напева» [Бейли 2001г: 35]. Важно лишь сразу договориться об уровне, «на котором ведется анализ» [Там же: 35]. Даже очищенный от элементов напева, отфильтрованный текст дает некоторое представление о структуре былинного стиха. Это тем более

справедливо, что былинный стих относится к типу стиха **нарративного, эпического, речитативного**: здесь напев и словесный ритм «находятся в относительном равновесии» [Гаспаров 1989: 20] (в отличие от лирического стиха, анализ которого существенно труднее, ср. [Бейли 2010]).

4. Обсуждение и результаты

4.1. Аудиозаписи

Описание стиха производится по ряду параметров, указанных далее.

Сведения о **слоговом объеме строки до первого реализованного ударения** приведены в табл. 2.

Таблица 2

Слоговой объем строки до первого реализованного ударения по данным аудиозаписей

	Пример	Всего	%
0 слогов	В синём море-то а нырять щукою	11	1,7%
1 слог	А мЫлся боярин-то белёшенько	145	22,9%
2 слога	Как честна́ вдова́ Омельфа Тимофйёвна	245	38,8%
3 слога	А далёко ли Дюк-ы да справляёшьси	211	33,4%
4 слога	А-и же ты ца́рь Салта́н туре́цкии	19	3%
5 слогов	А ведь как и Влади́мир-кня́зь и да обиделсе	1	0,2%
		632	100%

Таким образом, слоговой объем отрезка до первого реализованного ударения в схеме колеблется в пределах преимущественно **1–3 слогов**.

В данном случае мы не используем термин «анакруза», поскольку, как уже заметили, не определяем метр маленьких фрагментов. По имеющимся у нас отрывкам невозможно определить, к какой системе стихосложения относится текст: силлабо-тонической или тонической. Например, строка «Как честна́ вдова́ Омельфа Тимофйёвна» обладала бы нулевой анакрузой в силлаботонике (поскольку совпадает с метрической схемой хорей) и двусложной анакрузой в тонике (например, в том же тактовике).

Слоговой объем клаузулы см. в табл. 3.

Таблица 3

Клаузула по данным аудиозаписей

	Пример	Всего	%
Дакт.	А говори́ла-то да ро́дна ма́тушка	474	75%
Муж.	А здра́вствуй-ко, да мо́й крёсто́вой бра́т	145	22,9%
Гип.	Как услы́хали в чи́стом по́ле покрй́кивает	13	2,1%
		632	100%

Общеизвестная тенденция былинного стиха к **дактилической** клаузуле хорошо прослеживается и по исполнению Ф. А. Конашкова. Однако в нашей интерпретации

существенно и количество мужских клаузул: это связано с особенностями методики постановки ударений: без атонирования второго компонента словосочетания типа *чистó полé*. Именно так поет Конашков. Думается, А. Х. Востоков, М. П. Штокмар, М. Л. Гаспаров, Дж. Бейли и др. разметили бы словосочетание *крёстовой брат*, приведенное в таблице, иначе, чем мы, получив в совокупности практически 100 % дактилических окончаний. Считать ли такую клаузулу полноценной мужской или трактовать ее как дактилическую со **сверхсхемным** ударением, не вполне ясно. Мы склоняемся к первому варианту, но, думается, здесь можно встретить и обоснованное возражение. Например, М. Л. Гаспаров [1997: 99] предлагал проверять подобные случаи статистически: при явном преобладании чистых дактилических окончаний разумнее отнести ударения на последнем слоге строки к сверхсхемным.

Данные по **тонической урегулированности** строк приведены в табл. 4.

Таблица 4

Тоническая урегулированность строк по данным аудиозаписей

	Пример	Всего	%
2-ударные	А обтёрáлся-то да посухёшешенько	72	11,4 %
3-ударные	Оседлáл ён Бúрушка космáтого	227	35,9 %
4-ударные	А приглашáл заёзжих дóбрых мóлодцов	228	36,1 %
5-ударные	Да сидéл со своéй жёно́й царйцёй со турéцкою	87	13,8 %
6-ударные	А собрáл Ольгá дружинушку себе да ён хорóбрую	14	2,2 %
7-ударные	Ктó из вас мóже выпить эту чáру зеленá винá	3	0,5 %
8-ударные	А привезй-ко для пёру ⁷ мнé гусей-лебедей, сёрых мáлых úтушек	1	0,2 %
		632	100 %

Как хорошо видно из таблицы, для былин (по крайней мере в исполнении Ф. А. Конашкова) нехарактерна строгая трехударность, о которой обычно пишут исследователи. Более того, четырехударные строки даже преобладают, пусть и незначительно. **Альтернатива трех- и четырехударных** строк заметна уже и на этом материале. Как правило, «лишние» ударения называют сверхсхемными. Но в этом случае мы должны признать, что в былинах Конашкова всего 35,9 % строк укладываются в «основную» схему, а массив 4-, 5- и 6-ударных строк (52,1 %) содержит сверхсхемные ударения, что нехарактерно для стиха: более регулярное явление — пропуск ударения на икте. 7- и 8-ударные строки, очевидно, демонстрируют отклонения от средней нормы. 2-ударные строки требуют отдельного изучения: можно предположить, что некоторая их часть — это дериваты от равносложного цезурированного размера 5+5 («кольцовского пятисложника»), см. о нем [Беззубов 1978; Бейли 2010: 219–268]. Он типичен для лирической песни, а не для былины. Ср.: «А колóтитце / да давáйтце» (чистый размер 5+5, совпадающий по метрической структуре либо с акцентным стихом, либо с дольником с пропуском ударения) (ФА, 1/24), «Как у князя-то да у Владáмира» (ФА, 1/12) и т. д. В последнем примере слогаакцентная структура укладывается в схему пятистопного хорей: вероятно, варьирование слоговых интервалов позволяло уходить от излишней монотонности звучания, избегать «лирических» ассоциаций. См. подборку интересных примеров в [Бейли 2009: 25].

Для того чтобы выявить какую-либо «основную» схему, необходимо рассмотреть все метрические типы и ритмические формы былин. Во избежание чрезмерной громоздкости

⁷ Пер=пир.

описания мы приводим данные только по 3- и 4-ударным строкам. Для всей совокупности строк были составлены интервальные схемы, которые дают представление о метроритмической структуре стиха. Заметим, что схема каждой строки соответствует тому или иному метру **условно**. Вне контекста и вне целого произведения мы говорим лишь о **совпадении** с интервалом, характерным для хоря, ямба, дольника и т. д. [Скулачева 2012: 48].

Приведем данные по условным метрическим типам для **3-ударных** строк (табл. 5, в рубрику «Проч.» мы отнесли схемы, выбивающиеся из метрики былинного тактовика; это строки с интервалами, характерными для распатанного акцентного стиха, с непредсказуемыми, случайными и единичными ритмическими вариациями).

Таблица 5

**Условные метрические типы 3-ударных строк
по данным аудиозаписей**

	Пример	Всего	%
X4	А бо́йрин Дю́к Стёпа́нович	2	0,9%
X5	А вставáл-то Дю́к-ы да ранёшенько	19	8,4%
X6	А ведь то́т же Святосла́в и да престáвилсе	28	12,3 %
X7	Как сходíte-ко Илью́шеньку уговорíte-ко	4	1,8%
Я4	А хлéба-со́ли-то поку́шати	6	2,6%
Я5	А как остáлосе да ча́до милоё	39	17,2 %
Я6	Как у ё́го ли терёмо́в да златове́рхиих	26	11,5 %
Я7	А животи́шкамы вдови́ныма и да сирóтскыма	2	0,9%
Д4	А говори́ла ца́рица ту́ре́цкая	6	2,6%
Д5	А окуна́лсе Добры́нюшка да со голо́вушкой	3	1,3%
Амф4	А э́хал Васи́льюшко да на озё́рышко	1	0,4%
Ан3	Отворя́ла воро́тца роска́тистыи	10	4,4%
Ан4	Одея́лышко да из чисты́х-ы шелко́в	1	0,4%
Дк	А в пере́улочки т́и Мáрьински	6	2,6%
Тк	А на кора́блике ма́чты золоче́ньи	45	19,8 %
Проч.	А с при́былью това́ры да продава́ите	29	12,8 %
		227	100 %

Таким образом, метрический рисунок 3-ударных строк в былинах Ф. А. Конашкова создается в основном интервальными схемами, характерными для **двусложных** метров, **тактовика** и **свободного стиха**.

Приступим к рассмотрению ритмических форм указанных метрических моделей (кроме «прочих»). Вот как распределены ритмические вариации⁸ (табл. 6).

⁸ Здесь и далее мы приводим не все теоретически возможные комбинации слоговых интервалов, а только те, которые встретились в текстах. Ритмические формы приводятся без учета анакрузы и клаузулы по схеме Дж. Бейли [Бейли 2001в: 285].

Таблица 6

**Распределение ритмических вариаций в 3-ударных строках
по данным аудиозаписей**

Вариация	Пример	Всего	%
–1–1–	Аи же Сухма́н и тЫ́ Рехма́нтъевич	8	4 %
–1–2–	А на друго́м боку́ нарисова́но	3	1,5 %
–1–3–	А го́ли, го́ли да каба́цкии	32	16,2 %
–1–5–	Да купцы́-то лю́душки да ве́дь бога́тыи	9	4,5 %
–2–1–	А да не се́рой да ма́лой у́тушки	3	1,5 %
–2–2–	А ве́дь Добры́нюшка мы́лся белёшенко	16	8,1 %
–2–3–	Оде́валсе бо́ярин почи́тешенько	40	20,2 %
–2–5–	Как избра́л он местё́чко-то да всё не лу́чшоё	4	2 %
–3–1–	А пойдú я во Божью́ церквú	14	7,1 %
–3–2–	А проси́ла-то свои́х она ро́дных	5	2,5 %
–3–3–	Как Илью́шенки на пе́р-то да не по́звали	47	23,7 %
–3–5–	Как ве́дь си́льнии-могу́чии да ве́дь бога́тыри	8	4 %
–5–1–	А на тако́й-то ве́дь на княже́цкий пе́р	8	4 %
–5–2–	Оде́ялышко да из чисты́х-ы шелко́в	1	0,5 %
		198	100 %

Следовательно, все метроритмическое разнообразие 3-ударного стиха былин Ф. А. Кошаркова сводится к 14 ритмическим формам, из которых три являются преобладающими: 3 (1–3 «А го́ли, го́ли да каба́цкии»), 7 (2–3 «Оде́валсе бо́ярин почи́тешенько») и 11 (3–3 «Как Илью́шенки на пе́р-то да не по́звали»)⁹. Интервал колеблется преимущественно в диапазоне 1–3 слога. В совокупности они составляют чуть более половины (52,4 %) всех 3-ударных строк (с учетом «прочих») и лишь 26 % от общего количества 3- и 4-ударных строк, около 19 % от всего объема имеющихся строк. Именно эти схемы, согласно Н. С. Трубецкому, и являются основными ритмическими формами русского былинного стиха (из них форма –2–3– наиболее частотна) [Бейли 2001б: 338; Гаспаров 1997: 60–61]. Однако, как отметил М. Л. Гаспаров [1997: 61], указанные три типа не дают «исчерпывающей картины состава народного стиха», необходима дальнейшая статистическая проверка [Там же]. Мы бы назвали эти ритмические формы **опорой** для ритмики **3-ударных строк** былинного стиха. Вероятно, их действительно можно назвать «основными» схемами, но все же они не дотягивают до пороговой отметки в 75 % (даже взятые вместе) и, что не менее важно, **на слух** без специальных подсчетов не улавливаются, растворяясь во множестве прочих разнообразных ритмических форм. Нет ни одного примера следования какой-либо однородной ритмической вариации на протяжении длительного отрезка былины, что помогло бы задать определенную ритмическую инерцию, ритмическое ожидание.

Теперь рассмотрим **4-ударные** строки. Данные по метрическим типам см. в табл. 7.

⁹ Понятие «номер ритмической формы» в данном случае имеет не терминологическое значение, а указывает на порядок расположения форм в пределах таблицы 6.

Таблица 7

Условные метрические типы 4-ударных строк по данным аудиозаписей

	Пример	Всего	%
X5	Как поеду́ я да родна́ ма́тушка	6	2,6 %
X6	Как собра́л Ольга́ дру́жинушку́ хорóбрую	15	6,6 %
X7	Как бога́тыри́ впе́ред от кня́зя отка́залисе	7	3,1 %
X8	А ты съэ́зди-ко ко ма́тушке да ко Непры́-реки́	2	0,9 %
Я4	А стру́йку ны́рнул, дру́гу вы́ырнул	1	0,4 %
Я5	А во лесу́-то бе́гать во́лком се́рым	23	10,1 %
Я6	А сволно́валсе Ка́лин-ца́рь да со тотáрамы	53	23,2 %
Я7	Ай жи́л-то ве́дь и Святосла́в да девяно́сто ле́т	12	5,3 %
Я8	А попада́ет на дорóжке старичо́к да старомáтёрой	1	0,4 %
Амф4	А та́к говорíла ца́рица ту́рецкая	1	0,4 %
Амф5	А вы́щиплет всё́ у мя́ ма́ковки да ве́дь шелко́выи	1	0,4 %
Дк	А ве́дь и ро́с Ольга́ да полне́л Ольга́	33	14,5 %
Тк	А побóльше сла́ва на кня́зя на Влади́мера	48	21,1 %
Проч.	А за́гря́з Илю́шенька до грудéй в землю́	25	11 %
		228	100 %

Метрический рисунок 4-ударных строк отличается от метрического рисунка 3-ударных: падает количество строк, построенных по чистым силлабо-тоническим паттернам, возрастает число «долниковых» вариаций.

В целом 4-ударные строки имеют более расшатанный характер; менее регулярны и более разнообразны ритмические формы. Данные представлены в табл. 8 (кроме «прочих»).

Все 4-ударные строки укладываются в 30 ритмических форм, из которых более распространены 1, 3, 8, 12, 19, 21, 26. Обычный интервал — от 1 до 3 слогов. Мы не нашли оснований рассматривать их как производные от 3-ударных схем, они обладают автономной структурой и больше тяготеют к цезурированным размерам 2+2, на что ранее указал М. Л. Гаспаров [1997: 96].

Перейдем к рассмотрению текстов, опубликованных в печатных сборниках.

Таблица 8

Распределение ритмических вариаций в 4-ударных строках по данным аудиозаписей

Вариация	Пример	Всего	%
–1–1–1–	А молодóй бо́ярин Дю́к Сте́панович	14	6,9 %
–1–1–2–	А слúги дúши крáсные дéвушки	3	1,5 %
–1–1–3–	Как у дверéй сто́ял Вольга́ да Светосла́влевич	30	14,8 %
–1–1–5–	А паруса́ все шíты-бра́нны да полотня́ныи	2	1 %
–1–2–1–	А говорíл-то са́м и да Ка́лин-ца́рь	6	3 %
–1–2–2–	А ве́рсту́ е́дут — всё́ не́т никогó	1	0,5 %
–1–2–3–	А хоте́л Илю́шенька но́жкой позакрúю́чити	8	3,9 %

Вариация	Пример	Всего	%
-1-3-1-	Во чисто полѣ-то да на шесть годов	17	8,4 %
-1-3-3-	А начал по струечкам Добрынюшка поныркивать	4	2 %
-1-3-5-	А в тонких шелковых чулочках и без чоботов ¹⁰	2	1 %
-1-5-1-	А за мной за матушкой да за Непрой-рекой	8	3,9 %
-2-1-1-	А не столько читала, больше плакала	15	7,4 %
-2-1-2-	У Чурилы с-под шапки глаз не видать	5	2,5 %
-2-1-3-	Мы не смеем идти Добрыни уговаривать	7	3,4 %
-2-2-1-	Ай знал же ты брат ведь откуда зайти	3	1,5 %
-2-2-2-	А так говорила царица турецкая	1	0,5 %
-2-2-3-	А стал-то Добрыня Ильюшу уговаривать	5	2,5 %
-2-2-5-	А выщиплет все у меня маковки да ведь шелковыи	1	0,5 %
-2-3-1-	А говорил-то Добрынюшка да родной матушке	16	7,9 %
-2-3-3-	А захватила змеища-то Добрынюшку трехглавая	1	0,5 %
-3-1-1-	Говорила-то Добрыне родна матушка	11	5,4 %
-3-1-2-	А ведь кто-то во Пучай-реки да купается	1	0,5 %
-3-1-3-	А сидите вы на пиру у родного у дядюшки	9	4,4 %
-3-2-1-	А отправим-ко мы силы да сорок тысячей	5	2,5 %
-3-2-2-	А выходило, выбегало четыре тура	2	1 %
-3-3-1-	Велсе-продолжалсе княженецкий пер	15	7,4 %
-3-3-2-	А садился-то Данила на коня да на белого	3	1,5 %
-3-3-3-	А стали-я буду-то на Ильюшу наговаривать	3	1,5 %
-3-5-1-	А был-то ведь Добрыня та да сильнейе всех	4	2 %
-5-3-1-	Ай жил-то ведь и Святослав да девяносто лет	1	0,5 %
		203	100 %

4.2. Печатные сборники

Для ритмического анализа мы выбрали былины, стих которых представляет собой тактовик (см. табл. 1), всего 9384 строки. Далее текстовые иллюстрации будут приводиться только для тех явлений, для которых не было примеров в аудиозаписях.

Данные по слоговому объему анакрузы представлены в табл. 9. Слоговой объем клаузулы см. в табл. 10.

¹⁰ Ф. А. Конашков ставит ударение именно на последнем слоге.

Таблица 9

Анакруза по данным печатных сборников

	КД	Гильфердинг	Рыбников	Всего	%
0	1149	315	792	2256	24 %
1	1701	43	995	2739	29,2 %
2	2284	443	1312	4039	43 %
3	179	11	136	326	3,5 %
4	15	1	7	23	0,2 %
5	—	—	1	1	0,01 %
	5328	813	3243	9384	100 %

Таблица 10

Клаузула по данным печатных сборников

	КД	Гильфердинг	Рыбников	Всего	%
Дакт.	3085	472	2353	5910	63 %
Муж.	1837	256	807	2900	31 %
Гип.	284	85	75	444	4,7 %
Жен.	115	—	8	123	1,3 %
4-сл.	7	—	—	7	0,1 %
	5328	813	3243	9384	100 %

Примеры женской и 4-сложной клаузулы: «Во Ердане-реке крестился» [КД 1977: 96], «И Владимир-князь посылал посла немилостивова» [Там же: 72].

Данные по **тонической урегулированности** (табл. 11¹¹).

Таблица 11

Тоническая урегулированность строк по данным печатных сборников

	КД	Гильфердинг	Рыбников	Всего	%
1-уд.	1	—	—	1	0,01 %
2-уд.	282	2	48	332	3,5 %
3-уд.	2335	340	1271	3946	42,1 %
4-уд.	2063	367	1342	3772	40,2 %
5-уд.	518	91	485	1094	11,7 %
6-уд.	106	13	89	208	2,2 %
7-уд.	23	—	8	31	0,3 %
	5328	813	3243	9384	100 %

Данные по условным метрическим типам для **3-ударных** строк (табл. 12; подчеркнем, что все конкретные метрические типы («хореи», «ямбы» и т. д.) — это разные облики **тактовика**, кроме «прочих», которые в схему тактовика не укладываются).

¹¹ Мы не приводим пример одноударной (однословной) строки, встретившейся в сборнике Кирши Данилова.

Таблица 12

Условные метрические типы 3-ударных строк по данным печатных сборников

	КД	Гильфердинг	Рыбников	Всего	%
Х3	14	1	4	19	0,5%
Х4	132	6	46	184	4,7%
Х5	221	72	234	527	13,4%
Х6	53	45	141	239	6,1%
Х7	—	—	1	1	0,02%
Я3	49	—	6	55	1,4%
Я4	125	1	49	175	4,4%
Я5	33	4	121	158	4%
Я6	4	—	12	16	0,4%
Д3	91	29	35	155	3,9%
Д4	11	1	7	19	0,5%
Амф3	152	1	41	194	4,9%
Амф4	1	—	2	3	0,07%
Ан3	168	32	45	245	6,2%
Дк	604	40	150	794	20,1%
Тк	436	100	278	814	20,6%
Проч.	241	8	99	348	8,8%
	2335	340	1271	3946	100%

Примеры: Х3: «Вдоль скокать по каменю» [КД 1977: 94]; Я3: «Цена лежит три тысячи» [Там же: 20]; Д3: «Славнова гостя богатова» [Там же: 9]; Амф3: «От славного города Леденца» [Там же: 9].

Ритмические формы 3-ударных строк (кроме «прочих») представлены в табл. 13.

Таблица 13

Распределение ритмических вариаций в 3-ударных строках по данным печатных сборников

Вариация	КД	Гильфердинг	Рыбников	Всего	%
-1-1-	144	1	31	176	4,9%
-1-2-	388	40	121	549	15,3%
-1-3-	217	52	232	501	13,9%
-1-5-	1	—	7	8	0,2%
-2-1-	216	—	29	245	6,8%
-2-2-	423	62	128	613	17%
-2-3-	266	67	202	535	14,9%
-2-5-	—	1	—	1	0,02%
-3-1-	148	3	48	199	5,5%
-3-2-	170	33	76	279	7,8%
-3-3-	116	71	291	478	13,3%

Вариация	КД	Гильфердинг	Рыбников	Всего	%
–3–5–	1	—	1	2	0,05 %
–5–1–	4	2	3	9	0,3 %
–5–2–	—	—	2	2	0,05 %
–5–3–	—	—	1	1	0,02 %
	2094	332	1172	3598	100 %

Примеры: –5–3–: «И на́сланы-то у ней с́кна карму́зінные» [Рыбников 1989: 160].
Данные по условным метрическим типам для **4-ударных** строк (табл. 14).

Таблица 14

Условные метрические типы 4-ударных строк по данным печатных сборников

	КД	Гильфердинг	Рыбников	Всего	%
X4	22	1	14	37	1 %
X5	115	35	112	262	6,9 %
X6	126	87	211	424	11,2 %
X7	20	21	61	102	2,7 %
X8	—	3	5	8	0,2 %
X9	1	—	1	2	0,05 %
Я4	43	—	28	71	1,9 %
Я5	74	5	83	162	4,3 %
Я6	29	7	79	115	3 %
Я7	3	1	8	12	0,3 %
Я10	1	—	—	1	0,02 %
Д4	16	4	8	28	0,7 %
Д5	5	—	—	5	0,1 %
Амф4	21	1	5	27	0,7 %
Ан4	33	9	4	46	1,2 %
Дк	731	63	259	1053	27,9 %
Тк	405	96	247	748	19,8 %
Проч.	418	34	217	669	17,7 %
	2063	367	1342	3772	100 %

Примеры: X4: «Дѣнь с утра́ ехал¹² до вѣчера» [Гильфердинг 1873: 436]; X9: «Излучили́ бы лебѣдушку не ранѣну и не кровавлену» [Рыбников 1989: 148]; Я10: «А и ты сѹженое пере-сѹжаваешь, ряженое переряживаешь» [КД 1977: 81]; Д4: «Волком и рыска́ть во чистых¹³ полях» [Гильфердинг 1873: 435]; Д5: «И расплати́лся Васи́лей с по́пами и с дья́ко-нами» [КД 1977: 96]; Ан4: «Убегали́ вси зве́ри за те́мны¹⁴ леса́» [Гильфердинг 1873: 435].

Ритмические формы **4-ударных** строк (кроме «прочих») представлены в табл. 15.

¹² Так в публикации Гильфердинга.

¹³ Так в публикации Гильфердинга.

¹⁴ Так в публикации Гильфердинга.

Распределение ритмических вариаций в 4-ударных строках
по данным печатных сборников

Таблица 15

Вариация	КД	Гильфердинг	Рыбников	Всего	%
-1-1-1-	141	6	84	231	7,4 %
-1-1-2-	77	20	60	157	5,1 %
-1-1-3-	58	48	182	288	9,3 %
-1-1-5-	1	—	5	6	0,2 %
-1-2-1-	174	7	63	244	7,9 %
-1-2-2-	69	4	29	102	3,3 %
-1-2-3-	16	5	26	47	1,5 %
-1-3-1-	105	16	87	208	6,7 %
-1-3-2-	17	6	15	38	1,2 %
-1-3-3-	6	17	32	55	1,8 %
-1-3-5-	—	—	—	—	—
-1-5-1-	—	—	2	2	0,06 %
-2-1-1-	127	5	27	159	5,1 %
-2-1-2-	63	2	23	88	2,8 %
-2-1-3-	49	3	31	83	2,7 %
-2-2-1-	221	25	58	304	9,8 %
-2-2-2-	74	14	17	105	3,4 %
-2-2-3-	24	3	20	47	1,5 %
-2-2-5-	1	—	—	1	0,03 %
-2-3-1-	89	29	66	184	5,9 %
-2-3-2-	40	1	2	43	1,4 %
-2-3-3-	10	1	10	21	0,7 %
-3-1-1-	55	25	64	144	4,6 %
-3-1-2-	25	1	14	40	1,3 %
-3-1-3-	14	—	14	28	0,9 %
-3-2-1-	75	35	41	151	4,9 %
-3-2-2-	34	8	6	48	1,5 %
-3-2-3-	15	—	9	24	0,8 %
-3-3-1-	49	44	116	209	6,7 %
-3-3-2-	11	4	7	22	0,7 %
-3-3-3-	1	3	14	18	0,6 %
-3-3-5-	—	—	1	1	0,03 %
-3-5-1-	—	1	—	1	0,03 %
-5-1-1-	2	—	—	2	0,06 %
-5-3-1-	—	—	—	—	—
-5-3-5-	2	—	—	2	0,06 %
	1645	333	1125	3103	100 %

Примеры: $-1-3-2-$: «Он сади́лся на кобы́лку соло́веньку» [Гильфердинг 1873: 437]; $-2-3-2-$: «Сам я боёц и удалой молодёц» [Там же: 509]; $-3-2-3-$: «Дра́ни надеру́ да и пи́ва наварю́» [Рыбников 1989: 95]; $-3-3-5-$: «Излучи́ли бы лебе́душку не ра́нену и не крова́влену» [Там же: 148]; $-5-1-1-$: «И сказа́ывают, каковы́ коня́ приме́ты» [КД 1977: 139]; $-5-3-5-$: «Сужаное пересужавашь, ряженое переряжевашь» [Там же: 80].

Кратко прокомментируем содержание таблиц.

Безусловные лидерские позиции занимает **2-сложная анакруза**, однако только ею типология анакрузы не ограничена. Более половины всех строк приходится на совокупность **1-сложной и нулевой** анакрузы.

Преобладает **дактилическая клаузула**, но и в этом отношении былинный стих разнообразнее, чем принято считать. Около трети от всего количества строк приходится на клаузулу **мужскую**; существенно реже встречается клаузула **гипердактилическая**. Прочие типы единичны.

Подсчеты по признаку тонической урегулированности обнаружили, что в былинном стихе примерно на равных конкурируют **3- и 4-ударные** строки тактовика. В сумме они составляют **более 80 %** от общего количества строк. Остальное приходится в основном на **2- и 5-ударные** строки. Более длинная строка уже нехарактерна для стиха былинны, но и она встречается.

Метрический рисунок 4-ударных строк отличается **большой расшатанностью**, чем метрический рисунок 3-ударных. В частности, с 8,8 % до 17,7 % возрастает количество **внесхемных** строк (мы их отметили как «прочие»); это строки, совпадающие по междударным интервалам с акцентным стихом). Возрастает и общее количество «дольниковых» и «тактовиковых» метрических типов. 4-ударные строки требуют углубленного ритмического анализа, поскольку значительная их часть должна рассматриваться как объединение $2+2$, с цезурированной структурой, с классификацией по полустушиям. Для наших целей этого делать не требовалось, но такое исследование обязательно должно быть проведено.

Среди тактовиковых строк, совпадающих по интервалу с силлабо-тоническими метрами, отчетливо заметна **двусложная хорейческая основа**, хорейческий ритмический импульс. Для сравнения: у Ф. А. Конашкова заметно преобладают строки, совпадающие с ямбом, но это может объясняться его пристрастием к анафорической частице «а».

Большое разнообразие обнаружилось и в ритмике. Среди 3-ударных строк, помимо «классических», по Н. С. Трубецкому, вариаций $1-3$, $2-3$, $3-3$, присутствуют вариации $1-2$ и $2-2$. Имеются и другие, но они более редки (всего форм — порядка 15). На этом материале подтверждается наблюдение М. Л. Гаспарова о том, что в народном стихе для дольниковых и чисто-тактовиковых вариаций характерна следующая ритмическая особенность: «...второй междударный интервал в них стремится быть не короче, а длиннее первого» [Гаспаров 1997: 130]. Это значит, что мы с большей вероятностью встретим строку типа «На друго́ва бра́тца назва́нова» [КД 1977: 116] (2.12.2) или «Кра́сное со́(л)нцо заката́ется» [Там же: 119] (0.23.2), чем «Из плеча́ тому́ ру́ку вы́дернет» [Там же: 48] (2.21.2) или «Из то́го было́ столá княже́нцкова» [Там же: 55] (2.32.2).

Ритмическая вариация $2-3$, которую Н. С. Трубецкой считал наиболее употребительной [Гаспаров 1997: 61], в действительности занимает **14,9 %** среди 3-ударных строк (исключая «прочие»); **13,6 %** среди всех 3-ударных строк; **6,9 %** от совокупности 3- и 4-ударных строк; **5,7 %** от общего числа строк. Справедливости ради отметим, что на прочие формы (кроме $1-2$ и $2-2$) приходится еще меньше места.

Ритмика 4-ударных строк предсказуемо более разнообразна. Обычно можно выделить порядка 35 ритмических форм, среди которых нет явных «лидеров», но относительное преимущество (по всей совокупности) имеют формы, характерные для силлабо-тонических метров ($1-1-1$, $1-1-3$, $1-3-1$, $3-3-1$ и др.). Существенно и число дольниковых вариаций.

Третий междударный интервал в дольниковых и тактовиковых вариациях стремится быть короче второго. Это значит, что мы с большей вероятностью встретим строку типа «Го́ворил Соловёй тако́во сло́во» [КД 1977: 10] (2.221.0) или «Что не до́рога ка́мочка — узо́р

хитёр» [Там же: 10] (2.231.0), чем «На небе солнце — в тереме солнце» [Там же: 12] (1.112.1) или «Гут в терему потихоньку говорят» [Там же: 12] (0.223.0).

Таково в целом устройство былинного стиха, каким мы его знаем по некоторым источникам, опубликованным в XIX в. Огромное разнообразие текстов, кажущееся необозримым, в реальности складывается лишь из нескольких десятков ритмических форм в разных комбинациях и пропорциях. И все же для стиха былины нехарактерна монолитность метрики и ритмики. Тем более затруднительно вести речь о какой-либо схеме (или ритмической форме), которую можно было бы назвать основной. Это можно было бы сделать в том случае, если бы одна ритмическая вариация тактовика была задана с самого начала и воспроизводилась в десятках, сотнях, тысячах строк подряд (например, схема 2.23.2 *Ко великому князю повѣстиа*). В этом случае можно было бы действительно обнаружить метрически сильные позиции и сверхсхемные ударения (*Еще с Дюком немного животá пошлó* — со сверхсхемным ударением на последнем слоге строки). Однако такой утрированный логаздический ритм уместен в основном в разного рода стилизациях, подражаниях, пародиях и т. п. В народном стихе такого постоянства нет. При этом сказители не растворяют стих в бесформенном акцентном стихе: безошибочное природное чувство метра и ритма позволяет им выдерживать метроритмический баланс в пределах тактовика.

Наконец, теперь мы готовы ответить и на вопрос о том, насколько пригоден сборник Рыбникова для ритмического анализа. Судя по данным, приведенным в соответствующих таблицах, важнейшие черты былинного стиха переданы в «Песнях, собранных П. Н. Рыбниковым» **верно**. Ни по одному из параметров (анакуруза, клаузула, тоническая урегулированность, метрика, ритмика) тексты из этого сборника не обнаруживают структурных аномалий. Это значит, что если бы мы не имели всего массива былинных текстов, известных к настоящему времени, а располагали только сборником Рыбникова, то мы бы получили о былинном стихе достаточно полное представление (конечно, кроме напевов).

5. Выводы и перспективы

В статье был предложен новый взгляд на метрику и ритмику былинного стиха в рамках тонической теории народного стихосложения. Опорой для анализа стали аудиозаписи былин, сделанные от носителя фольклорной традиции Ф. А. Конашкова в 1940 г. Тщательное прослушивание записей позволило вскрыть важные особенности былинной акцентуации — прежде всего отсутствие необходимости в атонировании знаменательных частей речи в любой позиции стихотворной строки. Мы предприняли попытку (возможно, рискованную) экстраполировать эти данные на печатные тексты былин и получили следующие результаты.

Основным былинным тоническим метром действительно является **тактовик**, но его размер и ритмика существенно разнообразнее, чем принято считать. Возвращаясь к гипотезе, сформулированной в начале статьи, мы предлагаем уточненное определение **тонического** былинного стиха: это **тактовик с альтернативой 3- и 4-ударных строк, со слоговыми интервалами в 1–3 слога, с переменной анакурузой (диапазон варьирования в норме 0–2 слога) и дактилическим или мужским (реже — гипердактилическим) окончанием, без рифм**. Женские окончания нехарактерны для стиха былины и обычно говорят или о неверной записи, или о неверной разметке, или о случайном ритмическом сбое, допущенном исполнителем. 2-, 5- и 6-ударные строки дают возможность сказителю избежать излишней монотонности звучания былины.

Единственной ударной константой былинного стиха является позиция 3 слога от конца строки, маркирующая дактилическую клаузулу. Разнообразие и множество ритмических вариаций не позволяют выделить основную схему; в лучшем случае стих былины конструируется из нескольких конкурирующих схем. Едва ли имеет смысл говорить

о сверхсхемных ударениях (в том числе на последнем слоге строки), поскольку мы не обнаружили устойчивой модели, **сверх** которой эти ударения бы появлялись.

Мы привыкли считать, что стих былины — это что-то вроде «Поклон ведет по-ученому», «Говорил Добрыня таковы слова» или «Ухватил он камень до колен своих» и т. п. Но даже внимательное чтение одних только печатных публикаций былин, без привлечения аудиозаписей, обнаруживает, что имеется значительная масса строк, которые не могут быть отнесены к трехиктному размеру: *Шукой-рыбою ходить ему в глубоких морях; Увез я оттоль соли столько два меха; Полно спущать-сиротать малых детушек; А другую частичку рубил он на мелки куски; Ай как котора стена высотой-то была двенадцать сажений печатных* и т. д. Все это — образцы подлинного, классического стиха былины. Можно ли отнести эти строки к трехиктным? Можно. Но при одном условии: необходимо атонировать не только последние слоги строк с получением дактилических окончаний, но и все знаменательные части речи в ядре строки. Причем сделать это необходимо не случайным образом, а прицельно и выборочно, чтобы уложить строку в «нужный» размер, соблюсти «нужные» интервалы, что, на наш взгляд, не вполне корректно в отношении былинного текста, правил стиховедческой разметки и здравого смысла.

Однако и стереотип о 3-иктном тактовике сложился в научной традиции не без оснований. Мы вплотную подошли к ответу на основной вопрос: **существует ли трехиктный былинный тактовик?** Ответ: существует. Но очень важно определить его точное место в пространстве былинного стиха. Былина исполняется медленно, плавно, мерно; сказитель четко артикулирует все словоформы, без ускорений и редукиций, тщательно скандируя ритм. Вероятно, все меняется, когда вместо пения осуществляется говорной пересказ былины, более напоминающий чтение ритмизованной прозы. С потерей напева немедленно разрушается оригинальная акцентная структура стиха, на передний план выдвигается сильное ударение (иногда его называют **фразовым**), прочие же ударения (**словесные**) действительно могут интуитивно восприниматься как сверхсхемные. Однако в этом случае правильнее, на наш взгляд, говорить о **декламационной манере**, но не о **структуре**. По-видимому, **трехиктный (трехударный) былинный тактовик** — это традиционная, искусственная **книжная** декламация, стих говорного пересказа былины, стих литературных стилизаций. Укреплению стереотипа о трехиктном тактовике немало поспособствовала и привычка так или иначе «подверстывать» любые былинные строки под ритмическую вариацию Н. С. Трубецкого 2–3. Но эта вариация — лишь частный случай всего многообразия тонического былинного стиха¹⁵. Для ее «канонизации» нет достаточных оснований. Она действительно звучит «по-былинному», ее своеобразную, мелодичную ритмику нельзя не заметить (особенно в соединении с дактилической клаузулой), но ее широкая распространенность в структуре былинного стиха вызывает серьезные сомнения. **Тактовик с альтернативой 3- и 4-ударных строк** — это стиховая структура былины **в единстве ее текста и напева**, в подлинном фольклорном бытовании. Это же касается и «двухиктных» строк типа «Говорил тут Дунай таково слово». При книжной декламации этот стих произносится как «Говорил тут Дунай / таково слово». Мы предполагаем, что при пении этот же стих будет звучать следующим образом: «Говорил / тут Дунай / таково / слово».

Правильно ли наше предположение, зависит от многих факторов. Чрезвычайно важно использовать аудиозаписи, сделанные и от других сказителей (лучше всего — совместно с фонетистами и музыковедами: напомним, что в наши рассуждения мы заложили вероятность неверного восприятия ударности гласных в распеом стихе). Это позволит гладить возможные флуктуации, если они привнесены индивидуальными особенностями исполнения Ф. А. Конашкова. Особенное внимание необходимо уделить фольклорным формулам типа *чисто полé* — в инициальной, медиальной и финальной позиции строки.

¹⁵ Мы сейчас не касаемся вопроса о вариациях 1–3 и 3–3, поскольку они могут входить в контекст силлабо-тонического былинного стиха (вольные хорен), который мы в настоящей статье не рассматривали.

Приведем искусственно сконструированные примеры: «*Во *чистó полé* Добрыня снаряжается», «*Как Добрыня во *чистó полé* да снаряжается», «*Снаряжается Добрыня во *чистó полé*». Как хорошо видно, гипотетический размер строк может варьироваться в зависимости от того, как расставить ударения: *чистó полé* или *чистó полé* (во втором случае — с ослабленным ударением на последнем слоге и с сильным ударением на прилагательном «чистó»: обычно это сильное ударение и отождествляется с **иктом** стиховой схемы). Судить об этом только по печатным изданиям затруднительно, но допустимо с некоторыми оговорками. В какой-то мере прояснить этот вопрос смогут аудиоматериалы.

Отметим, что старые записи отличаются плохим качеством звучания, это затрудняет и перцептивный, и инструментальный анализ. В связи с этим можно обратить внимание на такой источник изучения былинного стиха, как творчество современных сказителей, которые сами записывают былины в соответствии с современным техническим уровнем. Насколько аутентичным можно назвать их исполнение — вопрос, но обычно они ориентируются на фольклорные подлинники (старые грампластинки и прочие образцы аудиозаписей эпического фольклора), овладевают техникой «сказывания». Их исполнение — не простая имитация, тем более что они по-настоящему «вживаются» в роль (а зачастую и в быт) носителей традиции и сами становятся такими носителями, пусть и вне исторической эпохи, породившей феномен сказительства.

* * *

В заключение подчеркнем, что теория фольклорного стиха нуждается в более активном применении современных лингвистических и математических методов. Обработка текстов вручную, к которой приходится прибегать сейчас, существенно тормозит процедуру анализа статистически значимых объемов стихового материала. Это особенно актуально для таких, например, важнейших источников изучения былинного стиха, как «Свод русского фольклора». Множество интересных фактов, надо полагать, еще не учтены нами в других собраниях былин: в публикациях А. М. Астаховой [1938–1951], А. В. Маркова [1901]; в материалах экспедиций Б. М. и Ю. М. Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга» [Неизданные материалы 2007]; в ряде сборников, подготовленных петрозаводскими фольклористами [Разумова и др. 1971; Черняева 1981; Кузнецова и др. 2018] и др.

Поэтому необходимы, в частности, корпусные технологии — более широкие (наподобие «Национального корпуса русского языка») и более специализированные (наподобие «Корпуса чешского стиха», см. [Plecháč, Kolár 2015]); необходимо их пополнение фольклорными записями.

Также будущее стиховедения не видится без разработки специального программного обеспечения, алгоритмов автоматической обработки текстов и распознавания метров; без включения в стиховедческий инструментарий нейросетей, технологий искусственного интеллекта и т. д. Это очень перспективная область науки о стихе (см., например, [Anshakov 2019; Computational Stylistics 2022]), которая может принести большую пользу и в исследованиях фольклорной версификации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Астахова 1938–1951 — *Былины Севера*. Записи, вступ. ст. и коммент. Астаховой А. М. Т. 1–2. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1951.
- Востоков 1825 — Востоков А. Х. Сербские песни. *Северные цветы на 1825 год*. Новое издание. М.: Университетская типография, 1881, 331–337.

- Гильфердинг 1873 — *Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. С двумя портретами онежских рапсодов и напевами былин*. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1873.
- Даль 1981–1982 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–2. М.: Русский язык, 1981; Т. 3–4. М.: Русский язык, 1982.
- Дюжев 2006 — *Писатели Карелии: Библиографический словарь*. Сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск: Острова, 2006.
- КД 1977 — *Древние российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым*. 2-е доп. изд. Подг. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.: Наука, 1977.
- Кузнецова и др. 2018 — *Былины Заонежья*. Сост. В. П. Кузнецова, А. С. Лызлова, Е. В. Марковская. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2018.
- Марков 1901 — *Беломорские былины, записанные А. Марковым*. М.: А. А. Левенсон, 1901.
- Неизданные материалы 2007 — *Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых: 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга*. В 2 т. Т. 1: *Эпическая поэзия*. Гацак В. М. (отв. ред.). М.: Наука, 2007.
- Разумова и др. 1971 — *Русские народные песни Карельского Поморья*. Сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л.: Наука, 1971.
- Рыбников 1989 — *Песни, собранные П. Н. Рыбниковым*. В 3-х томах. Под ред. Б. Н. Путилова. Т. 1: *Былины*. Петрозаводск: Карелия, 1989.
- Свод 2014 — *Свод русского фольклора. Серия «Былины в 25 томах». Т. 17. Былины Пудогги*. Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.: Наука, М.: Классика, 2014.
- ФА — Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.
- Черняева 1981 — *Русские эпические песни Карелии*. Изд. подг. Н. Г. Черняева. Петрозаводск: Карелия, 1981.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беззубов 1978 — Беззубов А. Н. Пятисложник. *Исследования по теории стиха*. Жирмунский В. М. (отв. ред.). Л.: Наука, 1978, 104–117. [Bezzubov A. N. Pentasyllable. *Issledovaniya po teorii stikha*. Zhirmunskii V. M. (ed.). Leningrad: Nauka, 1978, 104–117.]
- Бейли 2001а — Бейли Дж. Былинные размеры Т. Г. Рябинина в записи А. Ф. Гильфердинга. *Избранные статьи по русскому народному стиху*. Бейли Дж. М.: Языки русской культуры, 2001, 227–271. Пер. с англ. [Bailey J. The epic meters of T. G. Rjabinin as collected by A. F. Gil'ferding. *American contributions to the 7th International Congress of Slavists, Warsaw, August 21–27, 1973*. Vol. 1: *Linguistics and poetics*. Matejka L. (ed.). The Hague: Mouton, 1974, 9–32. Transl. into Russian.]
- Бейли 2001б — Бейли Дж. Исследования Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона и К. Ф. Тарановского о былинном стихе: Пересмотр и продолжение. *Избранные статьи по русскому народному стиху*. Бейли Дж. М.: Языки русской культуры, 2001, 332–358. Пер. с англ. [Bailey J. Study of Russian epic verse by Trubetzkoj, Jakobson, and Taranovsky: Reconsideration and continuation. *Elementa — Journal of Slavic Studies & Comparative Cultural Semiotics*, 1996, 2(3–4): 215–232. Transl. into Russian.]
- Бейли 2001в — Бейли Дж. Метрическая типология русских нарративных народных размеров. *Избранные статьи по русскому народному стиху*. Бейли Дж. М.: Языки русской культуры, 2001, 272–301. Пер. с англ. [Bailey J. The metrical typology of Russian narrative folk meters. *American contributions to the 8th International Congress of Slavists*. Birnbaum H. (ed.). Columbus (OH): Slavica Publ., 1978, 82–103. Transl. into Russian.]
- Бейли 2001г — Бейли Дж. Метрический инвариант. *Избранные статьи по русскому народному стиху*. Бейли Дж. М.: Языки русской культуры, 2001, 27–78. Пер. с англ. [Bailey J. The metrical invariant in a Russian lyric folk song. *Russian verse theory: Proc. of the 1987 conf. at UCLA*. Scherr B. P., Worth D. S. (eds.). Columbus (OH): Slavica Publ., 1989, 23–56. Transl. into Russian.]
- Бейли 2009 — Бейли Дж. Был ли 5-стопный хорей древней формой русского эпического размера? *Славянский стих. VIII: Стих, язык, смысл*. Прохоров А. В., Скулачева Т. В. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2009, 20–30. [Bailey J. Was trochaic pentameter an archaic form of Russian epic meter? *Slavyanskii stikh VIII: Stikh, yazyk, smysl*. Prokhorov A. V., Skulacheva T. V. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009, 20–30.]

- Бейли 2010 — Бейли Дж. *Три русских народных лирических размера*. М.: Языки славянской культуры, 2010. Пер. с англ. [Bailey J. *Three Russian lyric folk song meters*. Columbus (OH): Slavica Publ., 1993. Transl. into Russian.]
- Бейли 2012 — Бейли Дж. Эпический стих четырех поколений сказителей в семье Рябиновых. II. Трехударный акцентный стих в былине. *Славянский стих. IX*. Скулачева Т. В. (ред.). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012, 11–25. [Bailey J. Epic verse of four generations of Ryabinin family. II. Three-stressed accentual verse in bylina “Vilga and Mikula”. *Slavyanskii stikh. IX*. Skulacheva T. V. (ed.). Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi, 2012, 11–25.]
- Богданова, Игнаткина 1995 — Богданова Н. В., Игнаткина Л. В. Опыт фонетического описания звукозаписей печорских былин. *Русский фольклор. Т. XXVIII: Эпические традиции: материалы и исследования*. Новичкова Т. А. (ред.). СПб.: Наука, 1995, 244–257. [Bogdanova N. V., Ignatkina L. V. Phonetical description of audio-recordings of Pechora epic songs. *Russkii fol'klor*. Vol. 28: *Epicheskie traditsii: materialy i issledovaniya*. Novichkova T. A. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1995, 244–257.]
- Васильева 1981 — Васильева Е. Е. Напевы русской эпической традиции Прионежья. *Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора*. Чистов К. В., Бернштам Т. А. (ред.). Л.: Наука, 1981, 172–188. [Vasil'eva E. E. Melodies of Russian epic tradition of Onega lake region. *Russkii Sever: Problemy etnografii i fol'klora*. Chistov K. V., Bernshtam T. A. (eds.). Leningrad: Nauka, 1981, 172–188.]
- Востоков 1812 — Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. *Санкт-Петербургский вестник*, 1812, 6(2): 39–68, 168–206, 271–288. [Vostokov A. Kh. An essay on Russian versification. *Sankt-Peterburgskii vestnik*, 1812, 6(2): 39–68, 168–206, 271–288.]
- Востоков 1817 — Востоков А. Х. *Опыт о русском стихосложении*. СПб.: Морская типография, 1817. [Vostokov A. Kh. *Opyt o russkom stikhoslozhenii* [An essay on Russian versification]. St. Petersburg: Maritime Typography, 1817.]
- Гаспаров 1984 — Гаспаров М. Л. *Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика*. Изд. 1-е. М.: Наука, 1984. [Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika, ritmika, rifma, strofika* [Outline of the history of Russian verse: Metrics, rhythm, rhyme, stanza]. 1st edn. Moscow: Nauka, 1984.]
- Гаспаров 1989 — Гаспаров М. Л. *Очерк истории европейского стиха*. М.: Наука, 1989. [Gasparov M. L. *Ocherk istorii evropeiskogo stikha* [Outline of the history of European verse]. Moscow: Nauka, 1989.]
- Гаспаров 1997 — Гаспаров М. Л. Русский народный стих и его литературные имитации. *Избранные труды*. Т. III: *О стихе*. Гаспаров М. Л. М.: Языки русской культуры, 1997, 54–131. [Gasparov M. L. Russian folk verse and its literary imitations. *Izbrannye trudy*. Vol. 3: *O stikhe*. Gasparov M. L. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1997, 54–131.]
- Гаспаров, Скулачева 2004 — Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. *Статьи о лингвистике стиха*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Gasparov M. L., Skulacheva T. V. *Stat'i o lingvistike stikha* [Articles on verse linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Гильфердинг 1873 — Гильфердинг А. Ф. *Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. С двумя портретами онежских раскодов и напевами былин*. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1873, VII–XLVIII. [Gil'ferding A. F. *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda* [Bylinas of Onega, recorded by Aleksandr Fedorovich Gil'ferding in summer 1871]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press, 1873, VII–XLVIII.]
- Ефименкова 2001 — Ефименкова Б. Б. *Ритм в произведениях русского вокального фольклора*. М.: Композитор, 2001. [Efimenkova B. B. *Ritm v proizvedeniyakh russkogo vokal'nogo fol'klora* [Rhythm in Russian vocal folklore pieces]. Moscow: Kompozitor, 2001.]
- Жирмунский 1975 — Жирмунский В. М. *Теория стиха*. Л.: Советский писатель, 1975. [Zhirmunskii V. M. *Teoriya stikha* [Verse theory]. Leningrad: Sovetskii Pisatel', 1975.]
- Зайцев 1995 — Зайцев А. И. Стих русской былины и праиндоевропейская поэзия. *Русский фольклор. Т. XXVIII: Эпические традиции: материалы и исследования*. Новичкова Т. А. (ред.). СПб.: Наука, 1995, 198–205. [Zaitsev A. I. The verse of Russian bylina epics and Proto-Indo-European poetry. *Russkii fol'klor*. Vol. 28: *Epicheskie traditsii: materialy i issledovaniya*. Novichkova T. A. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1995, 198–205.]
- Казарцев 2017 — Казарцев Е. В. *Сравнительное стиховедение: метрика и ритмика*. СПб.: Издво РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. [Kazartsev E. V. *Sravnitel'noe stikhovedenie: metrika i ritmika* [Comparative verse studies: Meter and rhythm]. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical Univ. Press, 2017.]

- Кастров 1993 — Кастров А. Ю. Вопросы структурной типологии олонетских нарративных напевов. *Русский фольклор*. Т. XXVII: *Межэтнические фольклорные связи*. Азбелев С. Н. (ред.). СПб.: Наука, 1993, 113–135. [Kastrov A. Yu. Issues of structural typology of Olonets narrative melodies. *Russkii fol'klor*. Vol. 27: *Mezhethnicheskie fol'klornye svyazi*. Azbelev S. N. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1993, 113–135.]
- Квятковский 1966 — Квятковский А. П. *Поэтический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1966. [Kvyatkovskii A. P. *Poeticheskii slovar'* [Poetical dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1966.]
- Князев, Пожарицкая 2011 — Князев С. В., Пожарицкая С. К. *Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика и орфография*. Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. [Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K. *Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk. Fonetika, orfoepiya, grafika i orfografiya* [Modern Standard Russian: Phonetics, orthoepics, graphemics, and orthography]. A textbook for students. Moscow: Akademicheskii Proekt; Gaudeamus, 2011.]
- Коргузалов 1966 — Коргузалов В. В. Структуры сказительской речи в русском эпосе. *Русский фольклор*. Т. X: *Специфика фольклорных жанров*. Гусев В. Е. (ред.). М.; Л.: Наука, 1966, 127–148. [Korguzalov V. V. Structures of narrator's speech in Russian epics. *Russkii fol'klor*. Vol. 10: *Spetsifika fol'klornykh zhanrov*. Gusev V. E. (ed.). Moscow; Leningrad: Nauka, 1966, 127–148.]
- Коргузалов 1993 — Коргузалов В. В. Напевы обонежской эпической традиции. *Русский фольклор*. Т. XXVII: *Межэтнические фольклорные связи*. Азбелев С. Н. (ред.). СПб.: Наука, 1993, 92–112. [Korguzalov V. V. Melodies of Onega region epic tradition. *Russkii fol'klor*. Vol. 27: *Mezhethnicheskie fol'klornye svyazi*. Azbelev S. N. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1993, 92–112.]
- Корчагин 2011 — Корчагин К. М. Современные зарубежные исследования метрики. *Вопросы языкознания*, 2011, 4: 90–115. [Korchagin K. M. Contemporary studies in metrics abroad. *Voprosy Jazykoznanija*, 2011, 4: 90–115.]
- Корчагин 2012 — Корчагин К. М. [Рец. на:] Москвин В. П. Теоретические основы стиховедения. М.: Книжный дом «Либроком», 2009, 320 с. [Korchagin K. M. [Review of:] Moskvina V. P. *Teoreticheskie osnovy stikhovedeniya* [Theoretical foundations of verse studies]. Moscow: Librokom, 2009, 320 p.] *Philologica*, 2012, 9(21–23): 448–463.]
- Корш 2012 — Корш Ф. Е. *Введение в науку о славянском стихосложении; О русском народном стихосложении*. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. [Korsh F. E. *Vvedenie v nauku o slavyanskom stikhoslozhenii; O russkom narodnom stikhoslozhenii* [Introduction to the study of Slavic verse; On Russian folk verse]. 2nd edn. Moscow: Librokom, 2012.]
- Линевский 1948 — Линевский А. М. Ф. А. Конашков. *Сказитель Ф. А. Конашков*. Астахова А. М. (ред.). Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948, 13–67. [Linevskii A. M. Fedor Konashkov. *Skazitel' F. A. Konashkov*. Astakhova A. M. (ed.). Petrozavodsk: State Press of the Karelo-Finnish SSR, 1948, 13–67.]
- Лобанов 2007 — Лобанов М. А. *Стих былины. Метрика — Семантика — Генезис*. СПб: РИИИ, 2007. [Lobanov M. A. *Stikh byliny. Metrika — Semantika — Genezis* [Verse of bylina epics: Metrics, semantics, genesis]. St. Petersburg: Russian Institute of History of Arts, 2007.]
- Марковская 2017 — Марковская Е. В. Коллекция «записей на костях» Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН. *Кижский вестник*. Вып. 17. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017, 200–205. [Markovskaya E. V. Collection of “bone records” in the Phonographic Archive of the Institute for Language, Literature, and History in Karelia. *Kizhskii vestnik*. No. 17. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center, 2017, 200–205.]
- Маслов 1911 — Маслов А. Л. Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад. *Труды музыкально-этнографической комиссии, состоящей при этнографическом отделении Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*. Т. 2. М., 1911, 299–329. [Maslov A. L. Bylina epics, their origin, rhythmical and melodic structure. *Trudy muzykal'no-etnograficheskoi komisii, sostoyashchei pri etnograficheskom otdelenii Obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii*. Vol. 2. Moscow, 1911, 299–329.]
- Маточкин 2012 — Маточкин А. А. Индивидуальные особенности квантитативности песенного стиха печорских сказителей. *Антропологический форум*, 2012, S16: 61–71. [Matochkin A. A. Individual features of the Pechora epic singers' quantitative technique for verse singing. *Antropologicheskii forum*, 2012, S16: 61–71.]
- Москвин 2009 — Москвин В. П. *Теоретические основы стиховедения*. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. [Moskvina V. P. *Teoreticheskie osnovy stikhovedeniya* [Theoretical foundations of verse studies]. Moscow: Librokom, 2009.]

- Москвин 2020 — Москвин В. П. Ударение лексическое и ударение метрическое: разграничение понятий. *Известия РАН. Сер. литературы и языка*, 2020, 79(4): 24–50. [Moskvin V. P. Lexical stress and metrical stress: Delimitation of notions. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2020, 79(4): 24–50.]
- Новичкова 1995 — Новичкова Т. А. «Песни, собранные Рыбниковым». Новое издание. *Русский фольклор*. Т. 28: *Эпические традиции: материалы и исследования*. Новичкова Т. А. (ред.). СПб.: Наука, 1995, 408–410. [Novichkova T. A. “Songs collected by Rybnikov”. New edition. *Russkii fol’klor*. Vol. 28: *Epicheskie traditsii: materialy i issledovaniya*. Novichkova T. A. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1995, 408–410.]
- Овчаренко, Скредин 1995 — Овчаренко Е. Б., Скредин П. А. Акцентно-мелодическая структура и вокализм былинного стиха. *Русский фольклор*. Т. 28. *Эпические традиции: материалы и исследования*. Новичкова Т. А. (ред.). СПб.: Наука, 1995, 238–243. [Ovcharenko E. B., Skrelin P. A. Accentual-melodic structure and vocalism of bylina verse. *Russkii fol’klor*. Vol. 28: *Epicheskie traditsii: materialy i issledovaniya*. Novichkova T. A. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1995, 238–243.]
- Петров 2022 — Петров А. М. Четырехстопный хорей в русских фольклорных духовных стихах поздней традиции: некоторые вопросы метрики и ритмики. *Вопросы языкознания*, 2022, 3: 54–74. [Petrov A. M. Trochaic tetrameter in Russian folk spiritual verses of late tradition: Some issues of metrics and rhythmic. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 3: 54–74.]
- Путилов 1977 — Путилов Б. Н. Сборник Кириши Данилова и его место в русской фольклористике. *Древние российские стихотворения, собранные Киришей Даниловым*. Изд. 2-е, доп. Подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.: Наука, 1977, 361–404. [Putilov B. N. Kirsha Danilov’s folk poetry collection and its place in Russian folklore studies. *Drevnie rossiiskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym*. 2nd, extended edn. Prepared by A. P. Evgen’eva and B. N. Putilov. Moscow: Nauka, 1977, 361–404.]
- Скулачева 2012 — Скулачева Т. В. Методы определения метра в неклассическом стихе. *Известия РАН. Сер. литературы и языка*, 2012, 71(2): 45–54. [Skulacheva T. V. Methods of determining meter in non-classical verse. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2012, 71(2): 45–54.]
- Скулачева, Петров 2023 — Скулачева Т. В., Петров А. М. Правила разметки ударений в стихе и их экспериментально-фонетическая проверка. «...Вперёд и вверх по лестнице звучащей». *Сб. статей к 80-летию О. Ф. Кривновой*. Захаров Л. М., Кобозева И. М., Костюк А. Э., Светозарова Н. Д., Семёнова Кс. П. (ред.). М.: Буки Веди, 2023, 250–259. [Skulacheva T. V., Petrov A. M. Rules of stress annotation in verse and their experimental-phonetic testing. “Vpered i vverkh po lestnitse zvuchashchei”. *Sbornik statei k 80-letiyu O. F. Krivnoi*. Zakharov L. M., Kobozeva I. M., Kostyuk A. E., Svetozarova N. D., Semionova X. P. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2023, 250–259.]
- Тарановский 2010 — Тарановский К. Ф. О книге М. П. Штокмара «Исследования в области русского народного стихосложения». *Русские двусложные размеры. Статьи о стихе*. Тарановский К. Ф. М.: Языки славянской культуры, 2010, 519–544. Пер. с серб. [Taranovsky K. F. On M. P. Shtokmar’s “Studies in Russian folk versification”. *Russkie dvuslozhnye razmery. Stat’i o stikhe*. Taranovsky K. F. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul’tury, 2010, 519–544. Transl. into Russian.]
- Тарлинская 2018 — Тарлинская М. *Шекспир и вокруг него. Стихосложение английской драмы*. СПб.: Наука, 2018. [Tarlinskaya M. *Shakespeare and around him: Versification in English drama*. St. Petersburg: Nauka, 2018.]
- Трубецкой 1987 — Трубецкой Н. С. К вопросу о стихе русской былины. *Избранные труды по филологии*. Трубецкой Н. С. М.: Прогресс, 1987, 352–358. [Trubetzkoy N. S. On the verse of Russian bylina epics. *Izbrannye trudy po filologii*. Trubetzkoy N. S. Moscow: Progress, 1987, 352–358.]
- Цертелев 1818 — Цертелев Н. А. Замечания на вторую часть Опыта г. Востокова о Русском Стихосложении. *Сын Отечества*, 1818, XLIV: 241–256. [Tsertelev N. A. Remarks on the second part of Mr. Vostokov’s Essay on Russian Versification. *Syn Otechestva*, 1818, XLIV: 241–256.]
- Чуковский 2012 — Чуковский К. И. *Собрание сочинений*: в 15 т. Т. 10: *Мастерство Некрасова. Статьи 1960–1969*. Предисл. и коммент. Б. Мельгунова и Е. Чуковской. Изд. 2-е, электронное. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. [Chukovskii K. I. *Sobranie sochinenii* [Works collection]. In 15 vols. Vol. 10: *Masterstvo Nekrasova. Stat’i 1960–1969* [Nekrasov’s mastership. Articles of 1960–1969]. 2nd, digital edn. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd, 2012.]
- Штокмар 1952 — Штокмар М. П. *Исследования в области русского народного стихосложения*. М.: Изд-во АН СССР, 1952. [Shtokmar M. P. *Issledovaniya v oblasti russkogo narodnogo stikhoslozheniya* [Studies in Russian folk versification]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1952.]
- Якубовская 2016 — Якубовская Е. И. Эпические напевы пудожского сказителя Ф. А. Конашкова. *Русский фольклор. Материалы и исследования*. Т. XXXV. Якубовская Е. И. (ред.). СПб.: Дмитрий

- Буланин, 2016, 119–197. [Yakubovskaya E. I. Epic melodies of Pudoga narrator F. A. Konashkov. *Russkii fol'klor. Materialy i issledovaniya*. Vol. XXXV. Yakubovskaya E. I. (ed.). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2016, 119–197.]
- Янко 2015 — Янко Т. Е. Лингвистические технологии анализа звучащего поэтического текста. *Когнитивные исследования языка*, 2015, 23: 174–183. [Yanko T. E. Linguistic technologies of analysis of poem recitation recordings. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*, 2015, 23: 174–183.]
- Ярхо 1928 — Ярхо Б. И. Свободные звуковые формы у Пушкина. *Ars Poetica*. Т. II: *Стух и проза*. Петровский М. А., Ярхо Б. И. (ред.). М.: Гос. академия худ. наук, 1928, 169–181. [Yarkho B. I. Pushkin's free sound forms. *Ars Poetica*. Vol. 2: *Stikh i proza*. Petrovskii M. A., Yarkho B. I. (eds.). Moscow: State Academy of Art Sciences, 1928, 169–181.]
- Anshakov 2019 — Anshakov O. Simple heuristics for automatic recognition of verse meter in syllabic-accentual versification. *Quantitative approaches to versification*. Plecháč P., Scherr B. P., Skulacheva T., Bermúdez-Sabel H., Kolár R. (eds.). Prague: Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences, 2019, 3–10.
- Aroui 2009 — Aroui J.-L. Proposals for metrical typology. *Towards a typology of poetic forms: From language to metrics and beyond*. Aroui J.-L., Arleo A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009, 1–42.
- Computational Stylistics 2022 — Bories A.-S., Plecháč P., Ruiz Fabo P. (eds.). *Computational stylistics in poetry, prose, and drama*. Berlin: De Gruyter, 2022.
- Couturier et al. 2022 — Couturier N., Martynenko A., Nugues L., Ruiz Fabo P., Sarv M. Plotting Poetry 5: Popular Voices, 4–6 July 2022, Tartu, Estonia. *Studia Metrica et Poetica*, 2022, 9(2): 134–146.
- Jakobson 1966 — Jakobson R. Slavic epic verse: Studies in comparative metrics. *Selected writings*. Vol. 4. Jakobson R. The Hague: Mouton & Co., 1966, 414–463.
- Oras et al. 2021 — Oras J., Pärtlas Ž., Sarv M., Kalkun A. The metrics of Seto choral laments in the context of runosong metrics. *Studia Metrica et Poetica*, 2021, 8(1): 40–98.
- Petrov 2019 — Petrov A. M. Metrical types of *bylinas* (Russian epic folk songs) in the collection of the Institute of Linguistics, Literature and History at the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. *Quantitative approaches to versification*. Plecháč P., Scherr B. P., Skulacheva T., Bermúdez-Sabel H., Kolár R. (eds.). Prague: Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences, 2019, 183–191.
- Plecháč, Kolár 2015 — Plecháč P., Kolár R. The corpus of Czech verse. *Studia Metrica et Poetica*, 2015, 2(1): 107–118.
- Versification 2021 — Frog, Grünthal S., Kallio K., Niemi J. (eds.). *Versification: Metrics in practice*. Helsinki: Finnish Literature Society (SKS), 2021.

Приложение: Материалы Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН

«Дюк Степанович» (ФА, диск 1/1¹⁶, фрагмент из 29 строк), «Волх Всеславьевич и Индийское царство» («Былина про Салтана, царя турецкого») (ФА, 1/2, фрагмент из 19 строк), «Вольга Святославович» (ФА, 1/3, фрагмент из 15 строк), «Вольга и Микула» («Вольга Святославович») (ФА, 1/4, фрагмент из 12 строк), «Дюк Степанович» (ФА, 1/5, фрагмент из 17 строк), «Илья Муромец и царь Калин» (ФА, 1/6, фрагмент из 18 строк), «Илья Муромец и царь Калин» (ФА, 1/7, фрагмент из 11 строк), «Добрыня и Маринка» (ФА, 1/8, фрагмент из 17 строк), «Илья Муромец и царь Калин» (ФА, 1/9, фрагмент из 17 строк), «Илья Муромец и царь Калин» (ФА, 1/10, фрагмент из 19 строк), «Илья Муромец и Идолище» (ФА, 1/11, фрагмент из 19 строк), «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» («Про Илью и голи кабацкие») (ФА, 1/12, фрагмент из 21 строки), «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» («Про Илью и голи кабацкие») (ФА, 1/13, фрагмент из 26 строк, продолжение, начало см. диск 1/12¹⁷), «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» («Про Илью и голи кабацкие») (ФА, 1/14, фрагмент из 33 строк, повторная, немного расширенная запись предыдущего

¹⁶ Первая цифра обозначает номер компакт-диска (CD), вторая — номер дорожки на диске.

¹⁷ Эти две дорожки (1/12 и 1/13) объединены нами в один текст. Судя по всему, исполнитель не делал перерывов в пении, но оригинальные «записи на костях» не вмещают дорожку длиннее нескольких минут, для целой былины места на таком носителе недостаточно. Поэтому текст, скорее всего, был искусственно разбит на части. Можно критически относиться к нашей «компиляции», но представление о былинном стихе она дает достаточно хорошее.

отрывка с диска 1/13; условно рассмотрена нами как отдельный текст), «Былина про Василия Будимировича» (ФА, 1/15, фрагмент из 15 строк), «Василий Игнатьев и Батыга» («Былина про туров-золоторогов») (ФА, 1/16, фрагмент из 15 строк), «Наезд литовцев» («Про короля литовского») (ФА, 1/17, фрагмент из 13 строк), «Сухман Рехмантьевич» (ФА, 1/18, фрагмент из 19 строк), «Сухман Рехмантьевич» (ФА, 1/19, фрагмент из 11 строк), «Добрыня и змей» (ФА, 1/20, фрагмент из 14 строк), «Добрыня и змей» (ФА, 1/21, фрагмент из 16 строк), «Добрыня и Алеша» (ФА, 1/22, фрагмент из 15 строк), «Михайло Потык» («Былина про Василия Буслаевича») (ФА, 1/23, фрагмент из 18 строк), «Чурила и неверная жена» («Про Чурилу и Катерину») (ФА, 1/24, фрагмент из 19 строк), «Чурила и неверная жена» («Про Чурилу и Катерину») (ФА, 1/25, фрагмент из 20 строк), «Дунай» («Женитьба князя Владимира») (ФА, 1/26, фрагмент из 13 строк), «Дунай» («Женитьба князя Владимира») (ФА, 1/27, фрагмент из 14 строк), «Про Ставра сына Годиновича и про Настасью Никуличну» (ФА, 1/28, фрагмент из 16 строк), «Про Ставра сына Годиновича и про Настасью Никуличну» (ФА, 1/29, фрагмент из 27 строк), «Во городе да во Киёви» («Про Ставра сына Годиновича и про Настасью Никуличну») (ФА, 1/30, фрагмент из 15 строк), «Былина про Данилу Белого» (ФА, 2/1, фрагмент из 15 строк), «Наезд литовцев» («У короля литовского») (ФА, 2/2, фрагмент из 16 строк), «Сухман Рехмантьевич» (ФА, 2/4, фрагмент из 16 строк), «Илья Муромец и царь Калин» (ФА, 2/5, фрагмент из 20 строк), «Про Добрыню и Алешу» (ФА, 2/6, фрагмент из 22 строк), «Василий Игнатьевич и Батыга» («Былина про туров-золоторогов») (ФА, 2/7, фрагмент из 10 строк).

Получено / received 02.04.2023

Принято / accepted 16.05.2023

Логаэды Г. Р. Державина

© 2023

Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия;
yurij-danilevskij@yandex.ru

Аннотация: Поэтические произведения Гавриила Романовича Державина (1743–1816), опубликованные им с 1777 по 1790 год, обнаруживают довольно малый набор метров — в основном ямбических (четырёхстопный ямб, alexandрийский стих, вольный ямб); весьма скромно присутствие хореев (исключительно четырёхстопных), а трехсложные метры отсутствуют вовсе. 1791 год стал поворотным. В этом году вышла в свет полиметрическая кантата «Любителю художеств», по преимуществу ямбическая, она содержит два дактилических пассажа. С этого года Державин стал широко использовать трехстопный ямб, как и четырёхстопные хорей, что вызвано его довольно поздним увлечением анакреонтикой. Год спустя Державин опубликовал в «Московском журнале» первую редакцию «Ласточки», написанную трехстопными трехсложниками с переменной анакрусой, — как кажется, первый, новаторский опыт такого рода в русской поэзии. Вскоре начинаются метрические эксперименты Державина с четырёхстопным дактилем, сходные с теми, что с конца 1780-х гг. имели место в творчестве Н. П. Николева, И. И. Дмитриева и Н. М. Карамзина. Подобно этим поэтам, он поначалу опускал один слог во второй стопе, а потом и два, что приводило к возникновению логоэдических структур в его стихах. Державин использует эти размеры как в чистом виде («Снигирь»), так и комбинируя в строфах с силлабо-тоническими размерами («Весна», «На безбожников», «Издателю моих песней», «Радуга»). Поэт также создает «логоэдизированные дольники», сочетая логоэдические строки с силлабо-тоническими на иррегулярной основе («На взятие Варшавы», шестая строфа «Сретения Орфеем солнца», «Осень»). В стихотворениях «Г. Озерову на приписание Эдипа» и «Полигимнии» Державин также расшатывает изометризм строф. Одним из источников вдохновения для этих экспериментов было восторженное, хотя и довольно смутное представление Державина о большем ритмическом многообразии древней поэзии (и в первую очередь стихов Сапфо и Горация) в сравнении с лирикой новоевропейской.

Ключевые слова: античная поэзия, Державин Г. Р., Дмитриев И. И., Карамзин Н. М., метрика, русская поэзия, тонический стих

Благодарности: Автор признателен И. Г. Вишневецкому, А. В. Волкову, С. А. Завьялову, К. М. Корчагину, И. А. Пильщикову и В. А. Плунгяну за высказанные соображения.

Для цитирования: Лаппо-Данилевский К. Ю. Логаэды Г. Р. Державина. *Вопросы языкознания*, 2023, 4: 96–116.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.96-116

Gavriil Derzhavin's logoaedic verse

Konstantin Yu. Lappo-Danilevskii

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia; yurij-danilevskij@yandex.ru

Abstract: The poetic works of Gavriil Romanovich Derzhavin (1743–1816) published from 1777 to 1790 demonstrate a rather limited set of meters — mostly iambic (iambic tetrameters, alexandrines, free iambic verse); the presence of trochees (exclusively tetrameters) is modest, and ternary meters are completely absent. The year 1791 was a turning point. In that year, Derzhavin published his polymetric

cantata “To a Patron of the Arts”, which, although predominantly iambic, contains two dactylic passages. After that year, the poet often used iambic trimeter as well as trochaic tetrameter, which was inspired by his sudden interest in anacreontics. A year later, Derzhavin published his first version of “The Swallow” in *The Moscow Journal*, written in ternary trimeters with variable anacrusis, which was apparently the first experiment of this kind in Russian poetry. Soon afterwards, Derzhavin began to experiment with the dactylic tetrameter, resembling similar work by N. P. Nikolev, I. I. Dmitriev and N. M. Karamzin beginning in the late 1780s. Like those poets, he initially omitted one syllable in the second foot, and then two syllables, which led to the emergence of logoaedic structures in his poems. He uses these meters in their pure form (“Snowbird”), and also combined them in stanzas with syllabo-tonic meters (“Spring”, “On Atheists”, “To the Publisher of My Songs”, “The Rainbow”). He also created “logoaedized dolniks”, irregularly combining logoaedic lines with syllabo-tonic ones (“On the capture of Warsaw”, the sixth stanza of “The Encounter of Orpheus with the Sun”, “Autumn”). In the poems “On G. Ozerov, Who Dedicated ‘Oedipus’ to Me” and “To Polyhymnia”, Derzhavin loosened the principle of isometric stanzas. One of the sources of inspiration for these experiments was Derzhavin’s enthusiastic and rather vague conception of the great rhythmic diversity of ancient poetry (primarily of Sappho’s and Horace’s poems) compared to modern European lyric poetry.

Keywords: antique poetry, Derzhavin G. R., Dmitriev I. I., Karamzin N. M., metrics, Russian poetry, tonic verse

Acknowledgements: The author is grateful to I. G. Vishnevskii, A. V. Volkov, S. A. Zav’yalov, K. M. Korchagin, I. A. Pilshchikov, and V. A. Plungian for their comments and remarks.

For citation: Lappo-Danilevskii K. Yu. Gavriil Derzhavin’s logoaedic verse. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 4: 96–116.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.96-116

Введение

Исходной точкой для размышлений о логоэдах Державина стал § 29 «Экспериментальные размеры: дольник и свободный стих» главы II «Время Ломоносова и Державина» в монографии М. Л. Гаспарова «Очерк истории русского стиха», и в первую очередь следующий пассаж о державинском «Снигире»:

«Если для старшего поколения поэтов XVIII в. были характерны строгие эксперименты Сумарокова с логоэдами, то для младшего — более вольные эксперименты Державина с дольником, т. е. стихом, где слоговой объем интервалов между сильными позициями меняется не на постоянных, а на произвольных местах. Материалом для этих экспериментов были по большей части те же короткие члены с трехсложным ритмом — 2-ст. дактили, 2-ст. амфибрахии, с которыми поэты привыкли иметь дело в трехсложных размерах и логоэдах; а средством художественного эффекта было произвольное нагромождение или усечение безударных слогов на стыках этих членов.

Простейшей пробой в этом направлении был державинский “Снигирь”, написанный на смерть Суворова в 1800 г. В основе это 4-ст. дактиль с цезурным усечением (как у Карамзина, выше, § 27), т. е. каждое полустиишие которого имеет вид 2-ст. дактиля с женским окончанием (“Что ты заводишь / песню военну, // Флейте подобно, / милый снигирь?..”), но тотчас затем Державин допускает асимметрический сдвиг цезуры (“...С кем мы пойдем / войной на гиену?..”), а потом в одном стихе обходится и без усечения (“...Полно петь песню / военну, снигирь!..”): первый прием ощутимо напрягает, второй расслабляет ритм. “Снигирь” стал началом целой серии метрических экспериментов Державина 1804–1806 гг.: “Весна”, “Лето”, “Осень”, “Радуга” и др.¹» [Гаспаров 1984: 68–69; 2000: 73–74] (далее цитируется 2-е издание 2000 г.).

¹ Ср. в более ранней работе ученого: «Дольник мы находим на исходе XVIII — в начале XIX века у Державина; но он здесь еще звучит неуверенно и готов сбиться на силлабо-тонику с цезурными

Из упомянутых в заключительной фразе стихотворений три удастаиваются кратких характеристик: в «Весне», полагает Гаспаров, «асимметрический сдвиг цезуры становится из исключения правилом», а в «Осени» «Державин еще смелее надставляет и усекает дактилические полустушия то на 1, то на 2 слога: в результате 40 строк стихотворения строятся 9 различными способами»; в «Радуге» Гаспаров видит «затвердевание в логаядический ритм» [Там же].

Намеченная в этих характеристиках тема «динамического взаимодействия» регулярных силлабо-тонических размеров, дольников и логаядов, их возникновения на основе друг друга в результате «затвердеваний» и «расшатываний», а также исследование различных промежуточных форм, представляется весьма продуктивной и уже нашла разработку в ряде стиховедческих исследований².

«Снигирь»: дольник, дактиль или логаяд?

Обратимся к державинскому «Снигирию» (1800), в интерпретации метра которого на настоящий момент существует три традиции. Прежде чем перейти к рассмотрению этих точек зрения, имеет смысл привести полный текст знаменитого державинского стихотворения в сопровождении некоторых данных, релевантных для дальнейшего изложения (в первом столбце указаны порядковые номера стихов, в третьем — количество слогов до и после цезуры, в четвертом — число слогов в строках и тип клаузулы):

СНИГИРЬ

1	Что ты заводишь песню военну,	5 5	10ж
2	Флейте подобно, милый снигирь?	5 4	9м
3	С кем мы пойдем войной на гиенну?	4 6	10ж
4	Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?	5 4	9м
5	Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?	5 5	10ж
6	Северны громаы в гробе лежат.	5 4	9м
7	Кто перед ратью будет, пылая,	5 5	10ж
8	Ездить на кляче, есть сухари;	5 4	9м
9	В стуже и в зное меч закаляя,	5 5	10ж
10	Спать на соломе, бдеть до зари;	5 4	9м
11	Тысячи воинств, стен и затворов;	5 5	10ж
12	С горстью россиян всё побеждать?	5 4	9м
13	Быть везде первым в мужестве строгом,	5 5	10ж
14	Шутками зависть, злобу штыком,	5 4	9м
15	Рок низлагать молитвой и Богом,	4 6	10ж
16	Скиптры давая, зваться рабом,	5 4	9м
17	Доблестей быв страдалец единых,	4 6	10ж
18	Жить для царей, себя изнурять?	4 5	9м

усечениями или наращенными или на логаяды («Снигирь», «Весна», «Радуга» и пр.) (...)» [Гаспаров 1974: 70].

² Ср., например, размышления В. А. Плуногяна о тоническом стихе как деривате стиха силлабо-тонического, об арсенале «преобразований» и о перспективах его описания с этой точки зрения: [Плуногян 2005; 2011].

19 Нет теперь мужа в свете столь славна:	5 5	10ж
20 Полно петь песню военну, снигирь!	5 5	10м
21 Бранна музыка днесь не забавна,	5 5	10ж
22 Слышен отвсюду томный вой лир;	5 4	9м
23 Львиного сердца, крыльев орлиных	5 5	10ж
24 Нет уже с нами! — что воевать?	5 4	9м

[Державин, II: 344–348].

Гаспаров полагает, что «в основе» «Снигирия», лежит «4-ст. дактиль с цезурным усечением», «каждое полустишие которого имеет вид 2-ст. дактиля с женским окончанием». Подобные полустишия действительно преобладают в стихотворении, но есть и четыре случая, когда цезура находится после четвертого слога; первые полустишия этих стихов имеют поэтому мужские клаузулы³. Такие случаи Гаспаров расценивает как «асимметрический сдвиг цезуры». Данные девиации в совокупности с наличием 20-го полноударного дактилического стиха приводят ученого к мнению о том, что размер «расшатан» до степени четырехиктного дольника, т. е. размера, согласно определению Гаспарова в начале рассматриваемого пассажа, «где слоговой объем интервалов между сильными позициями меняется не на постоянных, а на произвольных местах» [Гаспаров 2000: 73].

Этот взгляд принять довольно трудно, ибо все четыре стиха, имеющие цезуру после четвертого слога (стихи 3, 15, 17, 18), как и все другие в «Снигире» (за исключением 20-го дактилического), имеют ударения на 1-м, 4-м, 6-м и 9-м слогах, т. е. их метр имеет четкую структуру и ни о какой переменчивости слогового объема интервалов между сильными позициями «не на постоянных, а на произвольных местах» говорить не приходится. Ну, и немаловажно, что цезура в «Снигире» иррегулярная: в большинстве случаев после 5-го слога, но в четырех стихах после 4-го⁴. Особенности девятисложного размера, избранного Державиным, хорошо представляет следующая формула: '○○'○○'(○)⁵. Существенное отклонение находим, как уже говорилось, лишь в стихе 20, но, учитывая объем «Снигирия», это вполне допустимая погрешность, указывающая на «дактилическое происхождение» размера. Еще одно важное наблюдение: усечение слога во второй стопе приводит, на мой взгляд, к важному качественному сдвигу, к существенному преобразованию звучания в сравнении с классическими силлабо-тоническими размерами: в стихе возникают две ясно различимые хориямбические группы, разделенные одним слогом. Хориямбы эти, имеющие обычно наращения из одного слога, выступают и в чистом виде: в первых полустишиях с цезурой после четвертого слога и во вторых с цезурой после пятого слога и с мужскими окончаниями.

Рассмотрим теперь трактовку размера «Снигирия» как четырехстопного дактиля с окологезурными усечениями. Наиболее разработанная, она берет начало у В. М. Жирмунского [1975: 137–138], разделяется М. Ю. Лотманом [Lotman 1999: 49–50; Лотман 2002: 68] и В. А. Плунгяном,⁶ а в развернутом виде представлена в недавней монографии

³ Отмечу, что каждый второй стих «Снигирия» имеет окончание мужское (т. е. таковы же и вторые полустишия в них).

⁴ Если использовать разметку, позволяющую более наглядно представить межиктовые интервалы (звездочкой представлены икты, цифрами — количество слогов меж ними), то особенно хорошо видно, что в «Снигире» имеется пять видов стихов: десять структуры 0*2*1||0*2*; девять — 0*2*1||0*2*1; три — 0*2*0||1*2*1; один — 0*2*0||1*2*; один — 0*2*1||1*2*. Во всех них константны двусложные межиктовые интервалы в обоих полустишиях, а начальная анакруса нулевая.

⁵ Последний, десятый слог заключен в скобки, ибо в «Снигире» он регулярно представлен в женских клаузулах.

⁶ Отмечая схожие цезурные усечения в «Кладбище» Карамзина, исследователь полагает, что «Снигирь» Державина — наиболее яркий тому пример, ибо в нем «среди преобладающих строк Д2ж|Д2жм возникают даже образцы настоящего дольника» [Плунгян 2005: 862].

К. М. Корчагина [2021], где «Снигирь» рассматривается в подглавке «Размеры с эффектами внутренней анакрусью». По понятным причинам в центре внимания исследователя находится именно цезура, она оказывается стихообразующим центром, вокруг которого (справа и слева) Державиным располагаются в «Снигире» трехсложные стопы (как катаlecticские, так и акатаlecticские). Стихи с цезурой после четвертого слога понимаются Корчагиным как двусоставные, соответствующие формуле $D_2M|Af_2$, при господстве размера $D_2ж|D_2$, что приводит к следующим выводам: «Новация Державина заключается не просто в переходе от размера $D_2ж|D_2$ к $D_2M|Af_2$, то есть в смещении позиции цезуры, а в интерпретации каждого из полустиший как независимых метрических единиц, которые могут быть преобразованы тем или иным способом отдельно» [Корчагин 2021: 386]. Именно с этой точки зрения «автоматизации полустиший» Корчагин затем анализирует начальные строфы державинской «Осени» (1804), в которой по обе стороны цезуры он видит различные виды двустопных дактилей, амфибрахий и анапестов.

Перейдем к интерпретации размера «Снигиря» как логаяда, третьей по счету. До сих пор она не была сколько-нибудь подробно артикулирована, но неизменно присутствует в научной литературе. Стих «Снигиря» несомненно считал логаядом К. Д. Вишневский: в своей обзорно-статистической статье «Русская метрика XVIII века» он, правда, не упоминает этого стихотворения, но общее число логаядов, которые ученый находит у Державина, довольно велико, — это семь лирических стихотворений, насчитывающих 218 строк [Вишневский 1972: 250, 252–258]⁷. Стоит учесть и мнение Вишневого о том, что простейшие логаяды возникают при выпадении одного-двух слогов в классических размерах и при этом происходит существенный качественный сдвиг⁸. Эксплицитно, но почти без пояснений относят «Снигиря» к логаядам В. Е. Холшевников [1971: 434]⁹, О. И. Федотов [2005: 502–503], К. Ю. Тверьянович [2013: 203]; Б. П. Шерр¹⁰; «прихотливым логаядом» стихотворение называет Е. А. Пастернак [2022: 89], к сожалению, без каких-либо дальнейших пояснений.

Попробую все-таки обосновать точку зрения на «Снигиря» как на логаяд с иррегулярной цезурой. Как уже писалось выше, в этом стихотворении за исключением одного стиха выдержана следующая метрическая схема: ' ∪ ∪ ' ∪ ' ∪ ∪ ' (∪). Она в высшей степени соответствует тому, как сам М. Л. Гаспаров определяет логаяды в § 28 «Очерка истории русского стиха»: «Логаядами в современном стиховедении принято называть размеры, в которых слоговой объем слабых интервалов между сильными местами внутри строки неодинаков, но из строки в строку (или из строфы в строфу) повторяется одинаково» [Гаспаров 2000: 71], ср. [Гаспаров 1967; 2001]. Отмечу также, что в стиховедении не раз высказывалось мнение о том, что простейшие логаяды возникают в результате усечения определенных стоп на регулярной основе.

Так как с метром «Снигиря» связаны незаурядные художественные достижения в творчестве Державина, и он представлен и в других стихотворениях, о чем еще пойдет речь, вполне правомерно именовать этот метр **державинским (логаядическим)**

⁷ К сожалению, по характеру своего труда Вишневский не называет произведений, написанных тем или иным размером.

⁸ Ср. следующие размышления исследователя: «Во многих логаядических стихах угадывается их первоначальная силлабо-тоническая основа, из которой они, очевидно, и получились путем выпадения одного, реже двух слогов, безразлично, ударных и безударных. Однако в ряде случаев мы не можем с достаточной уверенностью назвать силлабо-тонический прототип получившегося логаяда, тем более, что это уже принципиально иное явление стиха, не имеющее отношения к стопному строению» [Вишневский 1972: 211].

⁹ Исследователь отмечает, что тем же размером написана и державинская «Весна».

¹⁰ Ср.: «The underlying metre is dactylic tetrameter, though too we end up with logaedic verse: in every line two syllable appear between ictus 1 and 2, one between ictus 2 and 3, and again two between 3 and 4» [Scherr 2021: 422].

девятисложником (Дд). Как представляется, Державин ощущал стих «Снигирия» как определенную целостную единицу, а не как объединение автономизованных, хотя и близких по их природе полустиший вокруг колеблющейся цезуры. В этом убеждает хотя бы то, что стихи этого метра поэт в ряде стихотворений сочетал со строками других размеров, имеющих четкую структуру, т. е. для него была весьма важна «вертикальная комбинаторика», когда повторение и чередование определенных гетероморфных строк в стихотворении (пассаже, строфе) становится основой эстетического эффекта. Данный взгляд на размер знаменитого стихотворения становится еще более очевидным в контексте метрических экспериментов последних двадцати пяти лет жизни Державина; далее они будут рассмотрены на большем количестве примеров, чем это делалось предшественниками¹¹.

О генезисе метра «Снигирия»

Еще В. М. Жирмунский отметил следующий пассаж в полиметрической одической композиции «На взятие Варшавы» в качестве важнейшего претекста «Снигирия» (пятый, добавочный в сравнении с предыдущей таблицей столбец, отражает мою интерпретацию размера¹²):

1	Черная туча, мрачные крыла	5 5	10ж	Дд
2	С цепи сорвав, весь воздух покрыла;	4 6	10ж	Дд
3	Вихрь полуночный, летит богатырь!	5 5	10м	Д4
4	Тма от чела, с посвиста пыль!	4 4	8м	ХЯ ХЯ
5	Молнии от взоров бегут впереди,	5 5	10м	Д4
6	Дубы грядою лежат позади.	5 5	10м	Д4
7	Ступит на горы — горы трещат,	5 4	9м	Дд
8	Ляжет на воды — воды кипят,	5 4	9м	Дд
9	Граду коснется — град упадает,	5 5	10ж	Дд
10	Башни рукою за облак кидает;	5 6	11ж	Д4
11	Дрогнет природа, бледнея, пред ним;	5 5	10м	Д4
12	Слабые трости шадятся лишь им.	5 5	10м	Д4
13	Ты ль — Геркулес наш новый, полночный,	5 5	10ж	Дд
14	Буре подобный, быстрый и мочный?	5 5	10ж	Дд
15	Твой ли, Суворов, се образ побед?	5 5	10м	Д4
16	Трупы врагов и лавры — твой след!	4 5	9м	Дд
17	Кем ты когда бывал побеждаем?	4 6	10ж	Дд
18	Все ты всегда везде превозмог!	4 5	9м	Дд
19	Новый трофей твой днес созерцаем:	4 6	10ж	Дд
20	Трон под тобой, корона у ног, —	4 5	9м	Дд
21	Царь в полону! — Ужас ты злобным,	4 5	9ж	ХЯ ХЯ(1)
22	Кто был царице твоей непокорным.	5 6	11ж	Д4

[Державин, I: 642].

¹¹ Большое значение для данной работы имели сетевые справочники. Первый из них, «Указатель стиховых форм в “Стихотворениях” Г. Р. Державина», составленный В. Б. Литвиновым и И. А. Пильщиковым, рассматривает 163 стихотворения из издания Державина в Библиотеке поэта [Державин 1957] (https://rvb.ru/18vek/derzhavin/04index/versus_index.htm; обращение 20.02.2023). Куда больший стиховой материал с опорой на современные издания учтен в Поэтическом корпусе Национального корпуса русского языка ([НКРЯ], обращение 20.02.2023). В настоящей работе использовано наиболее полное по сей день собрание сочинений Державина, подготовленное Я. К. Гротом: [Державин I–IX].

¹² При этом я опирался на систему аббревиатур, используемых в Поэтическом корпусе НКРЯ; к ним прибавлено два обозначения: Дд (державинский девятисложник) и ХЯ (хориямб; эту группу при несколько ином подходе можно описывать как двустопный дактиль с мужским окончанием, что не меняет сущности дела).

Считая четырехстопный цезурированный дактиль исходным метром, Жирмунский видит в «На взятие Варшавы» три его производных варианта: с усечением одного слога справа от цезуры, слева от нее или же по обе стороны [Жирмунский 1975: 137–138]. Последний случай, на мой взгляд, следует интерпретировать иначе — как радикальное усечение второй стопы на два слога и создание хорямбической диподии: '○○' || '○○' (○)¹³, еще одного ярко выраженного логаядического метра, близкородственного державинскому девятисложнику. Хорямбические диподии, как и логаядические девятисложники, оказываются весьма востребованы в более поздних стихотворениях поэта и в чистом виде, и в сочетании с другими метрами (см. далее). Весьма существенно, что в данном стихотворении деформация подвергнута лишь вторая стопа, первая и третья остаются неприкосновенными.

Из перспективы «Снигирия» важно, что половина процитированного выше отрывка написана державинским девятисложником (12 стихов из 22), тогда как дактилем в нем только десять, то есть логаядическая составляющая ощутимо заявляет о себе; играет роль и то, что державинские девятисложники не вклинены в текст отдельными строками, но образуют пассажи из двух, трех, а под конец и пяти строк. Хотя образ Суворова, грозного полководца, связывает оба стихотворения («На взятие Варшавы» и «Снигирия»), но есть и существенные различия: в первом случае нарисована гиперболическая картина мощи полководца, во втором — доминирует скорбь о самоотверженном и бескорыстном исполнителе ратного долга. Как показывает ода «На взятие Варшавы», близкородственные ритмы давно уже «бродили» в душе поэта¹⁴. «Бродили» эти ритмы и в душах других русских поэтов, как минимум, с конца 1780-х гг.

Близким метру «Снигирия» размером написана «Ода российским солдатам на взятие крепости Очакова сего 1788 года декабря 6 дня, сочиненная от лица некоего древнего русского пииты» Н. П. Николева¹⁵, литератора, к Державину отнюдь не близкого (ни по поэтике, ни биографически). Приведу первый катрен «Оды», призванной пародировать стиль Тредиаковского («древнего пииты»):

Аз Т<редьяковский>, || строгий пиита,
Красного слога || борзый писец,
Сиречь чья стопно || мысль грановита:
Что же бы в рифму?.. || Русский творец.
[Николев 1789: 3].

И в этих строках, и во всем этом довольно пространным и монотонно звучащем стихотворении выдержан четырехстопный дактиль с цезурой после пятого слога и предцезурным усечением: '○○'○○' || '○○'○○' (○). Иная строфика и подвижность цезуры существенно отличаются звучание «Снигирия» от звучания «Оды».

Жирмунский указал на два случая усечения предцезурного слога в «исходно» дактилических стихах у Карамзина. В послании «К Д<митриеву>» оно имеет место в нечетных стихах (все четные стихи — трехстопный дактиль с мужскими окончаниями). Приведу

¹³ Ниже для обозначения двух вариантов хорямбических диподий будут также использоваться аббревиатуры ХЯ||ХЯ и ХЯ||ХЯ(1).

¹⁴ В связи с этим стоит указать на стихотворение Державина «Богине здравия» («Здравья богиня благая...», 1795), написанное вольными дактилями с тремя нарушениями. В стихе 8 пятистопный дактиль усечен на один слог во второй стопе («Если любви страстны желанья стремятся...»); завершают стихотворение два державинских девятисложника: «Если ж, богиня, || ты отступаешь, / Благо с тобой || всё уходит от нас» [Державин, I: 677].

¹⁵ Впервые опубликована с несколько иным названием и минимальными отличиями текста в брошюре: [Николев 1789: 3–7]. Ранее, между 1783 и 1787 г., была сочинена «Ода к премудрой Фелице от старого русского пииты из царства мертвых» (опубликована лишь в 1797-м); она написана правильным четырехстопным дактилем с цезурой после пятого слога. Лишь в стихе 71 («В рифмах писати || ныне не опасно...») имеется предцезурное усечение.

первую строфу стихотворения, посланного Карамзиным другу в письме от 17 ноября 1788 г. [Карамзин 1866: 17–18]:

«Многие барды, || лиру настроив,
Смело играют, поют;
Звуки их лиры, || гласы их песней
Мчатся по рощам, шумят <...>».

[Карамзин 1791б: 113]; с назв. «Господину ***».

Письмо завершает следующая приписка: «Так бедный московский стихотворец, учащий ныне разбирать по складам греческих поэтов, осмеливается греческим стихосложением воспевать хвалу своему другу» [Карамзин 1866: 18]¹⁶. Это немногословное свидетельство крайне важно в двух отношениях: 1) Карамзин, занимаясь в 1788 г. греческим языком, усваивал некие общие представления о греческом стихосложении (их огласовка была, как кажется, весьма индивидуальной)¹⁷; 2) создание размера в результате усечения слога во второй стопе ощущалось им как следование неким принципам «греческого стихосложения», т. е. в логаядическом ключе; 3) по-видимому, и в регулярном сочетании различных метров ему виделось следование неким греческим заветам. Весьма показательны поэтому, что Карамзин, публикуя послание в 1791 г. в «Московском журнале», привел над текстом следующую метрическую схему, которой он следовал:

— u u — u — u u — u
— u u — u u —

[Карамзин 1791б: 113].

Карамзинское послание Дмитриеву было, несомненно, замечено Державиным — читателем, подписчиком и вкладчиком «Московского журнала»; оно было также включено во вторую часть карамзинских «Моих безделок» (1794)¹⁸.

В «Кладбище», также упоминаемом Жирмунским, видим чередование тех же размеров, с той лишь оговоркой, что логаядический метр удвоен, а строфы трехстрочны:

Страшно в могиле, || холодной и темной!
Ветры здесь воют, || гробы трясутся,
Белые кости стучат.

[Карамзин 1792: 109]; с назв.: «Могилы».

Как недавно отметил О. И. Федотов [2005: 501], И. И. Дмитриев, еще более близкий к Державину литератор, использует в следующем пассаже своего полиметрического стихотворения «На игру господина Геслера, славного органиста» (1795) метр, близкий размеру «Снигиры»:

¹⁶ А. В. Михайлов не без оснований видит «недопонимание» и «недоразумение» в том, что Карамзин считал стих своего послания Дмитриеву «греческим». Все же исследователь полагает, что это мнение дало важные импульсы оригинальному творчеству поэта [Михайлов 2000: 276–277].

¹⁷ Кто-то, нам неизвестный, несомненно, направлял Карамзина, с ним, скорее всего, велись и какие-то «сопутствующие» беседы. Ясно при этом, что знакомство Карамзина и с древнегреческим языком, и с метрикой происходило через призму немецкого языка и немецкой культуры. Из «Писем русского путешественника» известно, что писатель пользовался грамматикой данцигского профессора И. Г. Тренделенбурга, многократно переизданной [Trendelenburg 1782]. Каких-либо сведений об античном стихосложении в этом элементарном курсе не содержится.

¹⁸ Карамзин пояснял метрику и других своих произведений, впервые их публикуя. «Выздоровление» («Нежная мать, Природа!...»; Д3ж+Д2м) предварено схемой: — u u — u u — u // — u u — [Карамзин 1791а: 146]. Стихотворение «К прекрасной» («Где ты, прекрасная, где обитаешь?..»), написанное неравносложными дактилическими четверостишиями без рифм (Д4ж+Д4ж+Д3ж+Д3ж), сопровождается четырехстрочной схемой [Карамзин 1791в: 123].

Слышу лишь топот || бурных коней,
 Слышу гром с треском || ядер возженных,
 Свист стрел каленых, || звуки мечей,
 Вопли разящих, || стон пораженных,
 Тысячей фурий || слышу я рев.
 Прочь, прочь, ты жалость! || смерть без пощады!
 Ад ли разинул || алчный свой зев?..

[Дмитриев 1795: 43].

Военная тематика этих стихов позволяет говорить, скорее, о влиянии на Дмитриева державинского стихотворения «На взятие Варшавы». От «Снигиря» размер этого отрывка отличается регулярная цезура: —○○—○ || —○○—(○).

Из приведенных примеров, на мой взгляд, для Державина наиболее релевантными были опыты Карамзина, их логаядическое осмысление и их «античные» истоки могли им вполне обсуждаться с тем же Дмитриевым.

«Снигирь» и метрические эксперименты Державина 1800-х — начала 1810-х гг.

Стихотворение «Весна» (1804), державинское переложение оды Горация «*Solvitur acris hiems grata vice veris et Favoni...*» (*Hor. Carm. I, 4*), интересно тем, что Державин здесь впервые сочетает в строфах логаяды с трехсложником (тот же прием, что и у Карамзина в послании «К Д<митриеву>» и «Кладбище»): три первых стиха в четверостишиях «Весны» — державинские девятисложники с регулярной цезурой после четвертого слога '○○' || ○'○○' (○), а стихи заключительные — трехстопные дактили с мужскими клаузулами. Приведу здесь лишь первый катрен, в третьем стихе которого единственный раз в стихотворении нет безударного слога после цезуры, т. е. стих ужимается до двух хориамбов¹⁹:

ВЕСНА

Тает зима || дыханьем Фавона,
 Взгляда бежит || прекрасной весны;
 Мчится Нева || к Бельту на лоно,
 С берега суда спущены.

[Державин, II: 478].

Тот же прием объединения гетерометрических стихов в строфы реализован в стихотворении Державина «На безбожников» (1804; переложение псалма) — с теми лишь различиями, что строфы в нем пятистишные, в которых первые четыре стиха — державинские девятисложники с регулярной цезурой после пятого слога²⁰, а пятые — трехстопные дактили. В пятых стихах первых четырех строк рифма скользящая, и лишь окончание пятого стиха в пятом, заключительном четверостишии сиротствует. Прочитаю начальные строки:

¹⁹ Лишь в 23-м стихе имеется небольшое нарушение — цезура находится после пятого слога: «Если прибыток || оный безгрешен» ('○○' || ○'○○' (○)).

²⁰ Только в 13-м стихе цезура находится после четвертого слога: «В солнце ль меня || не хотите чтить?» ('○○' || ○'○○' (○)).

НА БЕЗБОЖНИКОВ

Царствует, вижу, || всюду разврат,
 К правде сокрыты || путь и дорога;
 Глупые, злые || в сердце их мнят:
 «Где добродетель? || — верно нет Бога:
 Случай все, случай творит!»
 [Державин, II: 510].

В данном контексте стоит упомянуть и «Лето» (1804), обращенное Державиным к И. И. Дмитриеву. Катрены стихотворения состоят из трех катаlecticеских четырех-стопных дактилей с регулярной цезурой после пятого слога²¹ и одного двустопного катаlecticеского амфибрахия²²:

ЛЕТО

Знойное лето || весна увенчала
 Розовым, алым || по кудрям венцом;
 Липова роща, || как жар, возблистала
 Вкруг меда листом.
 [Державин, II: 544].

Куда более смело по форме и ритмически разнообразно стихотворение «Осень» (1804). На первый взгляд, первые четыре строки каждой строфы — это 4-иктный дольник. С этой точкой зрения сложно поспорить, ибо количество слогов между четырьмя иктами свободно варьируется, т. е. стих не противоречит классическому определению долника, данному Гаспаровым.

Все же, на мой взгляд, подобное понимание несколько поверхностно, ибо в структуре всех строк стихотворения имеются явственно ощутимые логаздические константы — хориямбы, которые внутреннему расширению или же усечению ни разу не подвергаются. Существенно и то, что пятые строки строф — это тоже хориямбы, дополнительно подчеркивающие значение этих метрических групп для строк предыдущих. Приведу здесь начальные три строфы, чтобы сделать дальнейшие рассуждения более наглядными:

ОСЕНЬ

1	На скирдах молодых сидючи Осень	6 5	11ж	(2)ХЯ ХЯ(1)
2	И в полях зря вокруг год плодоносен,	6 5	11ж	(2)ХЯ ХЯ(1)
3	С улыбкой свои всем дары дает,	5 5	10м	(1)ХЯ (1)ХЯ
4	Пестротой по лесам живо цветет,	6 4	10м	(2)ХЯ ХЯ
5	Взор мой дивит!..		4м	ХЯ
6	Разных птиц голоса, вьющихся тучи,	6 5	11ж	(2)ХЯ ХЯ(1)
7	Шум снопов, бег телег, оси скрыпучи,	6 5	11ж	(2)ХЯ ХЯ(1)
8	Стук цепов по токам, в рощах лай псов,	6 4	10м	(2)ХЯ ХЯ
9	Жниц с знаменем идущих гул голосов	6 4	10м	(1)ХЯ(1) ХЯ
10	Слух мой пленит.		4м	ХЯ

²¹ Лишь в 19-м стихе имеется предцезурное усечение: «Счастье и нега || разума крылья» ('○○'○○ || '○○'○○).

²² Строение строф в ответном стихотворении Дмитриева «К Г. Р. Державину» («Бард безымянный! тебя ль не узнаю?..», 1805) такое же, как в державинском «Лете».

11	Как мил сей природы радостный образ!	6 5	11ж	(1)ХЯ(1) ХЯ(1)
12	Как тварей довольных сладостен возглас!	6 5	11м	(1)ХЯ(1) ХЯ(1)
13	Где Осень обилье рукою ведет,	6 5	11м	4Аф=(1)ХЯ(1) ХЯ
14	Царям и червям всем пищу дает	5 5	10м	ХЯ
15	Общий Отец.		4м	

[Державин, II: 554–555].

Из сорока строк стихотворения семь — одиночные хорямбы, замыкающие строфы²³, коррелирующие с хорямбами предыдущих стихов, подчеркивающие их хорямбические составляющие (лишь в одном случае, в стихе 25, хорямб «надстроен» одним добавочным слогом спереди: «Хранит только Бог»).

Остальные тридцать два стиха — двусоставные, различного строения, но неизменно содержащие по две хорямбические константы, вокруг которых наращиваются дополнительные слоги; анакруса в них переменная (от нулевой до двусложной). Так, из десятисложных стихов (общим числом 16) одиннадцать имеют структуру (1)ХЯ(1)||ХЯ, один — (1)ХЯ(1)||ХЯ, два — (2)ХЯ||ХЯ и два — Д4м=ХЯ(2)||ХЯ. Из одиннадцатисложных стихов (общим числом 16) четыре имеют структуру (2)ХЯ||ХЯ(1), два — (1)ХЯ(1)||ХЯ(1); один — (1)ХЯ(1)||ХЯ(1); один — (1)ХЯ(1)||ХЯ, один — Д4ж=ХЯ(2)||ХЯ(1) и семь — 4Аф=(1)ХЯ(1)||ХЯ. Девять строк из тридцати двух — правильные трехсложники (три с нулевой анакрусой и семь с односложной), которые как таковые не воспринимаются, ибо они растворены основной массой стихов иррегулярной структуры, разрезанных на асимметричные полустихия, в которых тем явственнее звучат хорямбы. При этом наиболее частотные структуры — это державинские девятисложники с надстройкой спереди одного слога — одиннадцать из них имеют структуру (1)ХЯ(1)||ХЯ, два — (1)ХЯ(1)||ХЯ(1), один — (1)ХЯ(1)||ХЯ(1).

Если максимально абстрагироваться, метр «Осени» наилучшим образом выразит следующая формула:

$$(x) (\cup)' \cup \cup' (\cup) \parallel (\cup)' \cup \cup' (\cup)$$

Этот необычайно гибкий, богатый ритмическими вариациями стих, как нетрудно заметить, содержит ярко выраженную инвариантную константу, то есть об исключительно произвольной длине межиктовых интервалов речь вестись не может. В категориях современного российского стиховедения это, пожалуй, дольник, но что важно, именно логатизированный.

Для темы настоящей статьи весьма важен еще один случай гетерометрического экспериментирования при строении строф в стихотворении «Г. Озерову на приписание Эдипа» (1806). На этот раз Державин в пятистишиях иррегулярно сочетает трехстопные амфибрахии с четырехстопными ямбами в основной части строфы; двухстопные амфибрахии завершают строфы²⁴. Метрическая формула первой строфы следующая — Аф3ж+Я4м+Аф3ж+Я4м+Аф2м:

Г. ОЗЕРОВУ НА ПРИПИСАНИЕ ЭДИПА

Вития, кому Мельпомена,	Аф3ж
Надев котурн, дала кинжал,	Я4м
А север, как лавром, из клена	Аф3ж
Венцом зеленым увенчал	Я4м
Блестяще чело!	Аф2м

[Державин, II: 580].

²³ Еще В. Я. Брюсов [1919: 93] трактовал «припев» этого стихотворения как хорямб.

²⁴ Отмечу, впрочем, девиации в 10 и 21 стихах — соответственно Ан2м и Д3ж.

Во второй, третьей и четвертой строках четвертый ямбический стих заменен на Аф3ж. Метрическая формула пятой строфы отличается от первой в первой строке: Д3ж+Я4м+Аф3ж+Я4м+Аф2м. А в заключительной, шестой строфе, в основной ее части, находим лишь четырехстопные ямбы:

Иль мог коль с Пиндаром геройство,	Я4м
С Горацием я сладость лить:	Я4м
То может во гробе потомство	Я4м
И блеск вельмож мне уделить:	Я4м
Там лавр мой взрастет.	Аф2м

[Державин, II: 582].

Еще более радикальный случай сочетания различных метров находим в эпиграмме, написанной во второй половине 1800-х гг.:

ЭКСПРОМТ ДЛЯ МАРФЫ ИВАНОВНЫ АРБЕНЕВОЙ

Ну же, Муза! ну, ну, ну!
 Настрой арфу,
 Воспой Марфу,
 Мне Арбенева жену.
 Что Марфа прекрасна,
 В том Муза согласна;
 Что Марфа умна,
 В том Муза скромна.
 [Державин, II: 80].

Первая и четвертая строки в ней хореические, вторая и третья — крайне редкие в русской поэзии антиспасты, а заключительное четверостишие — амфибрахическое.

О «Радуге» (1806), еще одном ярком метрическом эксперименте Державина, Гаспаров писал: «Такой же пестрой россыпью полустипных вариаций начинается и “Радуга” (“Взглянь, Апеллес! Взглянь в небеса!..”), но потом, с переходом от темы радуги к теме бога, стих как бы затвердевает в логоэдический ритм» [Гаспаров 2000: 74]. Приведу три начальные строфы, имевшиеся в виду ученым (и здесь, и далее речь ведется лишь о первых четырех строках строф):

РАДУГА

1	Взглянь, Апеллес! взглянь в небеса!	4 4	8м	ХЯ ХЯ
2	В сумрачном облаке там,		7м	Д3
3	Видишь, какая из лент полоса,	5 5	10м	ХЯ(1) (1)ХЯ=Д4
4	Огненна ткань блещет очам,	4 4	8м	ХЯ ХЯ
5	Склонясь над твоею главою		9ж	Аф3
6	Дугою!		3ж	Аф1
7	Пурпур, лазурь, злато, багрянец,	4 5	9ж	ХЯ ХЯ(1)
8	С зеленью тень, слиясь с серебром,	4 5	9м	ХЯ (1)ХЯ=Дд
9	Чудный, отливный, блещущий глянец	5 5	10ж	ХЯ(1) ХЯ(1)=Дд
10	Сыплют вокруг, тихим лучом	4 4	8м	ХЯ ХЯ
11	Зениц к утешенью сияют,		9ж	Аф3
12	Пленяют!		3ж	Аф1

13	Где красота, блеск разноцветных	4 5	9ж	ХЯ ХЯ(1)
14	Камней драгих, светлость порфир,	4 4	8м	ХЯ ХЯ
15	Прелести красок ярких, несметных,	5 5	10ж	ХЯ(1) ХЯ(1)=Дд
16	Чем навсегда славится мир,	4 4	8м	ХЯ ХЯ
17	Чем могут монархи хвалиться,		9ж	Аф3
18	Светиться?		3ж	Аф1

[Державин, II: 597].

Вряд ли можно говорить об обилии полустипных вариаций в начале стихотворения, хотя в первых трех строфах очевидны отступления от явленной в первой строке хориямбической диподии, λογαζδικеского метра, определяющего звучание всего стихотворения (трехстопный дактиль в стихе 2; четырехстопный — в стихе 3; околоцезурные добавления слогов в стихах 3, 8, 9, 15)²⁵. Все же и здесь, в начале стихотворения, хориямбических строк семь, т. е. более половины. В дальнейших же семи строфах никаких нарушений в хориямбических стихах нет (это в общей сложности еще 28 строк, выдерживающих размер ХЯ||ХЯ), на что справедливо и указывал Гаспаров, говоря о затвердении в «Радуге» «логазδικеского ритма». Рассмотренные начальные строки дают определенные основания зачислить «Радугу» в разряд дольников, но если не сделать при этом определенных оговорок, то представление о метрике стихотворения будет как минимум обедненным. Куда уместнее, на мой взгляд, поэтому говорить здесь о λογαζде, расшатанном в начальных трех строфах.

Стихотворение «Издателью моих песней» (1808) заслуживает упоминания потому, что в строении его довольно непривычной строфы за восемью 3-сложными дактилями неизменно следует державинский девятисложник с регулярной цезурой после пятого слога:

ИЗДАТЕЛЮ МОИХ ПЕСНЕЙ

1	Песней моих Издатель!	8ж	ДЗ
2	Друг Сионид и певец!	7м	ДЗ
3	В храме Искусств обитатель!	8ж	ДЗ
4	Если их кисть и резец	7м	ДЗ
5	Тень хоть едину в картине	8ж	ДЗ
6	Бога Творца изразят;	7м	ДЗ
7	В мраморе ль, меди, холстине	8ж	ДЗ
8	Хлора, Фелицу явят:	7м	ДЗ
9	Сгложут ли, Л<абзин>! черви в могиле	10ж	Дд
10	Со мною тебя?	5м	Аф2

[Державин, II: 678].

Весьма любопытна в данном контексте полиметрическая композиция Державина, опубликованная отдельной брошюрой с названием: «Сретение Орфеево солнца. Гимн и дифирамб в греческом вкусе, препровожаемые лирою. Музыка г. Бортиянского» (СПб., 1811). Несколько забегая вперед, следует признать, что под «греческим вкусом» здесь явно имелась в виду высокая степень метрической свободы. Она проявилась как в использовании различных классических метров (первая часть, «Гимн», написана ямбами, в ней имитируется одическая триада; первые два отрывка второй части, «Дифирамба», написаны трехсложниками с вкраплениями двух строк дольника), так и в том, что в заключительной строфе 6 поэт неупорядоченно соединяет трехсложники и λογαζδικеские строки, а также вводит один 4-иктный дольник, в первой части которого первый хориямб деформирован (стих 19):

²⁵ Еще одна вольность — это то, что в первом четверостишии «Радуги» рифмы только мужские.

6.

19	Слава! слава! Музы, скорее	4 5	9ж	Дк4
20	Теките, бегите ко мне		8м	Аф3
21	Фива воспеть. — Холмы и рощи,	4 4	9ж	ХЯ ХЯ(1)
22	Реки шумящи с гор слышу,		8ж	Д3
23	Прядают звезды, громы гремят,	5 4	9м	Дд
24	Пестрые тигры, львы желтогривы	5 5	10ж	Дд
25	Кротко у ног Фива легли, —	4 4	8м	ХЯ ХЯ
26	Вьются орлы. — Фиву ввек слава!	4 5	9ж	ХЯ ХЯ(1)

[Державин, II: 82–83].

Вереницу метрических экспериментов Державина завершает стихотворение «Полигимнии» (1816), обращенное к Р. С. Стурдзе. Хотя оно и разбито на семистишия, метры в нем от строки к строке свободно варьируются. Строфы скреплены рифмами в первых четырех стихах (остальные три холостые) и заключительными трехстопными дактилями с мужскими окончаниями (лишь в пятой строфе последняя строка — сдвоенный хориямб). Ю. Б. Орлицкий не без оснований, но, на мой взгляд, слишком общо говорит в данном случае о «тонической имитации» некоего античного метра [Орлицкий 2004: 118]²⁶. Более уместно, как кажется, говорить о логаядизированном 3–4-иктном тактовике (по аналогии с логаядизированным дольником). В стихотворении задействован следующий арсенал метров: трехстопные трехсложники с переменной анакрусой — 25, 4-иктные логаяды — 11 (дважды с наращением односложной анакрусой), 4-иктные дольники — 4, тактовики — 2 (3-иктный и 4-иктный)²⁷. Почти все неклассические размеры в стихотворении являются дериватами трехсложников, что не позволяет применить понятие гетерометрии²⁸.

Приведу первые две строфы «Полигимнии», чтобы дать представление о метрическом многообразии стихотворения:

ПОЛИГИМНИИ

1	Муза Эллады, пылкая Сафа,	5 5	10ж	Дд
2	Северных стран Полигимния!	4 5	9ж	ХЯ ХЯ(1)
3	Твоя ли сладкозвучная арфа?		10ж	Дк4
4	Твои ли то струны златыя,		9ж	Аф3
5	Что, молнии в души бросаю,		9ж	Аф3
6	Что, громами тихо гремя,		8м	Аф3
7	Грудь раздробляют мою!		7м	Д3

²⁶ Литвинов и Пильщиков видят в данном случае «вольный акцентный стих», что менее убедительно (https://rvb.ru/18vek/derzhavin/04index/versus_index.htm; 20.02.2023).

²⁷ К тактовикам, на основании того, что межиктовый интервал достигает в них трех слогов, можно, на мой взгляд, отнести следующие две строки: «Иль, о румяношека, чернокудра» (стих 8; 3*1*1||*1*1), «И очаровательна мечта» (стих 39; 0*3*3*1). Данное определение до известной степени условно хотя бы потому, что метр этих двух стихов, стоящих особняком, в другом контексте может быть понят по-иному (стих 8 как пятистопный ямб с пиририем в первой стопе; стих 39 как пеон). Тем важнее их значение в качестве строк, отмеченных еще большей степенью тонической раскрепощенности, в стихотворении, состоящем по большей части из трехсложников, логаядов и дольников.

²⁸ Использование сложных слов с двумя корнями позволяет Державину в ряде 4-иктных стихов избежать срединной цезуры, что нельзя не признать подлинным ритмическим кунштюком: «Твоя ли сладкозвучная арфа?» (стих 3), «Так, ты, греко-российска Харита!» (стих 15).

8	Иль, о румяношека, чернокудра,	11ж	Тк4
9	Агаговоокая дева!	9ж	Аф3
10	Ты мне древнего слога премудра	10ж	Ан3
11	Витиев эольских напева	9ж	Аф3
12	С розовых уст глас проливаешь?	4 5	9ж ХЯ ХЯ(1)
13	Слышу журчащие токи	8ж	Д3
14	И во гармонии тону!	7м	Д3

[Державин, III: 233].

«Полигимнии» прекрасно иллюстрирует уже рассмотренные общие тенденции метрических экспериментов Державина: вольное сочетание различных метров в строфах, наиболее многочисленны из которых классические трехстопные трехсложники и 4-иктные логаяды, генетически восходящие к четырехстопному дактилю. Но есть и нечто новое: производные от этих логаядов дольники и тактовики, в которых разрушению изнутри подвергаются хориямбы, долгое время остававшиеся неприкосновенными²⁹. И хотя здесь в целом очевидно стремление к более активному использованию различных форм тоники, стихи, метрически упорядоченные, как и ранее, количественно превалируют в «Полигимнии». Стихотворение строится на разрушении ритмической инерции, возникающей в изоморфных стихах; в начале каждого стиха читатель должен сосредоточиться, заново уяснить местоположение ударений, что сделать порой непросто³⁰. Лишь тогда это стихотворение открывается во всем богатстве гетероморфных метров, а их непредсказуемая смена становится залогом единства в своем роде эстетического переживания.

Так как ряд рассмотренных выше стихотворений вдохновлен греко-римской древностью, а одно из них, «Весна», как уже говорилось, это переложение оды Горация, имеет смысл хотя бы вкратце коснуться представлений Державина об античном стихосложении, и в первую очередь об эолийских размерах. На эту тему, сколь мне известно, поэт высказался всего один раз, в четвертой части «Рассуждения о лирической поэзии или об оде», впервые опубликованной в 1986 г. (работа над трактатом, как полагает В. А. Западов, шла вовсю начиная с 1807 г.) [Западов 1986: 232]. Размышляя о строении од Пиндара, о триадах в них и о хорах античных трагедий, Державин вкратце касается метрики Алкея и Саффо и приводит свой перевод первой строфы любовной оды Саффо, разительно отличный от его более ранних силлабо-тонических рифмованных переложений этой оды³¹:

«Таковым составом и все были писаны оды Пиндаром, и большая часть Софокловых драматических хоров; но Алцей, Сафо и другие лирики, до Пиндара жившие, имели всякой собственные, в которых они разные роды стихов, мер и падений размещали по своему благоизобретению. Не случилось мне, однако, видеть Алцеевых, и уцелели ли они от времени, не знаю; а сафической вот пример:

Счастлив! и в счастья богам тот равен,
Сидит напротив и внемлет кто уст
Сладчайших твой глас и милую очес
Улыбку к себе.

²⁹ Ранее единственный случай подобного дольника, как уже указывалось, находим в «Сретении Орфеем солнца».

³⁰ Уже само название представляет сложность для современного читателя: так, имя музы гимнической поэзии произносилось Державиным с ударением на предпоследнем слоге, что подсказывает рифма: *Полигимния / златыя*. Ср. также в «Походе Озирида» (1805): «Я Полимнию / В лик соглашу; / Песнями Россию / Всю освещу» [Державин, II: 573].

³¹ Их детальный текстологический анализ в статье [Ильинский 1917]. О них также в главе «Сафо и Державин» в книге [Свиясов 2003: 79–98].

Гораций в разностишных своих одах едва ли не все собрал греческие формы и показал им образцы, которым при конце сего рассуждения приложена таблица трудов А. Котельницкого.

В Германии, в новейшие времена, Клопшток первый ему в том последовал, а после его и многих уже видим немецких стихотворцев, пишущих свои оды разнородными формами и разномерными стихами с рифмами и без рифм, каковы и у нас ныне появляются» [Державин 1989: 306–307].

Несмотря на всю его лапидарность из выше приведенного пассажа можно заключить: Державин представлял себе в общих чертах сложную структуру эолийских метров, она была для него итогом сугубо индивидуального творчества древних поэтов, их «благоизобретения», заключавшегося в «авторском» сочетании различных стоп в стихах и стихов в строфах³². Каталог этих форм, усвоенных Горацием, учеником эолийских поэтов, должен был их наглядно представить в «Рассуждении». Специально составленный А. М. Котельницким для Державина, он до сих пор не опубликован³³.

Сам же Державин, пожелав дать своим читателям представление о строфах Сапфо, отвергает для себя путь, по которому почти на пятьдесят лет ранее шел Сумароков, выстраивавший силлабо-тонические логаяды с рисунком ударений, повторяющим расположение кратких и долгих слогов в сапфических одиннадцатисложниках и в адонии (подробнее см. [Лаппо-Данилевский 2022]). Лишь примерно соблюдая длину стихов в сапфической строфе (длина строк в процитированной строфе следующая: 11, 10, 11 и 5 слогов), Державин избирает при переложении первых трех строк 4-иктный тактовик, который не зарифмовывает. Вся строфа состоит из одного сложного предложения, многочисленные инверсии в котором предназначены затруднить его восприятие. В наследии Державина есть, пожалуй, еще всего один сходный опыт — это переложение тактовиком оды Горация (*Hor: Carm. II, 19*), озаглавленное «К Бахусу» («Вакха вдали, верь мне потомство, я видел...»; 1811); оригинал написан алкеевой строфой. Как кажется, в этих двух случаях для Державина было наиболее важно следовать не «букве» античности, но духу ее поэзии, как он его себе представлял. При этом очевидно, что Державина привлекает не столько следование Клопштоку Горацию, т. е. создание силлабо-тонических логаядов³⁴, сколько его свободный стих (*freie Rhythmen*), те «разнородные формы и разномерные стихи с рифмами и без рифм», которые, по его словам, пробивали себе дорожку и в России в первые годы XIX столетия. Говоря о них, Державин имел в виду стихи поэтов Вольного общества любителей наук и художеств (А. Х. Востоков, И. М. Борн, А. Г. Волков и др.), в 1800-е гг.

³² Сходную апологию древнего стихосложения находим в замечаниях митрополита Евгения (Болховитинова) на рукопись «Рассуждения» Державина, сделанных до ее публикации и отчасти учтенных поэтом: «Европейские стопы и такты единообразием своих расстановок утомительны для вольного слуха и стесняют даже воспарение не только музыки, но и самой поэзии. Истинная красота есть подражание природы, а одномерным стопам и тактам ничего нет подобного в природе. Сим-то разнообразием числа слогов в самых стопах поэзия греческая и римская преимуществом пред европейскою» [Державин, VII: 621].

³³ По всей видимости, это следующая рукопись: Котельницкий А. П. Меры горацянских стихов с позначением, как в древности каждой род стихов назывался // ИРЛИ. Ф. 88 (Я. К. Грот). Ед. хр. 6929. Л. 19–24. Среди державинских бумаг сохранился прозаический перевод всех 58 од из I и II книг лирики Горация: Горациевы оды, с латинского на российский переведены Александром Котельницким. 1801 // ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 14. Ед. хр. 15. 77 л. В этой архивной единице содержится два обзора метров Горация: «О различных родах стихов, употребляемых Горацием» (Там же. Л. 3–5) и «Мера горацянских стихов» (Там же. Л. 71–73). Подробнее см. [Морозова 2002].

³⁴ Как известно, Клопшток, выпускник знаменитой Шульпфорты, опираясь на античные образцы и собственное глубокое знание древней поэзии, создал более шестидесяти усложненных логаядических строф, представленных в его поэзии [Hellmuth 1973: 84–165 (глава «Die metrische Struktur der neuen Strophenformen»)].

вышедших на литературную арену, переведивших и Горация, и Клопштока, учившихся у обоих этих поэтов.

Заключение

В заключение стоит обратить внимание на место, занимаемое логаядами и, шире, метрическими экспериментами, рассмотренными выше, в поэтическом наследии Державина. Начало 1790-х гг. становится временем обновления метрического репертуара его лирики — процесс этот еще должным образом не изучен, поэтому ограничусь самыми общими замечаниями. Как известно, Державин связывал начало качественно нового, зрелого этапа своего творчества с 1779 годом, когда он сблизился с Н. А. Львовым, И. И. Хемницером и В. В. Капнистом и когда возник львовско-державинский литературный кружок [Кононко 1972: 84]³⁵. В поэтических произведениях Державина, написанных с 1777 по 1790 г. и тогда же напечатанных (то есть создававшихся с установкой на скорую публикацию), обнаруживается довольно скромный набор метров — в основном ямбических (четырёхстопный ямб, александрийский стих, вольный ямб); невелико присутствие хореев (исключительно четырехстопных), а трехсложные метры отсутствуют вовсе.

1791 год следует признать переломным, в этом году отдельным изданием выходит в свет полиметрическая кантата «Любителю художеств» («Сойди, любезная Эрата!..»), почти сразу же перепечатанная в «Московском журнале» [Державин 1791а]; с назв. «Новый год. Песнь дому любящему науки и художества». По преимуществу ямбическая, она содержит два дактилических пассажа³⁶.

Именно в этом году, как отмечал еще Грот, в поэзии Державина появился и трехстопный ямб, по утверждению ученого, ранее в ней отсутствовавший; первый его образец — «Прогулка в Сарском селе», опубликованная в 1791 г. в «Московском журнале» и завершающаяся комплиментом Карамзину [Державин 1791б]³⁷. Широкое использование этого метра, как и четырехстопных хореев, в последующие годы связано главным образом с созданием большого числа анакреонтических произведений.

Год спустя Державин опубликовал в «Московском журнале» первую редакцию «Ласточки», написанную трехстопными трехсложниками с переменной анакрусой, — как кажется, первый, новаторский опыт такого рода в русской поэзии³⁸. Этот прием варьирования

³⁵ Это важнейшее признание Державина об избранном им в 1779 г. «совсем особом пути» по сей день цитируется большей частью в неточной передаче Я. К. Грота [Державин, VI: 233], хотя автобиографическая записка «Нечто о Державине» (1805), его содержащая, была еще в 1972 г. опубликована Е. Н. Кононко.

³⁶ Первый написан двухстопными дактилями, второй — трехстопными: «Черные мраки...» и «Радостно, весело в день сей...». Есть в «Любителе художеств» и трехстопные хорей: «Небеса, внемлите...».

³⁷ В комментарии к этому стихотворению Я. К. Грот отмечал, что Державин в нем впервые применил трехстопный ямб, связывая это с влиянием анакреонтической традиции: «В этой пьесе Державин в первый раз воспользовался размером, который Ломоносов, а за ним и Сумароков употребляли в подражаниях Анакреону...» [Державин, II: 424]. Справедливости ради укажу, что трехстопный ямб изредка встречается у Державина и ранее, но в произведениях, которые тот не предназначал для печати. См., например, «Желание зимы» («На кабаке Боря...»; 1787), которое сам поэт назвал «площадной шуткой».

³⁸ В первой публикации «Ласточки» это стихотворение, написанное трехстопными трехсложниками с переменной анакрусой, открывалось строкой четырехстопного хорей с дактилической клаузулой: «Домовита мила ласточка» [Державин 1792]; при переиздании стихотворения Державин изменил ее на дактилическую: «О домовитая ласточка!» В 1934 г. Гукровский напечатал еще одно, ранее не опубликованное стихотворение Державина на смерть жены, написанное тактовиком в сочетании

числа слогов перед первым ударным слогом Державин практикует позднее в ряде стихотворений³⁹, а также при «вкраплении» трехсложников в произведения, написанные иными размерами.

Вскоре начинаются метрические эксперименты Державина с четырехстопным дактилем, сходные с теми, что с конца 1780-х гг. имели место в творчестве Н. П. Николева, И. И. Дмитриева и Н. М. Карамзина. К двум последним из них Державин, как известно, испытывал дружеские чувства, а к их творчеству в 1790-е годы особенно чутко присматривался.

Все же следует признать, что уже в первом своем опыте этого рода, в 22-строчном пассаже оды «На взятие Варшавы», Державин подверг четырехстопный дактиль куда более радикальным преобразованиям, чем его предшественники. Он не только усекает вторую стопу на один слог, как делали они, но в двух случаях и на две, а также, в отличие от них, не придерживается регулярной цезуры. Два метра, возникающие в результате данных преобразований, имеют четкую логаядическую структуру — межиктовые слоговые объемы в них постоянны. Их соединение с четырехстопным дактилем позволяет видеть в оде «На взятие Варшавы» логаядизированный дольник, т. е. размер, в котором «исходные», правильные силлабо-тонические стихи перемежаются строками логаядическими, а не такими, где межиктовые объемы произвольно варьируются (классический дольник). В то же время близкородственный характер трех размеров, примененных в этом стихотворении, не позволяет говорить о гетерометрии.

«На взятие Варшавы» открывает череду экспериментов Державина, в которых активно используются логаядический девятисложник и хориямбическая диподия, примененные здесь впервые. Основные направления этих поисков, как кажется, следующие.

Во-первых, оба метра используются при создании оригинальных строф, где задействованы либо только логаяды («Снигирь»), либо же один из этих стопных логаядов комбинируется с классическими силлабо-тоническими размерами на регулярной основе («Весна», «На безбожников», «Издателю моих песней», «Радуга»), что приводит к возникновению логаядов строчных.

Во-вторых, с «привлечением» регулярных трехсложников продолжают создаваться логаядизированные дольники как астрофичные (шестая строфа «Сретения Орфеем солнца»), так и строфичные («Осень»).

В-третьих, Державин подвергает расшатыванию принцип изометричности строф. В стихотворении «Г. Озерову на приписание Эдипа» он составляет строфы из амфибрахий и ямбов в различной последовательности, выдерживая при этом общее расположение рифм в пятистишиях. Куда большее разнообразие 3- и 4-иктных метров находим в семистишиях стихотворения «Полигимнии», где иррегулярно не только чередуются классические трехсложники и логаяды, но есть и отдельные дольники, и тактовики.

Логаяды поэтов предшествовавшего Державину поколения (в первую очередь Сумарокова), как показал М. Л. Гаспаров, либо предназначались для вокального исполнения (тексты арий, песен, в том числе и созданных под фольклорным влиянием), либо были имитациями логаядов иноязычных, в первую очередь античных (сапфического одиннадцатисложника и др.) [Гаспаров 2000: 71–73]. Логаяды Державина не являются ни тем, ни другим. Они возникают из практики усечения слогов в четырехстопных дактилях и становятся благодатным материалом для поэта, стремившегося обогатить звучание своей поэзии и потому охотно использовавшего их в различных сочетаниях.

Если верно высказанное выше предположение, что опыты Карамзина и Дмитриева с четырехстопными дактилями дали импульс к созданию Державиным собственных логаядов

с пентоном третьим («кольцовским пятисложником»): «На смерть Катерины Яковлевны, 1795 году июля 15 дня приключившуюся» («Уж не ласточка сладкогласная...») [Державин 1933: 375].

³⁹ Так, 2-иктными трехсложниками с переменной анакрусой написана вторая редакция «Молитвы» («Боже Создатель...», 1790-е). См. также первую часть дифирамба в «Сретения Орфеем солнца» (1811), рефрен в «На покорение Парижа» («Сердце пленяющая лира...») (1814).

и к связанным с ними метрическим экспериментам последних двадцати пяти лет его жизни, то следует признать, что в своей поэтической практике он оказался куда более инновативен и смел. Существенно и то, что эти его опыты куда более многочисленны и разнообразны. При этом и Державин, и его более молодые друзья живо, хотя и без особых на то оснований, ощущали античную ауру открывшихся им метров, ставшую для них важным источником вдохновения и творческой смелости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Державин 1791а — [Державин Г. Р.] Новый год. Песнь дому любящему науки и художества («Сойди, сойди, любезная Эрата...»). *Московский журнал*, 1791, 1: 137–146.
- Державин 1791б — [Державин Г. Р.] Прогулка в Сарском селе («В прекрасный майский день...»). *Московский журнал*, 1791, 3: 125–127.
- Державин 1792 — [Державин Г. Р.] Ласточки («Домовита мила ласточка...»). *Московский журнал*, 1792, 8: 193–195.
- Державин I–IX — [Державин Г. Р.] *Сочинения Державина*. С объяснит. примеч. Я. Грота. Т. I–IX. СПб., 1864–1883.
- Державин 1933 — Державин Г. Р. *Стихотворения*. Ред. и примеч. Гр. Гуковского, вступ. статья И. А. Виноградова. Л.: Изд-во писателей, 1933. (Библиотека поэта, большая серия.)
- Державин 1957 — Державин Г. Р. *Стихотворения*. Вступ. статья, подгот. и общая ред. Д. Д. Благого, примеч. В. А. Западова. Л.: Советский писатель, 1957. (Библиотека поэта, большая серия.)
- Державин 1989 — Державин Г. Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я. *XVIII век*. Сб. 16: *Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века*. Панченко А. М. (отв. ред.). Л.: Наука, 1989, 290–318.
- Дмитриев 1795 — [Дмитриев И. И.] *И мои безделки*. М., 1795.
- Карамзин 1791а — [Карамзин Н. М.] Выздоровление («Нежная мать, Природа!...»). *Московский журнал*, 1791, 1: 146–148.
- Карамзин 1791б — [Карамзин Н. М.] Господину ***. В ответ на полученную от него поэму («Многие барды, лиру настроив...»). *Московский журнал*, 1791, 2: 113–114.
- Карамзин 1791в — [Карамзин Н. М.] К прекрасной («Где ты, прекрасная, где обитаешь?..»). *Московский журнал*, 1791, 3: 123–125.
- Карамзин 1792 — [Карамзин Н. М.] Могила («Страшно в могиле, холодной и темной!...»). *Московский журнал*, 1792, 7: 109–111.
- Карамзин 1866 — [Карамзин Н. М.] *Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву*. С примеч. и указателем, составленными Я. Гротом и П. Пекарским. СПб., 1866.
- Николев 1789 — Николев Н. П. *Две оды на взятие победоносным российским воинством города Очакова 1788 года декабря 6 дня, сочиненные: первая г. Т...м в царстве мертвых, вторая — отставным солдатом Мусеем Слепцовым*. СПб., 1789.
- Trendelenburg 1782 — Trendelenburg J. G. *Anfangsgründe der griechischen Sprache*. Danzig, 1782.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Брюсов 1919 — Брюсов В. Я. *Краткий курс науки о стихе. Лекции, читанные в Студии стиховедения в Москве 1918 г.* Ч. 1. М.: Альциона, 1919. [Bryusov V. Ya. *Kratkii kurs nauki o stikhe. Lektsii, chitannye v Studii stikhovedeniya v Moskve 1918 g.* [A short course of versification: Lectures delivered at the Studio of Poetry in Moscow, 1918]. Part 1. Moscow: Al'tsiona, 1919.]
- Вишневский 1972 — Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. *Вопросы литературы XVIII века*. Пенза: ПГПИ им. В. Г. Белинского, 1972, 129–258. [Vishnevskii K. D. Russian metrics of the 18th century. *Voprosy literatury XVIII veka*. Penza: Belinsky Penza State Pedagogical Institute, 1972, 129–258.]
- Гаспаров 1967 — Гаспаров М. Л. Логэад. *Краткая литературная энциклопедия*. Т. IV. М.: Советская энциклопедия, 1967, 406. [Gasparov M. L. Logoædic verse. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya*. Vol. IV. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1967, 406.]

- Гаспаров 1974 — Гаспаров М. Л. *Современный русский стих: Метрика и ритмика*. М.: Наука, 1974. [Gasparov M. L. *Sovremennyi russkii stikh: Metrika i ritmika* [Modern Russian verse: Metrics and rhythm]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Гаспаров 1984 — Гаспаров М. Л. *Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика*. Изд. 1-е. М.: Наука, 1984. [Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika, ritmika, rifma, strofika* [Outline of the history of Russian verse: Metrics, rhythm, rhyme, stanza]. 1st edn. Moscow: Nauka, 1984.]
- Гаспаров 2000 — Гаспаров М. Л. *Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика*. Изд. 2-е, доп. М.: Фортуна Лимитед, 2000. [Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika, ritmika, rifma, strofika* [Outline of the history of Russian verse: Metrics, rhythm, rhyme, stanza]. 2nd, updated edn. Moscow: Fortuna Limited, 2000.]
- Гаспаров 2001 — Гаспаров М. Л. Логоэд. *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Николокин А. Н. (ред.). М.: Интелвак, 2001, 485–486. [Gasparov M. L. Logoedic verse. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii*. Nikolukin A. N. (ed.). Moscow: Intelvak, 2001, 485–486.]
- Жирмунский 1975 — Жирмунский В. М. *Теория стиха*. Л.: Советский писатель, 1975. [Zhir-munskii V. M. *Teoriya stikha* [Theory of verse]. Leningrad: Sovetskii Pisatel', 1975.]
- Западов 1986 — Западов В. А. Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии». *XVIII век*. Сб. 15: *Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой*. Панченко А. М. (отв. ред.). Л.: Наука, 1986, 229–282. [Zapadov V. A. The work of G. R. Derzhavin on “Discourse on Lyric Poetry”. *XVIII vek*. No. 15: *Russkaya literatura XVIII veka v ee svyazyakh s iskusstvom i naukoj*. Panchenko A. M. (ed.). Leningrad: Nauka, 1986, 229–282.]
- Ильинский 1917 — Ильинский Л. К. Из рукописных текстов Г. Р. Державина. *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*. 1917, 22(1): 275–339. [Il'inskii L. K. From G. R. Derzhavin's manuscripts. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*. 1917, 22(1): 275–339.]
- Кононко 1972 — Кононко Е. Н. Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР. *Русская литература*, 1972, 3: 74–85. [Kononko E. N. Manuscripts of G. R. Derzhavin in the Central Scientific Library of the Ukrainian SSR. *Russkaya literatura*, 1972, 3: 74–85.]
- Корчагин 2021 — Корчагин К. М. *Русский стих: цезура*. СПб.: Алетея, 2021. [Korchagin K. M. *Russkii stikh: tsezura* [Russian verse: Caesura]. St. Petersburg: Aleteiya, 2021.]
- Лаппо-Данилевский 2022 — Лаппо-Данилевский К. Ю. В. К. ТрEDIAKовский и А. П. Сумароков в споре о сапфической строфе. [Lappo-Danilevskii K. Yu. V. K. TreDIKovskii and A. P. Sumarokov in polemics about the Sapphic stanza.] *Philologia Classica*, 2022, 17(2): 300–320. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2022.210>
- Лотман 2002 — Лотман М. Ю. «На смерть Жукова» (1974). *Как работает стихотворение Бродского: Из исследований славистов на Западе*. Лосев Л. В., Полухина В. П. (ред.-сост.). М.: Новое литературное обозрение, 2002, 64–76. [Lotman M. Yu. “On Zhukov's death” (1974). *Kak rabotaet stikhotvorenie Brodskogo: Iz issledovaniy slavistov na Zapade*. Losev L. V., Polukhina V. P. (eds.). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2002, 64–76.]
- Михайлов 2000 — Михайлов А. В. Николай Михайлович Карамзин в общении с Гомером и Клопштоком. *Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей*. Михайлов А. В. М.: Языки русской культуры, 2000, 249–287. [Mikhailov A. V. Nikolai Mikhailovich Karamzin in communication with Homer and Klopstock. *Obratnyi perevod. Russkaya i zapadno-evropeiskaya kul'tura: problemy vzaimosvyazei*. Mikhailov A. V. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000, 249–287.]
- Морозова 2002 — Морозова Г. В. Гораций в рукописных фондах Г. Р. Державина. *Античность и общечеловеческие ценности*. Вып. 9. Алматы: Казахский национальный ун-т им. Аль-Фараби, 2002, 120–129. [Morozova G. V. Horace in G. R. Derzhavin's manuscripts. *Antichnost' i obshchechelovecheskie tsennosti*. No. 9. Almaty: Al-Farabi Kazakh National Univ., 2002, 120–129.]
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>
- Орлицкий 2004 — Орлицкий Ю. Б. Холостые строки в поэзии Державина. *Державин глазами XXI века. К 260-летию со дня рождения Г. Р. Державина*. Пашкуров А. Н. (отв. ред.). Казань: Казанский гос. ун-т, 2004, 114–123. [Orlitskii Yu. B. Unrhymed verses in Derzhavin's poetry. *Derzhavin glazami XXI veka. K 260-letiyu so dnya rozhdeniya G. R. Derzhavina*. Pashkurov A. N. (ed.). Kazan: Kazan State Univ., 2004, 114–123.]
- Пастернак 2022 — Пастернак Е. А. *Версификация Г. Р. Державина: метрика, рифма, строфика*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2022. [Pasternak E. A. *Versifikatsiya G. R. Derzhavina:*

- metrika, rifma, strofika* [G. R. Derzhavin's versification: metrics, rhyme, stanza]. Candidate diss. abstract. Moscow State Univ., 2022.]
- Плунгян 2005 — Плунгян В. А. К эволюции русской метрики: немонотонная силлабо-тоника. *Язык. Личность. Текст. Сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой*. Топоров В. Н. (отв. ред.). М.: Языки славянских культур, 2005, 857–869. [Plungian V. A. On the evolution of Russian metrics: Non-mono-tonic syllabo-tonics. *Yazyk. Lichnost'. Tekst. Sbornik statei k 70-letiyu T. M. Nikolaevoi*. Toporov V. N. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2005, 857–869.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. «Мне с каждым утром противней заученный, мёртвый стих»: К некоторым особенностям тонического стиха М. Кузмина. [Plungian V. A. On some features of Mikhail Kuzmin's tonic verse.] *The many facets of Mikhail Kuzmin: A miscellany*. Panova L., Pratt S. (eds.). Bloomington (IN): Slavica, 2011, 43–57.]
- Свиясов 2003 — Свиясов Е. В. *Сафо и русская любовная поэзия XVIII — нач. XX в.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. [Sviyosov E. V. *Safo i russkaya lyubovnaya poeziya XVIII — nach. XX vv.* [Sappho and Russian love poetry from the 18th century to the early 20th century]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003.]
- Тверьянович 2013 — Тверьянович К. Ю. *Русский стих 1735–1810-х годов: Метрика и строфика. Антология*. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. СПб.: СПбГУ, 2013. [Tver'yanovich K. Yu. *Russkii stikh 1735–1810-kh godov: Metrika i strofika: Antologiya* [Russian verse from 1735 to the 1810s: Metrics and stanzas. Anthology]. A guide for higher school students. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2013.]
- Федотов 2005 — Федотов О. И. Русская стиховая культура XIX века. *История русской литературы XIX в. Ч. 3: 1870–1890*. Коровин В. И. (ред.). М.: Владос, 2005, 497–534. [Fedotov O. I. Russian verse culture of the 19th century. *Istoriia russkoi literatury XIX v. Part 3: 1870–1890*. Korovin V. I. (ed.). Moscow: Vldos, 2005, 497–534.]
- Холшевников 1971 — Холшевников В. Е. Логаэдические размеры в русской поэзии. *Поэтика и стилистика русской литературы*. Л.: Наука, 1971, 429–436. [Kholshchevnikov V. E. Logoedic verse in Russian poetry. *Poetika i stilistika russkoi literatury*. Leningrad: Nauka, 1971, 429–436.]
- Hellmuth 1973 — Hellmuth H.-H. *Metrische Erfindung und metrische Theorie bei Klopstock*. München: Fink, 1973.
- Lotman 1999 — Lotman M. Yu. 'On the Death of Zhukov'. (Transl. from Russian.) *Joseph Brodsky. The art of a poet*. Loseff L., Polukhina V. (eds.). London: Palgrave Macmillan, 1999, 44–58.
- Scherr 2021 — Scherr B. P. A modernist before his time: The formal innovations of Gavrila Derzhavin. *Slavonic and East European Review*, 2021, 99(3): 401–431.

Получено / received 19.03.2023

Принято / accepted 16.05.2023

Роман Якобсон и алеутские материалы В. И. Иохельсона

© 2023

Николай Борисович Вахтин

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия;
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; nvakhtin@gmail.com

Аннотация: Статья представляет собой комментированную публикацию никогда целиком не издававшейся работы Романа Якобсона 1941 г.: каталога алеутской коллекции Владимира Иохельсона. И коллекция, и каталог хранятся в Нью-Йоркской публичной библиотеке.

Ключевые слова: алеутский язык, Иохельсон В. И., история лингвистики, эскимосско-алеутские языки, Якобсон Р. О.

Благодарности: Публикатор благодарит директора Фонограммархива Института русской литературы («Пушкинского дома») Светлану Викторовну Подрезову за возможность работы с материалами.

Для цитирования: Вахтин Н. Б. Роман Якобсон и алеутские материалы В. И. Иохельсона. *Вопросы языкознания*, 2023, 4: 117–128.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.117-128

Roman Jakobson and the Aleut materials collected by Waldemar Jochelson

Nikolai B. Vakhtin

European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia; Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; nvakhtin@gmail.com

Abstract: This paper presents the text of a 1941 work by Roman Jakobson, which has never been fully published, — his description of Vladimir (Waldemar) Jochelson's Aleut materials (the materials, as well as Jakobson's description, are stored at the New York Public Library). The publication is provided with a detailed commentary.

Keywords: Aleut, Eskimo-Aleut, history of linguistics, Jakobson R. O., Jochelson V. I.

Acknowledgements: The publisher is grateful to Svetlana Podrezova, the head of the Phonographic Archive at the Institute of Russian Literature, for access to the materials.

For citation: Vakhtin N. B. Roman Jakobson and the Aleut materials collected by Waldemar Jochelson. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 4: 117–128.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.117-128

Известный исследователь этнографии и языков юкагиров, коряков, якутов и алеутов Владимир Ильич Иохельсон (1856–1937) впервые попал на северо-восток Якутии не по своей воле. Он был в 1887 г. сослан за активную революционную деятельность «в места отдаленнейшие» — вначале в Олекминск, а затем, за участие в протестах политических ссыльных, — в Среднеколымск [Вахтин 2004; Слободин 2005]. В 1895 г. он вместе с другими ссыльными принял участие в знаменитой Якутской («Сибиряковской») экспедиции [Сирина 2022]; через пять лет — в не менее знаменитой Джесуповской экспедиции [Вахтин 2005], и в 1909–1911 гг. — в третьей крупной экспедиции на Камчатку и Алеутские острова, организованной Русским географическим обществом на средства Ф. П. Рябушинского [Иохельсон 1909; 1911].

Именно в ходе этой последней экспедиции Иохельсон собрал значительную коллекцию алеутских материалов, в том числе фольклорных текстов. После эмиграции из Советской России в 1922 г. (официально он находился в командировке) Иохельсон жил в Нью-Йорке, где под руководством Франца Боаса работал над подготовкой этих текстов к печати. В архивах сохранилась подробная переписка этих двух ученых¹, в которой детально отражен весь процесс работы над книгой. В конце 1931 г. рукопись алеутской грамматики с приложением текстов и того, что Иохельсон называл «фразеологией»², была закончена и передана Боасу; однако по каким-то причинам эта рукопись осталась неопубликованной³. Подготовленные Иохельсоном к печати алеутские тексты после смерти Иохельсона были переданы в Нью-Йоркскую публичную библиотеку (далее NYPL).

После прихода в 1933 г. нацистов к власти в Германии, когда резко усилились преследования евреев, многие из них устремились за океан. В этом же году в Нью-Йорке была создана Чрезвычайная комиссия помощи иностранным ученым-эмигрантам (Emergency Committee in Aid of Displaced Foreign Scholars), помогавшая бежавшим из Германии и других оккупированных нацистами европейских стран ученым найти работу в США⁴. Важную роль в этой помощи играла и NYPL, где многие эмигранты находили временное пристанище [Intrator 2010].

Летом 1941 г. в Нью-Йорк приехал Роман Якобсон; известно, что через год с небольшим, в октябре 1942 г., он получил место в «New York City's École libre des hautes études at the New School for Social Research», а затем в Колумбийском университете (1943–1949; с 1949 г. Якобсон работал в Гарварде и MIT); однако «New School» не была его первым местом работы: на какое-то время его приютила NYPL, конкретно — Славянский отдел, которым с 1918 по 1955 г. руководил Аврам Ярмолинский (Avrahm Yarmolinsky).

Первым заданием Якобсона в NYPL как раз и стало описание коллекции алеутских текстов Иохельсона [Yarmolinsky 1944]. В этой истории есть несколько темных мест, в частности — кому в этот момент принадлежала коллекция и где именно Якобсон составлял свою опись. Вот что пишет Кнут Бергсланд в предисловии к публикации алеутских текстов:

«После смерти Иохельсона в 1937 г. Боас хранил обработанные алеутские тексты и грамматику на факультете антропологии Колумбийского университета. В 1941 году по приезду в США одним из первых заработков, который сумел найти эмигрировавший в Нью-Йорк Роман Якобсон, была каталогизация этих текстов. В 1943 г. после смерти Боаса (декабрь 1942) текст и грамматика получены Нью-Йоркской публичной библиотекой (переведены в ноябре из Славянского отдела в Отдел рукописей, где они и находятся» [Bergsland, Dirks (eds.) 1990: 20]⁵.

Непонятно, как Якобсон мог работать в 1941 г. в NYPL с этими текстами, если они были переданы только в 1943 г. Сравните цитату из письма директора NYPL Гарри Лиденберга (Harry Lydenberg) в указанную выше Комиссию от 21 июня 1941 г.:

¹ Это архивы American Philosophical Society (фонд Boas Professional Correspondence) в Филадельфии, архив American Museum of Natural History в Нью-Йорке, Архив Института восточных рукописей РАН в Петербурге и др.

² Архив Института восточных рукописей, Фонд 23 (В. И. Иохельсон), оп. 2, ед. хр. 98.

³ Майкл Краусс пишет, что Боас не был удовлетворен качеством лингвистической работы Иохельсона (в частности, тот не различал долгие и краткие гласные и путал велярные и увелярные согласные) и что после нескольких попыток добиться доработки оставил идею публикации [Krauss 1985]; этот грамматический очерк был позднее опубликован по-русски в [Языки и письменность 1934].

⁴ См. об этой комиссии: <https://archives.nypl.org/mss/922>.

⁵ Майкл Краусс в предисловии к [Bergsland, Dirks (eds.) 1990: xiii] также пишет, что передача произошла после смерти Боаса в 1943 году.

«В области лингвистики, как я понимаю, он [Боас? Якобсон?] специализировался на языках Восточной Сибири и особенно на отношениях сибирских наречий с теми, на которых говорят на нашем континенте. У профессора [Франца] Боаса есть значительное количество алеутских материалов, собранных кем-то из его учеников. Мы не уступаем Этнологическому бюро в Вашингтоне по числу коллекций по языкам североамериканских индейцев. В библиотеке, кроме того, хранятся и уникальные коллекции по менее известным языкам Советского Союза. Все это в совокупности, как кажется, позволяет с пользой применить опыт такого человека, как профессор Якобсон. У нас нет никакой возможности взять его на постоянное место, о чем мы сообщили профессору Боасу. При внимательном изучении вопроса, однако, и при тщательной оценке наших финансов мы осознали, что могли бы позволить себе платить профессору Якобсону порядка 50 долларов в месяц в оставшиеся пять месяцев этого года» [цит. по Intrator 2010: 22].

Получается, что в 1941 г. материалы хранились у Боаса; в том же году Якобсон был нанят NYPL совместно с упомянутой Комиссией и ему было поручено сделать описание этой коллекции. При этом из письма директора NYPL явствует, что материалы Йохельсона составляют часть коллекций NYPL. Можно предположить, что именно через Боаса Якобсон нашел эту временную работу, однако кому в тот момент принадлежала коллекция и где именно Якобсон ее описывал, остается неясным⁶.

Как бы то ни было, Комиссия согласилась выделить из своих средств еще 50 долларов в месяц для найма Якобсона; забегая вперед, скажем, что через три года эта схема была повторена и Якобсон был вновь нанят в NYPL для описания второй Йохельсоновской коллекции, на этот раз камчадальской и эскимосской [Yarmolinsky 1947].

* * *

Якобсон закончил описание алеутских материалов осенью 1941 г. Оригинал этой описи хранится в NYPL; копия описи вместе с копиями алеутских материалов Йохельсона была передана в фонограммархив ИРЛИ РАН в 1976 г. в обмен на копию хранящихся здесь восковых валиков с алеутскими звуковыми записями Йохельсона (см. [Bergsland, Dirks (eds.) 1990: 19]).

Эта копия хранится в Рукописном фонде Фонограммархива ИРЛИ РАН в двух больших папках: папка № 115 содержит ксерокопии указанной Описи и копию с. 1–578 материалов, папка № 114 содержит ксерокопии с. 579–1354 материалов. Материалы Йохельсона представляют собой алеутские тексты с подстрочным пословным английским переводом и приложенным к каждому тексту вольным переводом на английский. Почти все эти тексты были опубликованы в книге [Bergsland, Dirks (eds.) 1990]⁷.

С другой стороны, составленная Романом Якобсоном опись, насколько мне известно, никогда полностью не публиковалась. Она занимает 106 страниц небольшого формата (или, скорее, карточек большого формата); состав ее следующий:

⁶ Путаница в этом вопросе длилась долго и зашла довольно далеко: почти сорок лет спустя, в 1974 году, в одном из писем племянница Йохельсона, к тому времени уже весьма пожилая дама, обвиняла Якобсона в том, что он продал (!) NYPL коллекцию текстов Йохельсона; видимо, она слышала что-то о том, что Якобсон получил от NYPL какие-то деньги в связи с этой коллекцией (письмо Domherg к некоему Михаилу Зиновьевичу от 12.05.1974 (архив библиотеки Американского музея естественной истории).

⁷ Очень подробную опись этих текстов см. [Bergsland, Dirks (eds.) 1990: 16–17].

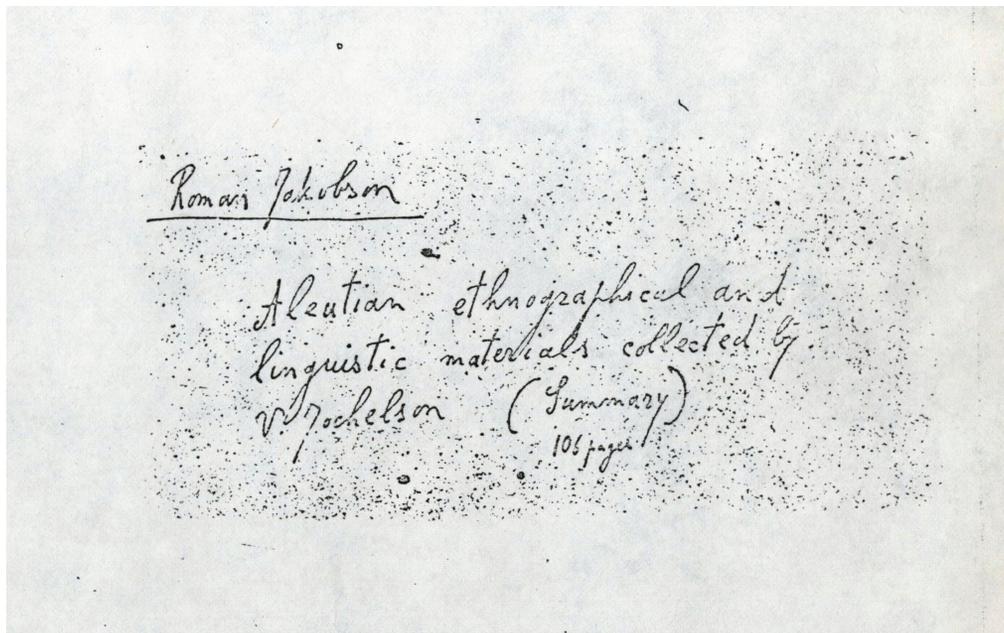

Рис. 1. Титульный лист описи алеутских материалов Иохельсона, составленной Р. О. Якобсоном

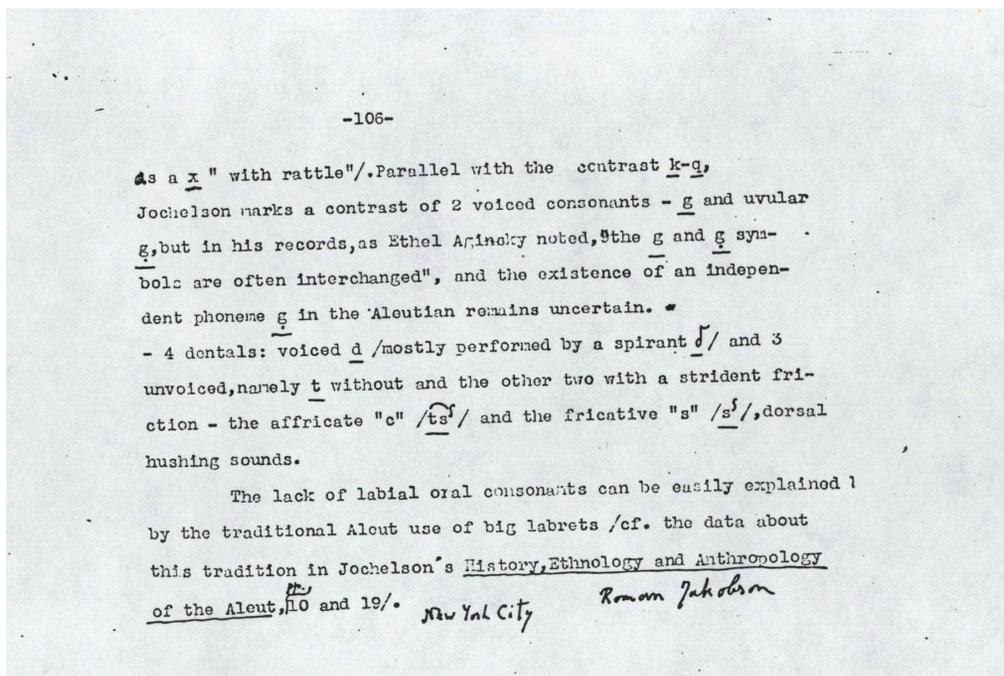

Рис. 2. Последняя страница описи алеутских материалов Иохельсона, составленной Р. О. Якобсоном

- с. 0 — два титульных листа, машинописный и рукописный (см. рис. 1);
с. 1–2 — предисловие;

Часть I. Алеутские связные тексты:

- с. 3–6 — общие сведения о коллекции;
с. 7–88 — краткое описание каждого текста (номер, название, диалект, краткое содержание);

Часть II:

- с. 89–92 — диалектологическая характеристика алеутских текстов;
с. 93–94 — краткое описание жанров текстов;
с. 95–100 — краткий список типичных фольклорных мотивов, встречающихся в текстах;
с. 101–103 — перечень материалов, кроме текстов, хранящихся в той же коллекции;
с. 104–106 — описание фонологического строя алеутского языка, сделанное Якобсоном (см. рис. 2).

Последняя часть была опубликована А. Ярмолинским под названием «A note of Aleut speech sounds» с указанием авторства Якобсона [Yarmolinsky 1944: 677]; текст, опубликованный Ярмолинским, существенно отличается от текста Якобсона: он сокращен, некоторые слова заменены, порядок изложения также слегка изменен.

Текст напечатан на пишущей машинке (кроме первой страницы), с незначительной правкой рукой Якобсона.

Ниже следует текст этой описи; полностью давать все описания алеутских текстов мы не сочли необходимым и даем лишь несколько примеров; остальной текст оставлен без изменений. Текст публикуется со всеми особенностями, свойственными английскому языку Якобсона того времени. Примечания принадлежат публикатору, если не сказано иное.

*Roman Jakobson. Aleutian ethnographical
and linguistic materials
collected by V. Jochelson (Summary). 106 pages*

Aleutian ethnographical and linguistic materials collected by V. Jochelson and granted to the N. Y. Public Library by Franz Boas 1932.⁸

The present materials were recorded by Vladimir (or Waldemar) Jochelson //⁹. He spent the years 1909 and 1910 on the Aleutian Islands as the leader of the Ethnological Division of the Kamchatka-Aleutian expedition fitted out by the Imp[erial] Russian Geographical Society of St Petersburg at the expense (200.000 roubles) of the banker R. Riabushinskiĭ¹⁰ (1884–1910).

About Jochelson's anthropological and archeological investigations on the Aleut Islands see his reports: Scientific results of the ethnological section of the Riaboushinsky expedition of the Imp[erial] Russ[ian] Geogr[aphical] Soc[iety] to the Aleutian Islands and Kamchatka — Intern[ational] Congr[ess] of Americanists, Proceedings of the XVIII. sessions, London I/1913, 334–343; Archeological investigations in the Aleutian Islands, Carnegie Institution of Washington 1925; History, Ethnology and Anthropology of the Aleut. Carnegie Institution of Washington 1933.

The present collection comprises two divisions:

I. Aleut coherent texts (Nos 1–81)

Jochelson collected about 140 texts of Aleut traditions. The rough copies of most records are in the Asiatic Museum of the Russian Academy of Sciences in Leningrad. Assisted by his Aleut

⁸ Непонятно; возможно, дата начала работы Иохельсона над рукописью или просто опечатка.

⁹ Оставлено пустое место, видимо для кириллического написания имени и фамилии Иохельсона.

¹⁰ На самом деле F. Riabushinskiĭ.

collaborators A. Yachmenev and Stepan Prokopiev¹¹ Jochelson took down these texts partly directly from the tellers, partly from phonograms and added a trial Russian interlinear translation word for word. During the last decades of his life Jochelson was working up the essential and best recorded part of this material for publication. He checked up the records and subjoined footnotes, English literal and free translation and summaries. He transmitted his work to F. Boas without finishing it completely. Some vacillation in the transcription of the same words arouse merely by oversight and either should be removed or at least noted. The footnotes are too casual. Sometimes the free translations and especially the summaries deviate too much from the original. A part of the records lacks indication of their origin.

Owing to confusion in Jochelson[']s] numeration of the texts we provided them with new numbers; however, in brackets, we quote the number of the corresponding rough copy from the Asiatic Museum according to the collector's brief register in Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie, VI. Série, XII/1918, 1979 ff. We preserve Jochelson's pagination of the material, but his pagination ceased beginning with our No 69, and by oversight the No 68 began from the same page number as No 66. Therefore we paginate anew all the records from No 68 (p. 1132). Beyond this pagination there remained the free translations and the summary, which Jochelson added to every text except Nos <?>, 61, 62, 75, 77–81, where there are no supplements, and 57, where only the summary is absent. The end of 21 (pp. 209–227 b) does not possess either an interlinear translation of notes.

In the indigenous and English tale-titles we follow Jochelson. Whatever we added is either in parenthesis or comes after a colon.

The Nos 5 and 10 (and moreover 3 records wanting in the present collection) were published with a Russian translation in the pamphlet Materialy po izucheniiu aleutskogo ĭazyka i folklora — vol. 1 Obraztsy narodnoĭ slovesnosti, No 1: Teksty na unalashkinskom narechii, Petrograd 1923, p. 16–20, 1–6. A free Russian translation of the Nos 25, 28, 31 appeared as Obraztsy materialov po aleutskoi zhivoĭ starine in Zhivaĭa Starina XXIV/1915, 293–308, and a free English translation of No 66 in Jochelson's History, Ethnology and Anthropology of the Aleut, Washington 1933, 76–77. The beginning of Nos 21, 80 is linguistically analyzed by E. Aginsky in D, 57–64, 44–56 (see below).

Summary of the Aleut texts¹²

1 (104) p. 1–3.

Ālágum kúgan txídín-aguxtadádan ?

— Observances when at sea: Belief.

2 (104) p. 4.

Tayágum txin-agunágan ñan qacxisxadanúlux'?

— What a boy is not given to eat while growing: Customs.

9 (112) p. 62–71.

Sñaxaxitádax'

— The Dream-Maker (spirit):

A dream-maker made some people fall asleep and dream. Captured and taken to a sea-fishing trip he jumped into the open sea — his dwelling place, and his captor drew up a fish stomach filled with woman's hair.

¹¹ We follow Jochelson in spelling the Aleut names. — *Примечание Р. О. Якобсона.*

¹² Даю здесь лишь несколько случайных примеров того, как именно Якобсон описывал тексты.

67 (108) p. 1127–1131.

Cohabitation with animals:

A chief's daughter who liked to eat seal's guts was washing them at the frozen sea-coast, the ice broke and she was brought to a cave full of male sea-otters. She lived with them, bore them sea-otter cubs. Some people from Alaska came, took her with them and thereafter she lived with human beings.

76 (79) p. 1291–1296.

Tayágux' hiñ angaginax' (in Attu dialect); Tayágux' iñun angaginax' (in Unalashka dialect)¹³.

A man there lived:

A woman wished to eat seal. When her husband went to hunt them, she stayed for the night with the village chief. On coming back the husband killed both of them and hung their heads on the stand of the chief's skinboat. Then he stayed on the chief's observation hill for such a long time that his coat rotted and the bones of seals he had killed decayed. Imagining his wife's bones were in the same state he wept from jealousy.

⟨...⟩

Dialectologically the records divide as follows:

I. Eastern dialect

a) Unalashka island —

Martha Golodova, midwife: 36

Illarion Menshov, old man: 65

Leonty Sivtzev, Russian-Aleut half-blood, assistant priest on the Greek Orthodox Church: 79–81

Sidor Solovyov, blind tale-teller: 1–6, 8, 9, 11, 19, 21, 22, 34, 35, 37, 39, 55, 56, 60, 62–64, 66–74.

Alexei Yachmeney, village chief: 57. However, he translated 39, 59, and together with Jochelson and L. Prokopyev 31, 58, 61, 75, 76 from the Attu into the Unalashka dialect. Also the songs 77, 78 belong to the same dialect.

b) Umnak island (settlement Nikolskoye) —

Timofei Dorofeyev: 12–14, 16, 24–28, 30, 40–42.

Arseny Kryukov: 32 (=52), 33 (=46), 43, 45, 47–54.

E. Plotnikova, woman: 42

Ivan Suvorov, village chief: 7, 10, 15, 17, 18, 20 (=23), 29.

The Nos 32, 33 are accompanied by a translation to the Attu dialect (see below).

II. Western dialect

Attu island —

Stepan Golodov: 31, 59.

Filaret Prokopyev, village chief: 58.

Savely Prokopyev: 75, 76 (his tale 39 is on hand only in a translation into the Eastern dialect).

Stepan Prokopyev, Filaret's brother: 61. However, he translated 32, 33 with Jochelson and A. Yachmeney from the Umnak into the Attu dialect.

¹³ Строчка вписана от руки.

The Nos 31, 58, 59, 61, 75, 76 are accompanied by a translation into the Eastern dialect (cf. above).

Thus, the majority of records of this collection and of Jochelson's expedition in general belong to the Eastern dialect area as do also most linguistic and anthropologic materials published by the Aleut investigator of the past century I. Veniaminov. Jochelson collected few texts from Attu and worked up only a little part. Atka (according to Jochelson — a variety of Eastern dialect transitory to the Western) furnished still fewer records, and none was worked up and included in the present collection.

According to their literary style Jochelson's texts can be approximately subdivided into —

1) uñikax' — stories of supernatural beings and events (fairy tales and legends): 5, 8, 9, 11, 14–16, 18, 19, 21, 25, 30, 32 (=52), 33 (=46), 37, 38, 40, 41, 48, 51, 53, 55, 56, 58, 59, 63, 65, 67, 69, 75.

2) kadañadax' — hero-tales (great deeds or wonderful warriors and strong men): 27, 42, 60, 66, 70, 71.

3) tunusádax' — realistic narrative on the former or present life of the Aleuts (intertribal and intratribal strife, love-stories etc.): 6, 7, 10, 12, 13, 17, 20 (=23), 24, 26, 28, 29, 39, 45, 47, 50, 54, 64, 72, 74, 76; here belong also anecdotes: 4, 49, 68.

4) añasix' — song: play-song 44, love-song 77, 78.

The rest of the records contains Aleuts' communications about their beliefs: 1–3, 34–36, 73, hunting: 43, 57, 61, 62, and adornments: 22.

Beside the records of the oral traditions, the collection includes epistolary specimens: 79–81.

List¹⁴ of the characteristic motifs¹⁵

Supernatural forces:

Marvelous beings —

Sister of the moon and the moon-man 21, Galagatax' — sea monster and Agañix' — sea monster infant 1, spirit of the volcano 56, girl of the volcano 15, spirits hauntings 14, dream-maker 9, giant 27, cannibals 10, 27, 37, 48, 63, 65, devils 42, bleary-eyes man 16, woman 53, 55, bisexual being 19, fox-woman 38, eagle-man 41, Raven Big Navel 31, 58, 59 (cf. Jochelson's *Materialy po izucheniu aleutskogo iazyka i folklora*, II f.), woman with vulva dentata 70, 75.

Spirit- and animal-protectors and magic objects —

protectors-spirits (without specification) 58, bear 15, wolf 15, ermine 60, fox 15, mouse 37, killer-whale 15, 66, bird 11, 15, 53, hawk 42, octopus 40, seal 42, fly 42, 66, mosquito 60, black beetle 65, bee 66, mollusk 15, fat of a dead man 60, skin of fox 16, 32, of mouse 37, of bear 60, of sea-lion 69, of bird 60, 66, of eagle 30, bird's down 30, sea-lion's guts 15, shell of a mollusk 65, tree 58, 70, grass-stem 42, stone-wedge and knife 30, drum 18, 64, wooden mask 66, living and killing water 66, fire 15, amulets for hunting (cágax') 63.

Magic transformations:

a man becomes a bear 38, 60, a wolf 39, a fox 16, 32, a mouse 37, a sea-otter 25, 33, a sea-lion 8, a bird 38, a fish 38; a bird becomes an island 8, a spirit becomes a piece of dust, then a man 56, a sea-lion gut changes into a road 15.

¹⁴ Отметим, что у самого Иохельсона классификации мотивов нет. Его классификация фольклорных жанров существенно уточнена и расширена Якобсоном. Г. А. Левинтон (устное сообщение) утверждает, что этот короткий анализ мотивов, сделанный Р. О. Якобсоном, не потерял своего значения и сегодня, поскольку в указателе мотивов Томпсона алеутский материал не представлен.

¹⁵ This list does not pretend to be exhaustive. — *Примечание Р. О. Якобсона.*

Magic dances —

18, 51.

Resuscitation —

15, 18, 25, 33, 51.

Plotting and murder:

Bloody vengeance —

for the shed blood 7, 10, 15, 20, 29, 30, 39, 64, for a cruelty 13, 47, for enslavement 20, for offence 39, for adultery 12, 41, 53, 55, 76.

Murder —

of father 10, 29, 30, of husband 41, 53, 55, of wife 76, of her relatives 10, 29, of brother-in-law 6, 13, 39, 47, 50, of sister 37, of her sons 65 (and of all boys of the tribe 30), of all lovers 11.

Feud —

between brothers-in-law 17, 26; of the uncle to sister's son 54.

Extermination of a village —

6, 18, 21, 39, 40, 45.

Plotting of the fugitives —

17, 24.

Want:

Death —

from starvation 26, from cold 38.

Lack of drinking water 7, 20.

Unsuccessful hunter 40, 72, 74.

Illicit sexual relations:

Brother-and-sister incest 25, 33 (=46), cohabitation with sea-otters 67, wooden wife 4.

Abduction:

of a woman 16, 32 (=52), 48, of a boy 19.

II. Contributions to study of the Aleut language (A–F)

A. Essay on the Grammar of the Aleut Language by W. Jochelson

Preface p. i–x

Phonology p. 1–5

The pronoun p. 6–15

The noun p. 16–17

Possessive affixes p. 18–19

Numerals p. 20–25

The verb p. 26–64

The adverb etc. p. 65–69

B. Aleut verbal suffixes, 8 pages, collected by Jochelson.

C. Aleut phraseology, 26 pages, collected by Jochelson.

D. A critical review of Waldemar Jochelson's unpublished Aleutian grammar (A.) and an analysis of some text material by Ethel G. Aginsky, May 1933, with marginal corrections by W. Jochelson.

E. Vocabulary of Jochelson's records by Ethel G. Aginsky. Word index to the first 29 texts (303 pages) of the records.

F. Jochelson's Ethnographic Map of Northeastern Asia and Northwestern America (from the Archeological investigations in the Aleutian Islands); data on the distribution of the Aleutian dialects are added by Roman Jakobson on the basis of Jochelson's studies.

The analysis¹⁶ of Jochelson's records permits us to simplify essentially the sound pattern¹⁷ of the Eastern dialect and likewise its transcription.

The phonemic pattern of this dialect possesses:¹⁸

I. 3 short vowels a, i, u and 3 corresponding long vowels a:, i:, u:. Before a syllabic vowel i and u are non-syllabic (j and w).

Neither Jochelson nor Ethel Aginsky discerned the basic rule of Aleutian accent: the stress is on the penult¹⁹, if the last syllable is short, and on the final syllable, if it is long. Certain discrepancies in Jochelson's records can be explained by his inconsistent marking of the vowel length.

II. 11 consonants

A. 1 liquid, namely a lateral l.

B. 10 non-liquid, among them

— 3 nasals: velar ŋ, dental n and labial m;

— 7 orals: 3 velars and 4 dentals. Velars: voiced g and 2 unvoiced, namely “k” without strident friction and “q” with a strident friction (both are performed by stops, namely by the postalatal k and by uvular affricate q, and only in consonant clusters or at the word-end by corresponding spirants — a postalatal x and a uvular, which Jochelson renders by x' and characterizes best of all in his Materialy po izucheniiu aleutskago jazyka i folkloru as a x “with rattle”). Parallel with the contrast k-q, Jochelson marks a contrast of 2 voiced consonants — g and uvular g, but in his records, as Ethel Aginsky noted, “the g and g symbols are often interchanged”, and the existence of an independent phoneme g in the Aleutian remains uncertain.

— 4 dentals: voiced d (mostly performed by a spirant ð) and 3 unvoiced, namely t without and the other two with a strident friction — the affricate “c” (ts') and the fricative “s” (s'), dorsal hushing sound.

The lack of labial oral consonants can be easily explained by the traditional Aleut use of big labrets (cf. the data about this tradition in Jochelson's History, Ethnology and Anthropology of the Aleut, pp. 10 and 19).

New York City

*Roman Jakobson*²⁰

¹⁶ Отсюда и до конца текст Якобсона пересказан Ярмолинским под названием «A note of Aleut speech sounds» [Yarmolinsky 1944: 677]; текст, опубликованный Ярмолинским, существенно отличается от текста Якобсона: он сокращен, некоторые слова заменены, порядок изложения также слегка изменен. Мы публикуем здесь текст Якобсона так, как он существует на листах машинописи.

¹⁷ Вычеркнуто *phonology*, вписано от руки *sound pattern*.

¹⁸ We use the symbols of the Intern[ational] Phonetic Association. — *Примечание Р. О. Якобсона.*

¹⁹ Сокращение от *penultimate* ‘предпоследний’.

²⁰ Место и подпись вписаны от руки (см. рис. 2).

* * *

Кроме описания алеутской коллекции Библиотеки, Роман Якобсон подготовил описание и двух других коллекций — коллекции камчатских текстов Иохельсона, привезенной им из экспедиции Рябушинского (1909–1911), и коллекции эскимосских текстов В. Г. Богоразы, собранных во время Джесуповской экспедиции 1900–1902 гг. (см. [Yarmolinsky 1947]).

Есть вероятность, что именно встреча с Францом Боасом и полученная при его содействии работа в NYPL подогрели интерес Романа Якобсона к языкам СССР и в частности к палеоазиатским языкам. Он интересовался этими языками еще со времен затеянного вместе с Н. С. Трубецким энциклопедического тома «Языки СССР» (см. их переписку между апрелем и ноябрем 1929 г. в [Письма и заметки 2004: 121–140]). Возможно, прав Роберт Аустерлиц [Austerlitz 1977], считавший, что этот интерес получил новый толчок после публикации в 1934 г. третьего выпуска сборника «Языки и письменность народов Севера» [Языки и письменность 1934]. Как бы то ни было, хотя языки Севера и были для Якобсона побочной темой, в его творчестве нашлось место и им.

Видимо, первой работой Якобсона по «северным» языкам может считаться именно заметка «A note on Aleut speech sounds», приведенная в оригинальном виде выше, и небольшая библиография по палеоазиатским языкам; обе были опубликованы А. Ярмолинским в 1944 г., но обе написаны на три года раньше.

История интереса Якобсона к «северным» языкам детально описана в упомянутой статье Роберта Аустерлица [Austerlitz 1977: 15–17]; он упоминает в этой связи следующие публикации Якобсона:

- The Paleosiberian languages. *American Anthropologist*, 1942, 44: 602–622.
- A list of works relating to the Kamchadal language and to the language of Russianized Kamchadals. Appended to A. Yarmolinsky. Kamchadal and Asiatic Eskimo manuscript collections; A recent accession. *Bulletin of the New York Public Library*, 1947), 51: 667–669.
- The Structure of Gilyak and Marr-ism, mimeographed outline of a paper delivered on September 8, 1949, at the 29th International Congress of Americanists, New York, 5 + 2 pages.
- Langues paleosiberiennes. *Les langues du monde*, par un groupe de linguistes sous la direction de A. Meillet et Marcel Cohen. Nouvelle edition. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1952, 276–278 and 403–431.
- A short sketch of the Paleosiberian peoples and languages. *Paleosiberian peoples and languages. A bibliographical guide*. Ed. by Roman Jakobson, Gerta Huttel-Worth and John Fred Beebe. New Haven: Human Relations Area Files Press, 1957, 218–222.
- Notes on Gilyak. *Studies presented to Yuen Ren Chao on his sixty-fifth birthday* (= *Academia Sinica, Bulletin of the Institute of History and Philology* 29, Part 1). Taipei, 1957, 255–281 [reprinted in *Selected Writings II*, pp. 72–79].

Аустерлиц заключает — и мы можем с ним согласиться, — что изучение палеоазиатских языков многое приобрело от Якобсона, а общая лингвистика — благодаря Якобсону — многое приобрела от палеоазиатских языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Иохельсон 1909 — [Иохельсон В. И.] Из писем В. И. Иохельсона, начальника Этнографического Отдела Камчатской экспедиции Ф. П. Рябушинского, к секретарю ИРГО. *Известия ИРГО*, 1909, 45(9): 613–625.

Иохельсон 1911 — Иохельсон В. И. Из писем В. И. Иохельсона, начальника Этнографического Отдела Камчатской экспедиции Ф. П. Рябушинского. *Известия ИРГО*, 1911, 47(I–V): 97–111.
 Письма и заметки 2004 — *Письма и заметки Н. С. Трубецкого*. М.: ЯСК, 2004.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вахтин 2004 — Вахтин Н. Б. «Наука и жизнь»: Судьба Владимира Иохельсона (По материалам его переписки 1897–1934 гг.). *Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм*, 2004, 5: 35–49. [Vakhtin N. B. “Science and life”: Vladimir Jochelson’s fate (based on his correspondence of 1897–1934). *Bulletin: Anthropology, Minorities, Multiculturalism*, 2004, 5: 35–49.]
- Вахтин 2005 — Вахтин Н. Б. Тихоокеанская экспедиция Джесупа и ее русские участники. *Антропологический форум*, 2005, 2: 241–274. [Vakhtin N. B. Jesup’s Pacific expedition and its Russian participants. *Antropologicheskii forum*, 2005, 2: 241–274.]
- Сирина 2022 — Сирина А. А. В. И. Иохельсон: становление этнографа (по материалам дневника 1895 г. из Сибиряковской экспедиции). *Полевые исследования В. И. Иохельсона*. Кастен Э., Сирина А. (сост., ред.). Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2022, 87–103. [Sirina A. A. Vladimir Jochelson: The making of an ethnographer (based on the 1895 diary from the Sibiriyakov expedition). *Polevye issledovaniya V. I. Iokhel'sona*. Kasten E., Sirina A. (comps., eds.). Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2022, 87–103.]
- Слободин 2005 — Слободин С. Б. Выдающийся исследователь северных народов (к 150-летию со дня рождения В. И. Иохельсона). *Этнографическое обозрение*, 2005, 5: 96–115. [Slobodin S. B. An outstanding explorer of Siberian peoples: 150 years since V. I. Jochelson’s birthday. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2005, 5: 96–115.] https://scepsis.net/authors/id_278_full.html
- Языки и письменность 1934 — *Языки и письменность народов Севера*. Ч. III: *Языки и письменность палеоазиатских народов*. Крейнвич Е. А. (ред.). М.; Л.: Учпедгиз, 1934. [*Yazyki i pis'mennost' narodov Severa* [Languages and literacy of the Northern peoples]. Part III: *Yazyki i pis'mennost' paleoaziatskikh narodov* [Languages and literacy of the Paleo-Asiatic peoples]. Kreinovich E. A. (ed.). Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1934.]
- Austerlitz 1977 — Austerlitz R. The study of Paleosiberian languages. *Roman Jakobson: Echoes of his scholarship*. Armstrong D., van Schooneveld C. H. (eds.). Lisse: Peter de Ridder, 1977, 13–20.
- Intrator 2010 — Intrator M. A temporary haven: Jewish World War II refugee scholars at the New York Public Library, 1933–1945. *Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften*, 2010, 21(3): 10–35. <https://journals.univie.ac.at/index.php/oezg/article/view/3849/3587>
- Krauss 1985 — Krauss M. Phonograph cylinder recordings of 1909–1910 by Jochelson and the Aleut text corpus. *Proc. of the International Symposium on B. Pilsudski's Phonographic Records and the Ainu Culture*. Sapporo: Hokkaido Univ., 1985, 203–221.
- Bergsland, Dirks (eds.) 1990 — Bergsland K., Dirks M. L. (eds.). *Unangam ungiikangin kayux tunusangin = Unangam uniikangis ama tunuzangis = Aleut tales and narratives. Collected 1909–1910 by Waldemar Jochelson*. Fairbanks: Univ. of Alaska, 1990.
- Yarmolinsky 1944 — Yarmolinsky A. Aleutian manuscript collection. *Bulletin of the New York Public Library*, 1944, 48(8): 671–680.
- Yarmolinsky 1947 — Yarmolinsky A. Kamchadal and Asiatic Eskimo manuscript collections: A recent accession. *Bulletin of the New York Public Library*, 1947, 51(11): 659–669.

Получено / received 18.02.2023

Принято / accepted 21.03.2023

Лингвистическая мысль средневековой Исландии: Первый грамматический трактат

© 2023

Дарья Сергеевна Глебова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; darsgleb@gmail.com

Денис Андреевич Голованенко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; dagolovanenko@edu.hse.ru

Аннотация: В данной статье предлагается публикация первого перевода на русский язык одного из самых ярких памятников древнеисландской лингвистической мысли XII столетия — так называемого Первого грамматического трактата. К переводу прилагается подробный комментарий и введение, призванное помочь читателю погрузиться в интеллектуальную культуру Исландии XII века, а также разобраться в основных терминах и понятиях трактата.

Ключевые слова: алфавит, древнеисландский язык, история лингвистики, лингвистика в Исландии, письменность, скандинавские языки, фонология

Благодарности: Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 21-04-066) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Для цитирования: Глебова Д. С., Голованенко Д. А. Лингвистическая мысль средневековой Исландии: Первый грамматический трактат. *Вопросы языкознания*, 2023, 4: 129–156.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.129-156

Linguistic thought of Medieval Iceland: The First Grammatical Treatise

Daria S. Glebova

HSE University, Moscow, Russia; darsgleb@gmail.com

Denis A. Golovanenko

HSE University, Moscow, Russia; dagolovanenko@edu.hse.ru

Abstract: This article presents the Russian translation of the *First Grammatical Treatise*, one of the most fascinating examples of Medieval Icelandic linguistic thought. The translation is accompanied by a detailed commentary and an introductory note aimed to help the reader plunge into the intellectual culture of twelfth-century Iceland and understand better the terminology and concepts used in the treatise.

Keywords: alphabet, history of linguistics, linguistics in Iceland, Old Icelandic, phonology, Scandinavian, writing

Acknowledgements: The publication was prepared as a part of the Research No. 21-04-066 within the HSE Academic Fund Program in 2022.

For citation: Glebova D. S., Golovanenko D. A. Linguistic thought of Medieval Iceland: The First Grammatical Treatise. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 4: 129–156.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.129-156

Введение

Представляемый впервые русскоязычному читателю «Первый грамматический трактат» (далее в тексте — ПГТ) входит в число наиболее ярких памятников исландской ученой традиции XII в. С одной стороны, это замечательный образец исландской учености периода, который характеризуется, прежде всего, освоением письменной культуры и появлением живо развивающейся письменной традиции на родном языке, складывающейся одновременно под влиянием западноевропейских образцов и устных авторитетных текстов автохтонного происхождения. С другой стороны, это важный феномен средневековой лингвистической мысли, знаменитый тем, что он явно опережает свое время — в XX в., во время расцвета фонологических школ, автора трактата (далее в тексте — Грамматик) стали называть протофонологом.

ПГТ сохранился только в рукописи XIV в., Codex Wormianus¹, названной так в честь его владельца Оле Ворма (1588–1654), где с ним соседствует еще три грамматических трактата, которые называют Вторым (ВГТ), Третьим (ТГТ) и Четвертым (ЧГТ) по порядку записи в рукописи, а также «Эдда» Снорри Стурлусона, эддическая «Песнь о Риге» (*Rígsþula*) и «Флоkk о Марии» (*Máriuflokkr*). На сегодняшний день наиболее вероятным считается, что Codex Wormianus был составлен на севере Исландии, возможно в скриптории монастыря на Тинговых песках (*Pingeyrar*)². Предполагается, что оттуда же происходит и ЧГТ, входящий в состав манускрипта. До нас дошел также и Пятый грамматический трактат (ПяГТ), в единственной рукописи AM 748 1b 4to. Большая его часть явно утрачена, сохранившийся же фрагмент, подобно Третьему и Четвертому трактатам, обсуждает фигуры и приемы поэтической речи — правда, без ссылок на латинские авторитеты и не используя греко-латинскую терминологию. Авторы Первого, Второго, Четвертого и Пятого грамматических трактатов нам неизвестны, автором же Третьего грамматического трактата является Олав Тордарсон Белый Скальд (1210–1259), племянник Снорри Стурлусона³. Кроме трактатов из древнеисландских памятников грамматической традиции известен лишь один фрагмент латинской грамматики (AM 921 III 4to, ок. 1400 г., основана на «Ars minor» Доната) и несколько латинско-исландских глоссариев [НВ 1972: 21]⁴.

Текст ПГТ в Codex Wormianus записан одной рукой не позднее третьей четверти XIV в. [Ibid.: 17–18]. Это точно не оригинал, так как в тексте периодически встречаются типичные ошибки переписки, такие как пропуски строк; по мнению последнего и наиболее авторитетного издателя ПГТ, Хрейна Бенедиктссона, между Codex Wormianus и оригиналом ПГТ была как минимум одна копия [Ibid.: 22]. Точная датировка трактата невозможна, однако можно определить время *terminus post quem* — автор ПГТ упоминает запись законов, а также Ари Мудрого, который известен в первую очередь как автор «Книги об исландцах» (*Íslendingabók*; 1122–1132), а значит трактат мог быть написан не ранее ее составления. Кроме того, Грамматик вводит оригинальное обозначение сдвоенных согласных заглавной буквой — в других рукописях этот прием начинает использоваться только в последней трети XII в., поэтому можно предположить, что трактат написан раньше 1170 г. [НВ 1972: 28]. Вслед за Хрейном Бенедиктссоном, сейчас ПГТ датируют промежутком с 1125 по 1175 г. [Ibid.: 31].

¹ AM 242 fol., ок. 1340–1370 [Johansson 1997: 11–18].

² [Males 2020: 277]; подробнее о нарративной стратегии составителя рукописи см. [Males 2013].

³ Подробнее о ВГТ, ТГТ, ЧГТ и ПяГТ см. [Edda 1852: iv–249; IGL 1884: i–LXXXII; Кузьменко 1985б; Males 2020: 188–192, 277; Nordal 2001: 44–72; Finnur Jónsson 1924; Uppsala Edda 2012; Raschellà 1982; FGT 2014].

⁴ Библиография работ, посвященных ПГТ, представлена в [Raschellà 1983; 2007].

Первый грамматический трактат, поэтическая и ученая традиции Древней Исландии

Весьма примечательно, что во всех без исключения известных нам случаях грамматические трактаты сохраняются в тех же рукописях (уже упомянутый Codex Wormianus, DG 11 4to, AM 748 Ib 4to, AM 757 a 4to), где записана и «Эдда» Снорри Стурлусона, его знаменитое пособие для молодых поэтов и одновременно основной источник знаний о древнесеверной поэтической традиции, ее принципах, размерах, терминах и т. д. для современной аудитории⁵. Несмотря на порой кардинальные различия в редакциях «Эдды», трактаты всегда плотно соседствуют с ее разделами — «Языком поэзии» (*Skáldskaparmál*) или «Перечнем размеров» (*Háttatal*). Можно думать, это не совпадение, а результат уникальной интеллектуальной обстановки, возникшей в Исландии в XII в. С одной стороны, в Исландии глубоко укоренена традиция поэзии скальдов, ради сохранения и развития которой Снорри и создает свою «Эдду» — сложное устройство скальдических кеннингов требовало хорошего знания мифологических сюжетов⁶. Скальдическая поэзия славится своей жестко регламентированной формой, поддерживаемой главным образом за счет размера и аллитерации — соблюдение этой формы подразумевало особую степень рефлексии над фонологической стороной языка⁷ (подробнее см. далее). С другой стороны, к сер. XII в. в Исландии появляется система формального образования, действующая благодаря приезжим специалистам или получившим образование за рубежом исландцам, появляются «центры учености»: школы при епископствах в Холаре и Скальхольте, первые монастыри; на роль подобных «центров» могут претендовать и хутора некоторых выдающихся исландских родов — Одди, Хаукадаль, Рейкхольт [Джаксон 1993]. Возникновение этих новых школ становится возможным благодаря укоренению в Исландии христианских институтов, для поддержания и воспроизведения которых необходимо воспитание будущих клириков, умеющих читать и понимать священные тексты. Не ясно, насколько подготовка учеников соответствовала стандартному тривиуму и квадриуму: чаще всего в источниках речь идет о базовых навыках — грамматике и музыке, необходимых для проведения литургии, а также об арифметике, необходимой для расчета пасхалий [Patzuk-Russel 2021: 67–209]. Таким образом, грамматика оказывается той точкой, где методы и прагматика нового образования пересекаются с глубоко традиционной исландской практикой, практикой поэтической речи, что отражается в том числе и в соседстве главного трактата о поэзии с грамматическими трактатами в известных нам компиляциях. Существенно, что «голос» континентальной грамматической традиции в пяти дошедших до нас трактатах неоднороден. Если ВГТ, ТГТ, ЧГТ, ПяГТ находятся с ней в явном диалоге, то ПГТ заметно выделяется на их фоне, так как в нем на первый план выходит автохтонное начало интеллектуальной культуры Древней Исландии — именно это делает этот памятник особенно примечательным.

В основе изучения грамматики лежит прежде всего понимание сущности букв и звуков и уяснение их соотношения, а также понимание структуры слова и синтаксических связей слов в предложении. Подобные задачи (в рамках орфографии и фонологии) ставит перед собой и автор ПГТ, но исходя при этом в первую очередь из опыта скальдов. Так, рассуждая о дифтонгических сочетаниях⁸, Грамматик делает следующее заявление: *Skald er*

⁵ Как отмечает Хрейн Бенедиктссон, трактаты могли начать включаться в рукописи с «Эддой» в XIV в., что отвечает компилятивной тенденции этого времени, хотя связь между этими текстами могла появиться уже в XIII в. [НВ 1972: 21].

⁶ Общую информацию об устройстве скальдической поэзии и о кеннингах можно почерпнуть, например, в [Стеблин-Каменский 1979: 77–130].

⁷ Ср. [Смирницкая 2008 (1982): 220; Кузьменко 2013].

⁸ О дифтонгах в ПГТ см. [Кузьменко 19856: 86].

hofundar allrar rynni eða máálf greinar sem smíðir [smíðar] eða loðmenn laga — «Скальды обладают авторитетом во всяком письме (*rynni*) и устройении речи (*máálfgreinar*) так же, как ремесленники [в ремесле] или законоговорители — в законах» (с. 147) — и сразу же переходит к объяснению дифтонга [ja] на примере полустрофы Оттара Черного⁹. Автора трактата в этом месте интересуют ситуации, в которых гласная фактически выполняет функции согласной, и в качестве одного из примеров такого превращения он приводит скальдическую полустрофу:

Hofðu hart of krafðir
Hillðr ox við þat skildir
Gang en gamler þrungu
Gunn þingf éärn hringar

Грамматик сетует на то, что часто бывает трудно различить звук, который производит гласная, стоящая на месте согласной, потому что «этот звук сокращается и почти смешивается или срастается с той гласной буквой, с которой соседствует» (с. 147); для того же, чтобы выяснить, какой все-таки звук она производит, необходимо найти пример такой речи, где разделение звуков происходит яснее всего — поэтической речи (см. приведенную выше строфу). В нормальных условиях каждый стих строфы, написанной размером дротткветт, состоит из шести слогов, однако последний стих процитированной выше строфы состоял бы только из пяти, если бы ее автор, Оттар Черный, не воспользовался одной из доступных скальду поэтических вольностей — не разложил бы слово *járn* (железо) на два слога: *éärn*¹⁰, — благодаря чему становится понятно, что это слово начинается с «е».

В сущности, автор ПГТ берет на вооружение метод, используемый скальдами в их поэзии на протяжении уже многих сотен лет. Скальдические размеры предьявляли крайне строгие требования к соблюдению аллитерации и других правил построения висы, служивших не только украшением стиха, но и наиболее важным его структурным элементом. Племянник Снорри Олав Белый Скальд, автор ТГТ, своим известным выражением сравнивает аллитерацию с гвоздями, скрепляющими доски корабля, т. е. северной поэзии [IGL 1884: 24–25]. Скальду необходимо было держать в голове и массу правил, регламентирующих построение внутренних рифм, хендингов, которые также участвуют в корабельной метафоре Олава: они подобны брусам, удерживающему борту [Ibid.]. В четных строках дротткветтной строфы должны находиться неполные рифмы, скотхендинги, в которых различаются корневые гласные, но совпадает заударная консонантная группа (*hofðu* — *krafðir*); в четных строках располагаются полные рифмы, адальхендинги, в которых совпадают и гласные, и консонантные группы (*gunnþings* — *éarnhringar*). Диахронический анализ употребления хендингов показывает, во-первых, что скальды определенно осмыслили морфемный и просодический состав рифмующихся слов (должны ли, к примеру, участвовать в рифме флексии и в каких случаях, могут ли долгие гласные рифмоваться с краткими), а во-вторых — что требования к качеству созвучий, особенно адальхендингов, с течением времени росли: если в IX в. Браги еще мог позволить себе изредка заменить полную рифму на неполную, то в XI в. конунг Харальд Суровый считывал скальда Тьодольва Арнорссона за то, что тот срифмовал *grøt* и *skømtu*, т. е. поставил в соответствие геминате одиночный согласный [Morkinskinna 2000:

⁹ Ср. разбор этого фрагмента также в [Смирницкая 2008 (1994): 368].

¹⁰ Используя тем самым более древнюю форму слова, см. [ANG: 117]. Подобное использование более древних форм слов, состоящих из большего количества слогов, не редкость в поэзии скальдов, ср. *éarnmuntum* у Халльдора Некрещеного [SkP 1: 469], *isarn* у Торбьёрна Хорнклови [SkP 1: 91], *Sigvardi* вместо *Sigurdur* у Кормака [SkP 3: 277] и Браги [SkP 3: 30] и т. д. О разночтениях в последней строке этой строфы см. прим. 82 на с. 147.

253] ¹¹. Эти эстетические и лингвистические искания скальдов, однако, были сугубо «стихийны», если не интуитивны — составитель же «Первого грамматического трактата» обнажает их метод, рационализирует его и кладет в основу совершенно иной культурной практики.

Как таковая последовательная рефлексия над скальдической традицией начинается в середине XII в. Ок. 1142 г. ярл Оркнейских островов Рёгнвальд Кали и исландец Халль Тораринссон составили первое известное нам поэтологическое сочинение в собственном смысле слова — «Ключ размеров» (*Háttalykill*) [SkP 3: 1000]. Он состоит из 82 строф, каждая пара строф представляет собой пример того или иного поэтического размера ¹². В отличие от ПГТ, ни в самом «Ключе размеров» (учитывая, впрочем, что его начало и конец утеряны), ни в «Саге об оркнейцах», где говорится о его сочинении, принципы и задачи его авторов не выражаются эксплицитно. Несмотря на это, сам факт его появления около середины XII в. значителен для нас с точки зрения формализации скальдического искусства и рефлексии над ним, протекающих в это время в Исландии.

О развитии поэтологической традиции в это время свидетельствует и текст, получивший в литературе название «*Litla Skálda*» (Малый Язык поэзии). Он сохранился только в двух рукописях, AM 748 1b 4to и AM 757 a 4to, где он вставлен перед разделом «Язык поэзии» в «Эдде» Снорри. В этом небольшом тексте предпринимается попытка классифицировать скальдические кеннинги по ряду категорий и объяснить, почему они строятся именно так, а не иначе. Вероятно, «*Litla Skálda*» был составлен раньше грандиозной снорриевой «Эдды» (ок. 1220–1225) ¹³. Одним словом, в середине — второй половине XII в. исландцам удается прийти к весьма самобытному синтезу в широком смысле западноевропейских (и континентальных, и островных, т. е. английских) и своих собственных образовательных практик и практик языкового анализа. Вероятно, заимствованные аналитические практики (грамматика, чтение и изучение классических латинских текстов) первоначально предоставили легитимную причину для своеобразной инвентаризации исландского языка и поэзии самих по себе, а также необходимый для этого инструментарий, — затем же грамматика и поэзия развиваются в Исландии рука об руку. Так, автор ВГТ использует для обозначения созвучий гласных и согласных слово «хендинг», *terminus technicus* скальдов [Uppsala Edda 201: 257]. Автор ПГТ увязывает со скальдической поэзией даже первую, чисто грамматическую часть своего трактата, заметно завязывая от сочинений Присциана и Эльфрика. В ней вместо букв он рассматривает руны; затем, переходя к различным характеристикам слога и ссылаясь при этом на Присциана, он постоянно смотрит в сторону поэзии скальдов: конечную рифму латинского стиха он приравнивает к размеру рунхент (*runhent*), придыхание пытается связать с аллитерацией, а в какой-то момент и вовсе заявляет, что рассматриваемые им особенности слогов и составляющих их букв мало касаются северной поэзии и поэтому больше он про них писать не будет. Вторая же часть ПГТ посвящена объяснению фигур, тропов и изъяснов поэтической речи: пояснительный текст очень близок латинским оригиналам (в первую очередь Донату), однако все примеры заменяются на дротткветт или другие северные поэтические размеры. Аналогичным образом поступает и автор ЧГТ. Всем четырем трактатам в Codex Wormianus предпослан пролог, в котором поэзия довольно своеобразным образом также связывается с развитием грамматического знания в Исландии [IGL 1884: 152–153].

Сюда же можно отнести и термин *málsgrein* (букв. «речеразграничение»), встречающийся в ПГТ (с. 147). Его значение можно объяснить через родственное понятие *hljóðsgrein*

¹¹ Подробнее про морфемы и рифмы см. [Гуревич, Матюшина 1999: 103–119; Gade 1995: 29–35, 67–71].

¹² Как и в случае с «Перечнем размеров» Снорри, есть основания думать, что часть размеров, приведенных Рёгнвальдом и Халлем, была сконструирована самими авторами и никогда не использовалась в действительности: [SkP 3: 1000; Гуревич, Матюшина 1999: 83].

¹³ См. [Faulkes 1993; Jesch 2009; Males 2020: 129–147].

(букв. «звукоразграничение»; см. обсуждение термина *grein* ниже). В своем «Перечне размеров» Снорри Стурлусон объясняет, помимо всего прочего, правила построения внутренних рифм — хендингов. Для того, чтобы построить хендинг, необходимо понимать, какой звук долгий, а какой краткий, какой «твердый», а какой «мягкий» — установки в сознании поэта, благодаря которым он способен различить долгий звук и краткий и представляют собой *hljóðsgrein* [Htt 2007: 3]. В «Языке поэзии» же появляется и *málsgrein*: у Снорри к нему относятся кеннинги, хейти и название вещей своим именем [Skpm 1998: 5]. Ср. также ПГТ, где Олав Белый Скальд переводит донатовское *contra regulam artis grammaticae* («против правил искусства грамматики») как *i móti reglum réttra málsgreina* («противно правильному устройству речи») [TGT 1927: 49]. Таким образом, *málsgrein* можно истолковать как набор правил и установок (ср. англ. *framework*), благодаря которым возможен анализ речи, как некий механизм ее правильного построения — по-видимому, понимаемый довольно схожим образом поэтами и грамматиками.

Впрочем, как пишет и сам автор ПГТ об использовании им латинского алфавита, усвоение западноевропейских образовательных практик — практик письма и анализа текстов — обогащает не только исландскую поэтологическую традицию: с 1117 г. начинается запись исландского права, полученные в результате изучения грамматики знания применяются для записи дорогих сердцу исландцев саг и родословных, устная передача которых к тому времени не прекратилась.

Источники и параллели

Об авторе трактата известно мало, что породило множество теорий о его личности¹⁴. Мы знаем, что это был исландец, так как он (или она) говорит об исландском как о «своем» языке (с. 143). Он пишет от первого лица и явно осознает свое авторство, так как часто использует местоимение «я», предлагая что-то новое, что отличает его от типичного рассказчика родовой саги [Кузьменко 2011: 111]. Чуть больше можно сказать о том, какие тексты Граматику были известны. Судя по параллелям с латинскими грамматиками и по тому, что автор цитирует Катона в оригинале, Грамматик получил образование, в которое входило изучение латыни и латинской грамматики [Males 2020: 32]. Хотя ожидаемо было бы увидеть влияние Доната («*Arts Minor*»), переключек с его грамматикой не очень много, так как она посвящена только частям речи, а они не занимали составителя ПГТ. При этом с Донатом в том или ином виде Грамматик был знаком, так как в Трактате встречаются схождения с комментарием к Донату Ремигия Осерского («*Commentum in artem primam Donati*» и «*Commentum in artem maiorem Donati*», IX в.) — в фантастической этимологии слова *titull* ‘титло’ (лат. *titulus*, которое Ремигий возводит к *Titan* ‘бог солнца, солнце’) [Hv 1972: 191], а также, возможно, в случаях, где речь идет о греческом языке [Holtmark 1936: 90; Кузьменко 2011: 113]. Более значимой для автора ПГТ была грамматика Присциана, часть которой как раз посвящена звукам и буквам, с ней в ПГТ есть несколько терминологических пересечений [Hv 1972: 192]¹⁵.

Отдельный интерес представляют примеры, которые Грамматик использует для иллюстрации своих идей. Среди множества обозначений самых разных предметов мы находим не только прямые цитаты из скальдических вис (см. выше), но и некоторые образы, которые встречаются также и в сагах об исландцах. Так, в примере «**Мутны** (*Súr*) глаза **свиньи** (*fýr*), но так лучше, чем если бы они выскочили» (*Súr erv evgv fyr slið duga betr en sþryngi*

¹⁴ Последний обзор проблемы авторства Трактата предложен в статье Ю. К. Кузьменко, где в качестве автора Трактата предлагается считать Торорда Мастера рунического письма, чей трактат о рунах, возможно, был использован в качестве источника для ПГТ [Кузьменко 2011].

¹⁵ О латинских источниках Грамматика см. также [Holtmark 1936: 75–99; Sverrir Tómasson 1988].

ур, с. 145) видны параллели с двумя героями так называемых «саг о поэтах» (*skáldsögur*)¹⁶. Одного из героев «Саги о Халльфреде Трудном Скальде» зовут Грис (*Gris*), что созвучно др.-исл. *gríss* ‘поросенок’; при этом по сюжету саги Грис подслеповат, буквально — у него как раз «мутные глаза»: *Gris var heldur óskyggn og súreygur* [ÍF VIII: 145] («Грис был довольно близорук и подслеповат»). В свою очередь, в «Саге о названных братьях» появляется вторая часть примера Грамматика — высказывающиеся из головы глаза, — когда обиженная Торбьёрг угрожает скальду Тормоду тем, что «оба глаза выскочат из его головы» (*bæði augu skulu springa ór höfði þér* [ÍF VI: 175]). Примечательно, что в обеих приведенных сагах главными героями являются скальды, — хорошо знакомый со скальдической традицией, Грамматик мог быть знаком и с устной традицией рассказов о скальдах. Использование таких примеров могло быть рассчитано на знающего читателя, способного оценить умение Грамматика подобрать остроумный пример в условиях тех ограничений, что он сам себе поставил¹⁷.

Лингвистическая концепция Первого грамматического трактата

Грамматик видит свою цель в создании алфавита, соответствующего звуковому строю древнеисландского языка, что заодно позволило бы навести порядок в использовании букв в рукописях. Результатом его работы становится не только фонографический алфавит, где каждой фонеме соответствует отдельный знак, но и само рассуждение о создании алфавита, уникальное для Средневековой Европы¹⁸. За основу он берет латинский алфавит, отбрасывая ненужные буквы (с. 143); некоторые же буквы вводит сам¹⁹. Критерии, по которым Грамматик подбирает буквы для алфавита, исходят из средневекового понимания самого термина «буква» (лат. *littera*, др.-исл. *stafr*). В латинской грамматической традиции буква считалась наименьшей озвучиваемой единицей и имела три воплощения: название (*nomen*), письменную форму (*figura*) и значимость (*potestas*), т. е. звучание (см. у Доната и затем у Присциана со специальной оговоркой, что *potestas* связано именно с произношением [НВ 1972: 42–45]). Этим трем воплощениям в ПГТ соответствуют *nafn* (*nomen*), *líkneski* или *vöxtr* (*figura*) и *jartein* или *atkvæði* (*potestas*) [Кузьменко 1985б: 81]; при этом если понятия *líkneski* и *vöxtr* очень близки (в нашем переводе «облик» и «начертание» соответственно), то понятия *jartein* и *atkvæði* различаются, см. ниже. Концепция подразумевает, что буква может проявляться в каждом из трех воплощений, т. е. может каким-либо

¹⁶ Подробнее об этом подтипе родовых саг см. коллективную монографию [Poole 2001].

¹⁷ Стоит обратить внимание и на то, что сам рассматриваемый пример имеет черты скальдических строк, так как в нем есть аллитерация, хендинги, а также конечная рифма (*styr — yr*) [Кузьменко 2013: 11–12].

¹⁸ Хотя сочинения об алфавитах появлялись и в других письменных традициях (ср., например, труд черноризца Храбра кон. IX — нач. X в. [О письменах 1981; Кузьменко 1985а: 11]), ПГТ представляет собой известное исключение для Европы XII в.: фонологические принципы создания исландского алфавита обсуждаются в нём не только весьма подробно, но и на собственно исландском языке. Единственным полноценным аналогом ПГТ можно назвать только ирландские грамматические трактаты VII в. [Кузьменко 1985б: 79]. Попытку схожей работы можно увидеть также в труде древнеанглийского монаха Орма под названием «Ормулум» — однако в нем нет ни степени подробности, присущей ПГТ, ни его заявки на создание алфавита для языка в целом [Волконская 2015: 83].

¹⁹ Хотя обозначения для гласных, которые предлагает Грамматик, встречаются в XII в. и в других рукописных традициях [НВ 1972: 26].

образом называться, писаться или звучать. Поэтому для Грамматика абсолютно естественно говорить о буквах, но при этом описывать их звучание²⁰; эту особенность поведения Грамматика представляемый перевод сохраняет. Из трехчастной природы буквы вытекает и главный критерий отбора букв для родного алфавита у Грамматика — заимствуемая буква должна в древнеисландском языке верно произноситься (быть «верно-произнесенной» — *réttræðr*), т. е. в родном языке Грамматика она должна звучать так же, как и в том языке, откуда буква берется, ибо только оригинальное произношение буквы (т. е. закрепленной за ней фонемы) будет соответствовать ее истинной природе. Так как в основном алфавит заимствуется из латыни, то именно латинское произношение заимствованных букв считается «верным»²¹.

Грамматик различает букву и звук терминологически: для обозначения разных аспектов звука он использует термины *hljóð* ‘звук’, *atkvæði* ‘звучание’ и *jartein* ‘значение’. Стремясь понять, как Грамматик эти термины употребляет, необходимо учитывать, что ему, как и другим средневековым авторам, чужда современная идея строгой и однозначной терминологизации — для одного и того же понятия или явления он может использовать несколько синонимов и, с другой стороны, обозначать разные понятия одним многозначным словом. Понятие *hljóð*, обозначавшее в др.-исл. звук вообще (необязательно языковой), у Грамматика соответствует лат. *sonus* [НВ 1972: 61–63]. По смыслу это нечто близкое тому, что в XX в. в терминологии Пражского лингвистического кружка получит название фонемы, хотя, конечно, совсем не то же самое²². *Hljóð* появляется в Трактате как отдельная единица: каждому языку присущ тот или иной набор *hljóð*, отражающийся в буквах, что особенно заметно при «трансплантации» алфавита одного языка на другой — набор *hljóð* языка «донора» может отличаться от набора языка, куда производится заимствование, отсюда возникают «лишние» буквы²³. Как единица инвентаря *hljóð* включает в себя качественные характеристики, т. е. акустические и артикуляционные сходства и различия между разными звуками: так, *hljóð* могут быть одинаковы у разных языков²⁴, а некоторые гласные у Грамматика сочетают в себе черты двух разных *hljóð*²⁵.

Теперь следует указать, чем от *hljóð* отличаются *jartein* и *atkvæði*. Из этих двух терминов *jartein* яснее — он описывает звук как план содержания буквы, письменного знака. Имея в неспециальных контекстах в др.-исл. значение ‘свидетельство, признак; залог

²⁰ Ср. например, как в описании *E* сочетаются её написание и произношение: «*E* пишется с завитком от *a*, но в основе своего начертания (*vǫxtir*) — как *e*, ведь эта буква сложена из них обеих: [она произносится] менее открытым ртом, чем *a*, но более, чем *e*» (*E er ritinn með lykku as en með þllum vexti es, sem hann er af þeim tveim samfeldr; minnr opnum munni en a, en meirr en e*, с. 144).

²¹ На образцовое произношение букв в латыни указывает и само употребление термина *réttræðr*: во всех случаях он используется в связи с указанием на латинский язык [НВ 1972: 53, ср. ту же интерпретацию Naugen 1950: 43].

²² Ср. обсуждение фонемы у Н. С. Трубецкого, для которого наиболее значимыми характеристиками фонемы является то, что это 1) неразложимый член фонологической оппозиции и 2) различительный признак, тот звук, благодаря которому можно отличить одно слово от другого [Трубецкой 2000 (1960): 41–42].

²³ Ср. *Hveriga tungu er maðr skal rita annarar tungu stjofum, þá verðr sumra stafa vant, [af] því at hverr tunga hefir hljóð þá er eigi finnaz í annari; svá ganga ok sumir stafir af] því at eigi finnaz þat hljóð í tungunni, sem stafirnir hafa, þeir er af ganga / «Какой бы язык человек [ни] стал записывать буквами другого языка, некоторых букв не хватит, [потому что в каждом языке есть звуки, которые нельзя найти в другом языке; таким же образом некоторые буквы лишние], потому что в [его] языке не находится такого звука, какой есть у лишних букв» (с. 142).*

²⁴ Ср. цитату в предыдущей сноске.

²⁵ *Ø, hann er af hljóði es ok os feldr saman, minnr opnum munni kveðinn en [e] ok meirr enn o, enda ritinn af] því með kvisti e[s] ok með osins hring / Ø смешана из звуков *e* и *o* и произносится менее открытым ртом, чем *e*, но более, чем *o*; вот и записана потому с чертой от *e*, но с кругом от *o* (с. 144).*

истинности', в лингвистических контекстах, в частности в Трактате, *jartein* — это означаемое, значение знака (буквы), то, что представлено буквой, а соответствующая функция буквы передается глаголом *jarteina* 'знаменовать'. *Jartein* больше всего соответствует лат. *potestas* в средневековой грамматической традиции (см. выше)²⁶.

Термин *atkvæði* сложнее, так как контекстуально он пересекается и с *hljóð*, и с *jartein*. Его основа, глагольное сочетание *kveða at* 'говориться, выносить суждение, определять', имеет в Трактате специальное значение 'произносить(ся), звучать'²⁷. Соответственно, *atkvæði* может быть понято как 'звучащая речь', с акцентом на сам акт произнесения²⁸. Свидетельством в пользу такой трактовки служит замечание Грамматика, что «согласные не могут сами по себе произнести ни [связной] речи, ни [отдельного] произнесения / звучания (*atkvæði*)» (*samhljóðendr megu ekki mál eða atkvæði gora einir við sik*, с. 143), где *atkvæði* относится к естественно произносимой речи: именно ее не могут составить сами по себе согласные, тогда как в качестве *hljóð* (единицы инвентаря, отличной от других единиц) или *jartein* (плана содержания буквы) любой согласный самостоятелен. Именно поэтому рассуждения Грамматика в части о гласных и в части о согласных различаются. Так, в обсуждении гласных Грамматик подбирает верное написание букв к звукам исландского языка, т. е. мысленно идет от звуков (единиц инвентаря) к буквам — там используется только термин *hljóð*. При обсуждении же согласных направление мысли Грамматика идет от букв к тому, как именно их правильно назвать и произнести с учетом трудности их фонетического «отъединения» от гласных — у согласных в самом названии заложено то, что они звучат вместе с чем-то (*samhljóðendr*, букв. «вместе звучащая»), а потому Грамматику только и остается, что их верно назвать, для чего ему потребуется уточнить их *atkvæði* («звучание») — потому здесь уже постоянно используется термин *atkvæði*.

В приведенной интерпретации *hljóð* является звуком — единицей звуковой системы, а *atkvæði* — звуком в аспекте его произнесения, звуком — частью потока речи. Это не единственная возможная трактовка: совсем иначе термин *atkvæði* интерпретировал Хрейн Бенедиктссон, который считал коннотации «говорения» для *atkvæði* второстепенными и трактовал его как замену нетерминологичного и не специфично-языкового *hljóð* [НВ 1972: 58], т. е. *atkvæði* описывает звук именно как звук языка, имеющий лингвистическую роль (ср. понятие фонемы) и потому подлежащий буквенному выражению³⁰. Независимо от выбранной трактовки следует, однако, признать, что разница между *atkvæði* и *hljóð* может в Трактате контекстуально нивелироваться, ср. «хотя звук или звучание, которым обладают согласные, едва ли могут быть произнесены сами по себе» (*þó at þar hljóð eða atkvæði, er samhljóðendr hafa, megi varla eitt saman at kveða*, с. 148).

²⁶ «Итак, некоторые согласные имеют собственные облик (*líkneski*), имя (*nafn*) и значение (*jartein*)» (с. 149).

²⁷ См. в словаре Клисби значение *kveða*, 2, gramm.

²⁸ Таково понимание Э. Хаугена: «in FGT it [*atkvæði*] everywhere refers to the sound in general, specifically the mass of it», «*kveða at* ... is the activity of the speaker» [Einar Haugen 1950: 47]; ср. тж. *lydmasse* «звуковая масса» в датском переводе В. Далерупа и Финнура Йоунссона [Ibid.].

²⁹ *Skal þat atkvæði hvers þeira í hverju máli vera, sem þá lifir nafnsins eptir; er ór er tekinn raddarstafr ór nafninu* / В любой речи должно быть звучанием каждой из них то, что остается от их имени, когда из него изъята гласная (с. 148).

³⁰ В таком понимании звук у Грамматика передается двумя специальными терминами с разных точек зрения: *atkvæði* — это звук как исходная точка рассмотрения, нечто подлежащее буквенному выражению (звук как то, у чего есть знак), а *jartein* — это звук как то, что мы узнаем при чтении буквы (звук как то, что есть у знака) [НВ 1972: 58]. В перспективе латинской ученой традиции Хрейн Бенедиктссон соотносит *atkvæði* / *kveða at* с *elementum*, выступавшим как слышимая единица и противопоставленным *littera* как письменной единице, а также *pronuntiatio* 'произнесение, речь' и *profero* 'выражать, говорить'; однако термины Грамматика, по-видимому, самостоятельны и применяются не вполне так же [Ibid.: 60–61]

Как уже было сказано, рассуждение об алфавите Грамматик делит на две части, посвященные гласным и согласным, *raddarstafr* и *samhljóðendr*. Наиболее вероятно, что используемые грамматиком термины созданы по образцу латинских терминов *vocales* и *consonantes* [НВ 1972: 50–51]. Гласные и согласные для Грамматика различаются по критерию их отдельного произнесения (см. трактовку *atkvæði* выше): желая произнести гласную букву отдельно, мы легко можем это сделать (например, *e* как [e]), в то время как назвать согласную отдельно от гласной не получится (букву *m* называют [em]). По той же причине согласный не может образовать без гласной слога (*samstafa*)³¹. Поэтому гласные, по мнению Грамматика, сильно превосходят согласные («настолько, насколько всемогущий превосходит полумогущего», с. 144). Что касается первой части др.-исл. термина для гласных, *rōdd*, в широком смысле это слово обозначает голос, звучание человеческой речи; в переводной литературе, как правило, используется для лат. *vox*. Вместе с тем в грамматической литературе формируется специальное значение этого слова: неартикулированный голос, противопоставленный речи.

Подробнее всего это разделение проводится в ВГТ. Автор ВГТ выделяет три способа организации звуков (*hljóðsgrein*): 1) собственно звуки (*hljóð*), которые может издавать неживая материя (треск дерева, звон оружия и т. д.); 2) голос (*rōdd*), который могут подавать животные — люди иногда могут понять намерения животных по их голосу, но в целом он неосмыслен (*skynlaus*); 3) речь (*mál*), которая включает в себя и звук (*hljóð*), и голос (*rōdd*) — она присуща только людям, поскольку для нее необходимы память (*minni*) и разум (*vit*) [Uppsala Edda 2012: 251]. В ТГТ Олав Белый Скальд не проводит настолько же четкой формальной границы между голосом и речью, по-видимому, следуя за своими латинскими образцами, которые пользуются словом *vox* — и во вводной части своего трактата он последовательно переводит его как *rōdd*. Тут же, однако, он выделяет (на основе Присциана) многочисленные разновидности голоса: у него фигурируют, к примеру, незначимый голос (*ómerkilig rōdd*), который формирует слова без значения (у Олава *búbá*, *blictrix*); значимый по природе голос (*merkilig rōdd af náttúru*), например плач младенцев и стоны больных; значимый по составу голос (*merkilig rōdd af setning*), который производит по своему волею человек, обладающий разумом (*skynsamligt*) [TGT 1927: 20–22]. Последнее автор ВГТ вполне мог бы назвать *mál*, что появляется и в следующих главах ТГТ, где Олав уже более самостоятелен: везде, где используется слово *mál*, оно обозначает речь, язык или высказывание (к примеру, [Ibid.: 45, 49]) — то есть не просто «голас, который есть воздух» (*rōdd er lopt*), а рациональную и организованную систему обладающих значением звуков (см. также о *málsgrain* выше). В др.-англ. когнат др.-исл. *rōdd* — *reord* — имел базовое значение «изречение», как правило человеческое, и зачастую использовался для обозначения языков (греческого, иврита, древнеанглийского и т. д.)³². Обладание *reord* зачастую служило характеристикой человеческого рода, его отличительным признаком: так в дошедшем до нас корпусе древнеанглийской поэзии можно встретить

³¹ Термин *samstafa* ‘слог’ (или *samstofun* — варианты не обнаруживают смысловых различий) частично калькирует греч. *συλλαβή* (лат. *syllaba*) < *συλλαβάνω* < *σύν* ‘вместе’ + *λαβάνω* ‘брать’, ср. *sam(an)* ‘вместе’ + *stafa* ‘располагать (буквы)’. Понятие применяется в Трактате в русле средневековой ученой традиции [НВ 1972: 103–105]. У латинских авторов в определении слога на первый план могли выходить как просодические характеристики (*spiritus* ‘выдох’, *accentus* ‘тон, ударение’), так и идея «сочетания» букв (в соответствии с внутренней формой термина); во втором случае становилось проблемным признание слогов из одного гласного, однако Грамматик признает возможность существования таких слогов (с. 143, 148). Кроме того, Грамматик считает слогообразующий характер отличительным свойством гласных: в дифтонге один из гласных «отвергает свою природу (*edli*) и скорее тогда уже может называться согласной [буквой]» (с. 147). Термину соответствуют глагольные сочетания *stafa við(r) / saman*, которые применяются к образованию дифтонга из двух гласных и к соединению гласных с согласными (ср. термин *fella saman / samfelldr*, чаще всего используемый в разговоре об удвоении согласных).

³² Ср. готск. *razda*, тоже означающее ‘речь’.

составное слово *reord-berende* — «наделенный речью, носящий речь» — в основном при описании группы людей; в поэме «Беовульф» соответствующий глагол (*reordian*) используется применительно к ворону, «рассказывающему» о пиршестве на поле битвы; Вёо. 3025 [Stanley 2011]³³.

Итак, Грамматик выделяет ряд основных гласных (*a, e, i, o, u, ɔ, ɛ, ø, y*)³⁴, каждая из которых образует иную «букву», когда произносится в нос (и это единственное упоминание о носовых гласных в древнеисландских текстах) и когда произносится кратко или долго. Он также противопоставляет гласные, взятые из латинского языка, и гласные, которые он ввел сам (*a, e, i, o, u* vs. *ɔ, ɛ, ø, y*)³⁵, фонологически отличающиеся от латинских букв-«доноров» по ряду (*o — ø, u — y*), подъему (*e — ɛ*) или лабиализации (*a — ɔ*), что Грамматик объединяет под признаком «степень открытости рта», ср., например: «*ɔ* имеет завиток от *a*, а круг — от *o*, потому что в ней соединены звуки их обеих и произносится она менее открытым ртом, чем *a*, но более, чем *o*» (с. 144). Для иллюстрации Грамматик использует метод противопоставления, когда буквы схожего типа ставятся между одинаковыми согласными и при этом значение слова меняется: так, в одной и той же позиции долгая и краткая гласные образуют разные слова, ср. имя Гудрёд (в Трактате дано в Dat.sg., *godrøði*, в орф. трактата *goprøþe*) и словосочетание «добрые грёби» (*góð ræði*, в орф. трактата *góþrøþe*), т. е. «хорошие весла» (с. 146)³⁶. Этот подход исследователи часто называют первым случаем последовательного использования метода минимальных пар [НВ 1972: 81; Кузьменко 1985б: 82]³⁷. Тот же принцип различения по долготе применяется и к согласным: для долгих согласных Грамматик предлагает иное обозначение, чем у кратких (*bb* обозначается как *v, mm* — как *m* и т. д.).

Ключевым для понимания метода противопоставлений Грамматика является термин *grein*. Базовое значение этого слова — «ветвь», «ответвление», «побег»; слово может обозначать в том числе ветвь генеалогического древа; среди производных значений — «разногласие», «различие» (*distinction*) [Cleasby, знач. 2]. Соответственно, основную идею Грамматика можно понять так, что девять исходных гласных как бы дают побеги и в совокупности производят тридцать шесть различных «отростков» — таким образом, каждая основная гласная имеет четыре проявления: долгая / краткая носовая и долгая / краткая неносовая. При этом, как уже было отмечено выше, Грамматик выводит и «новые» исландские гласные из латинских и потому у него, например, *ɔ* является как бы генеалогическим потомком *a* и *o*: их соединением он объясняет и звучание, и форму написания этой буквы (с. 144). В результате, чтобы показать необходимость различия старой латинской и новой исландской букв, связанных между собой, Грамматик вынужден их различать так же, как он различает *a* краткую и *a* долгую и т. д., с помощью метода минимальных пар (с. 145) [Perridon 1985: 85–86; ср. также Ulvestad 1976]. Всю систему разграничений, проделанных Грамматиком, можно проиллюстрировать диаграммой для «ответвлений» *u*, предложенной Гарри Перридоном, где в каждом «колене» отражены разные типы «потомков» этой буквы

³³ Ср. схожее употребление в «Care о Вёльсунгах», где Сигурд начинает различать язык, или голоса, птиц (*Ok er hjartablóð ormsins kom á tungu honum, þá skildi hann fuglaröðd* [Völs 1965: 33]).

³⁴ Приведем их предполагаемое произношение в МФА для языка времен Грамматика: *a* [a], *ɔ* [ɔ], *o* [o], *u* [u], *y* [y], *i* [i], *e* [e], *ɛ* [ɛ], *ø* [ø]. Ср. обзор древнеисландской системы вокализма в [НВ 2002].

³⁵ По мнению Грамматика, *y* — не латинская буква, а греческая: см. ниже перевод, с. 151.

³⁶ Материал для этого примера Грамматик находит у скальда Тьодольва Арнорссона [SkP 2: 152].

³⁷ Хотя противопоставление, например, по долготе появляется уже у Исидора Севильского (560–636) в «Этимологиях» на примере *populus* vs. *pōpulus*, существенно, что в латинской традиции такие противопоставления были скорее редкостью и не образовывали системы, подобной предлагаемой Грамматиком [НВ 1972: 77–79; ср. также Кузьменко 2013: 9–11]. При этом система Грамматика, конечно, не идеальна, ср. ряд наблюдений, приведенных в работах [Leoni 1975; Ulvestad 1976; Perridon 1985; Koerner 1997], однако это не отменяет его достижений.

(«старые» и «новые» гласные, различаемые по «открытости/закрытости» (в терминах Грамматика), а также различия каждой из основных гласных по назализации и долготе):

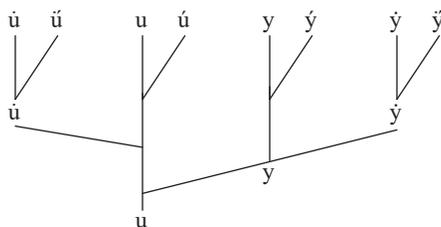

Рис. 1. Диаграмма из [Perridon 1985: 86]

Хрейн Бенедиктссон заметил, что в тексте трактата *grein* используется в двух разных значениях: 1) как отношение расхождения, различия между элементами или их группами (с. 145) и 2) как сами различающиеся элементы (с. 145), которые можно было бы понимать как современную «фонему» [НВ 1972: 69]. Хотя Хрейн Бенедиктссон и Эйнар Хауген в обоих случаях переводят *grein* как «distinction», передача столь разных смыслов одним словом, по крайней мере в русском переводе, могла бы привести к терминологической путанице — так, в случае, когда Грамматик пишет, что привел 36 *greinir*³⁸, перевод «36 различий» создает впечатление, что он привел 36 видов различий, хотя на самом деле их у Грамматика намного меньше; назвать же *grein* «различием» в значении «фонемы» [Ibid.] значило бы излишне модернизировать текст, а кроме того, русского читателя такое использование одного термина в разных значениях могло бы запутать. Поэтому мы переводим *grein* в первом значении как «разграничение», а в контекстах со вторым значением *grein* используем слово «ответвление»; для большей ясности оригинальный термин в каждом случае приведен в скобках. Как кажется, такое переводческое решение позволяет по достоинству оценить новаторство и оригинальность Грамматика. В самом деле, с одной стороны, прибегая к характеристике букв через смысловоразличительные пары, Грамматик в каком-то смысле опережает своих латинских коллег, в чьих трудах упоминание минимальных пар в лучшем случае встречается в качестве единичных примеров, но отнюдь не становится краеугольным камнем самостоятельного рассуждения (см. сноску 37). С другой стороны, хотя Грамматик вводит в трактат описание букв через смысловоразличительные оппозиции, он, в отличие от современного фонолога, делает это не ради того, чтобы дать последовательную картину фонологического строя исландского языка или сформировать целостную фонологическую теорию, а лишь затем, чтобы объяснить свои решения при формировании набора необходимых букв (ср. также [НВ 1972: 49]).

Наконец, в двух местах Трактата Грамматик упоминает руны (*rún*, с. 144, 146). В этих контекстах руны могут пониматься либо широко, т. е. как письменные знаки, буквы любого нелатинского алфавита, либо как знаки именно рунического алфавита, альтернативного письменному латинскому языку. По мнению Хрейна Бенедиктссона и Эйнара Хаугена, автор трактата использует термин «руна» (*rún*) в качестве стилистического варианта для термина «буква» (*stafi*), тем самым заимствуя терминологию из метаязыка, связанного с руническим письмом [НВ 1972: 42, 53; Naugen 1950: 40–41]. Иную трактовку предложил Магнус Олсен, по мнению которого Грамматик использует термин *rún* уничижительно,

³⁸ *Enda tel ek þik þá eigi hafu vel svarat, er þú lætr eigi þurfa í váru máli þessa níu raddarstafi: a, o, e, e, i, o, ø, u, y, allra helzt ef ek klýf ór þessum níu sex greinir ins fjórða tegar, þær er sitt mál gori hverr, ef glöggt eru skildar* / Итак, говорю, что твой ответ нехорош [тем], что ты отрицаешь потребность нашей речи в этих девяти гласных: a, o, e, e, i, o, ø, u, y, и это при том, что я вывожу из этих девяти тридцать шесть ответвлений (*grein*), из которых каждое производит свой смысл, если их четко различить (с. 145).

с презрением к неясной и неопределенной практике записи звуков при помощи рун, которой придерживается воображаемый оппонент, с которым здесь ведется спор [Olsen 1937: 113, цит. по НВ 1972: 42, fn. 1]. В замечании Грамматика об «угадывании рун там, где они не ясны» (с. 144) прослеживается неоднозначность употребления рун, что связано с особенностью их бытования и использования: младший рунический алфавит содержал всего 16 знаков, где один знак мог обозначать разные звуки, имел региональные различия в написании, а кроме того использовался преимущественно для бытового письма на предметах, а не в книгах³⁹. Как кажется, в ответе Грамматика переплетаются два терминологических пласта. С одной стороны, руны — это неструктурированная система письма, неотъемлемой частью которой является угадывание символов, а с другой — стилистический синоним термина «буква», т. е. часть той структурированной системы, которую создает Грамматик, но навык к которой еще только предстоит внедрить. Схожее соединение заметно в другом примере употребления термина *rún*, когда их расшифровкой становится термин *málstafr* — это, с одной стороны, синоним для буквы (*stafr*), а с другой — указание на буквы именно живого языка (в противовес *bókstafr* — латинским, книжным буквам) (с. 144).

Прежние издания и особенности настоящего перевода

Прежние издания ПГТ включают в себя параллельное исландско-латинское издание Свейнбьёрна Эгильссона и Йоуна Сигурдссона [Edda 1852: 10–43], датский перевод Вернера Далерупа и Финнура Йоунссона [Dahlerup, Jónsson 1886], немецкий перевод Неккеля и Ниднера [Neckel, Niedner 1925: 334–349], английские переводы Эйнара Хаугена [Haugen 1950] и Хрейна Бенедиктссона [НВ 1972], итальянский перевод Альберто Леони [Leoni 1975] и хронологически последний — шведский [FGA 2002].

Предлагаемый перевод является плодом двухгодичного семинара, целиком посвященного переводу ПГТ и его обсуждению. Читателям, знакомым с оригинальным текстом трактата, известна особая сложность его ученого стиля, изобилующего длинными периодами с большим количеством вставных конструкций и повторов. В этом плане язык трактата максимально далек от языка древнеисландских саг, с которым в основном знакомы русскоязычные читатели. Поэтому одной из главных задач семинара было выработать стратегию перевода, которая позволяла бы, с одной стороны, сохранить эту сложность и даже тяжеловесность стиля, а с другой — не упустить и донести до читателя мысль Грамматика. Так мы, например, часто сохраняем лексические повторы или вставные конструкции на их оригинальных местах, если это возможно, но при этом стараемся разбивать чересчур длинные периоды, чтобы текст оставался понятным. Наконец, текст оригинала дается там, где это необходимо, в постраничных примечаниях в нормализованной орфографии по стандартам изданий инициативы MENOTA для удобства следования за переводом, с опорой на транскрипции Эйнара Хаугена и Хрейна Бенедиктссона. В тексте трактата в дипломатической орфографии по изданию Бенедиктссона даются примеры Грамматика (чтобы лучше было видно, что он чему противопоставляет); в случаях, когда их сложно идентифицировать неспециалисту, в примечаниях дается нормализованный вариант.

Авторами перевода и комментария являются участники научно-учебной группы «Лингвистическая мысль средневековой Исландии: Первый грамматический трактат» (НИУ ВШЭ, 2020–2022): Д. Г. Аношкин, Е. Д. Воробьева, Д. С. Глебова, Д. А. Голованенко, М. А. Зенкова, А. Ф. Литвина, М. М. Орловская, Т. Р. Сизоненко, Д. И. Савельев, Ф. Б. Успенский и Д. Д. Хазанкин. Кроме того, большую помощь нам оказали коллеги из «Варяжского клуба» (семинар Ф. Б. Успенского в рамках «Лаборатории ненужных вещей»), на заседаниях которого мы также часто обсуждали Трактат — М. О. Стражников,

³⁹ Подробнее о рунической грамотности см. [Patzuk-Russel 2021: 41–44, 215–221; Seim 1988: 17–20].

Р. С. Маловицкий и многие другие. «Введение» обсуждалось на отдельных встречах, в которых участвовали, кроме авторов этой статьи, Ф. Б. Успенский, А. Ф. Литвина, Д. Д. Хазанкин, Е. Д. Воробьева и М. А. Зенкова. Отдельно хотелось бы поблагодарить Ольгу Александровну Смирницкую, а также анонимных рецензентов, которые сделали множество ценнейших замечаний к переводу и вступительной статье. Наконец, неоценимой помощью было чуткое внимание Федора Борисовича Успенского и Анны Феликсовны Литвиной, без участия и наставничества которых этой инициативы и ее реализации бы не случилось.

Текст

В большинстве стран люди заносят в книги либо сведения [о том], что случилось внутри страны, либо [о том], что представляется наиболее достопамятным, хотя бы и случилось где-то еще, либо люди заносят в книги свои законы — каждый народ на своем языке. Но поскольку языки не похожи один на другой — с тех пор как они из одного и того же языка вышли и разошлись — постольку в них должны быть разные буквы, а не одни и те же во всех. Как не пишут греки латинскими буквами по-гречески, и не [пишут] латиняне греческими буквами по-латыни, так и евреи не пишут по-еврейски ни греческими буквами, ни латинскими — но пишет каждый народ своими буквами на своем языке.

Какой бы язык человек [ни] стал записывать буквами другого языка, некоторых букв не хватит, [потому что в каждом языке есть звуки, которые нельзя найти в другом языке; таким же образом некоторые буквы лишние]⁴⁰, потому что в [его] языке не находится такого звука⁴¹, какой есть у лишних букв⁴². Так, англичане пишут по-английски всеми теми латинскими буквами, что верно произносятся⁴³ в английском, но там, где их недостаточно, они используют другие буквы — так много и такие, какие потребны; а те, которые верно не произносятся в их речи⁴⁴, они изымают.

И вот по их примеру, поскольку язык у нас был единый⁴⁵, пусть [со временем] один и сильно отделился от другого (или в некотором смысле они разошлись оба), дабы стало проще записывать и читать, как теперь вошло в обычай и у нас стране, законы,

⁴⁰ [потому... лишние] — реконструкция в квадратных скобках была предложена Хрейном Бенедиктссоном в его издании Трактата [НВ 1972]. До Хрейна Бенедиктссона эту фразу пытались переводить либо дословно, либо с интерпретацией [НВ 1972: 207, fn. 84:7–9], однако исследователь с этими вариантами не согласился, так как фраза «некоторых букв не хватит, потому что в языке не находится такого звука, какой есть у лишних букв» (*þá verðr sumra stafa vant, af því at eig[i] finnsk þat hljóð í tungunn[i], sem stafirnir hafa, þeir er af ganga*) не имеет смысла. Хрейн Бенедиктссон предположил, что переписчик проскочил взглядом фразу, тоже начинающуюся на «потому что» (*af því*).

⁴¹ См. введение о понятии *hljóð*.

⁴² См. введение о понятии *stafa*.

⁴³ См. введение о понятии *réttræðr*.

⁴⁴ [но там, где... изымают] — в ориг. *en þar er þeir vinnask eigi til, þá hafa þeir við aðra stafi, svá marga ok þesskonar sem þarf, en hina taka þeir ór, er eigi eru rétttræðir í máli þeira*. Если *tunga* скорее обозначает **язык** в целом, то *mál* — **речь** как производимый процесс. В спектр значений др.-исл. *mál* входят и процесс говорения / разговора, и «отрезок речи» (предложение / высказывание), и устная речь (наречие). В Трактате присутствуют первые два значения, которые мы различаем терминами «речь» и «высказывание / речение» в зависимости от контекста.

⁴⁵ В оригинале *við erum einar tungu*, т. е. «язык у нас единый». В переводе время изменено, чтобы согласовать последовательность действий, так как далее говорится, что языки разошлись. Схожий образ встречается в прологе к «Младшей Эдде» [Эдда 1970], где говорится об асах, принесших в Скандинавию и в «Страну Саксов» один язык из Азии. Было высказано мнение, что образ

и родословия (*áttvísi*)⁴⁶, и священные сочинения (*þýðingar helgra*)⁴⁷, а также те исполненные глубины сведения (*hin spaklegv fræði*), что Ари Торгильссон с такой пронизательностью изложил в книгах⁴⁸ — так и я составил для нас, исландцев, алфавит⁴⁹, как из всех латинских букв, которые показались мне подходящими нашей речи, ибо они могут быть произнесены верно, так и из других⁵⁰, которые показались мне необходимыми; те же из [латинских букв], что по звучанию⁵¹ не подходят для нашего языка, были изъяты. Некоторые согласные из латинского алфавита были изъяты, а некоторые добавлены. Из гласных букв не было изъято ни одной, а добавлено множество, потому что в нашем языке есть почти все звучные⁵² или гласные⁵³.

Итак, согласные не могут самостоятельно составить ни речения, ни [отдельно произносимого] звучания⁵⁴ — настолько, что без гласной буквы они не могут [даже] иметь имени — а любая из гласных букв может звучать так, как она называется, и из них [любая гласная] произносится во всяком речении, и они таким образом настолько превосходят согласные,

---

подобного общего языка для древней Англии и древней Скандинавии может быть литературным топосом [Hagland 2000].

⁴⁶ В средневековой Скандинавии было несколько терминов для обозначения разных видов родословий: *aettkvísl*, *langfeðgatal*, *aettartala*, *kynkvísl* — перечни родов, генеалогии конкретных родов и королевских династий, родословия с литературным описанием предков (героев) или с историческими сведениями о прошлом. Зачастую сложно определить, что именно скрывается под конкретным термином. *Áttvísi* встречается в Трактате без какого-либо уточнения; возможно, этот термин используется как совокупность всех перечней и жанров родословий. В современной науке генеалогии и родословные выступают как синонимы и понимаются как совокупность сведений или текстов определенной формы (генеалогический перечень, родословие) конкретных людей или родов. Подробнее о термине см. [НВ 1972: 181–182, Успенский 2014: 81–87, Мельникова 2016].

⁴⁷ *Þýðing* происходит от глагола *þýða* ‘интерпретировать, объяснять; означать’, что для исландцев XII в. входило в понятие ‘перевод’. Значение ‘переводить’ (в привычном нам понимании) у этого слова появилось не ранее XVIII в. Под священными сочинениями может подразумеваться не только Священное писание, но и другие религиозные тексты — это могут быть как проповеди, так и ученые сочинения, сохранившиеся в рукописях XII в. [НВ 1972: 182–184; Sverrir Tómasson 2002: 794]. Поскольку автор Трактата не указывает конкретно, переводы каких текстов он подразумевает, в русском варианте мы переводим это словосочетание так же широко.

⁴⁸ Имеется в виду Ари Мудрый Торгильссон (1067–1148), автор «Книги об исландцах», который первым начал записывать исторические сочинения на исландском языке, а не на латыни.

⁴⁹ Термин *stafróf* является калькой с др.-англ. *staefrōf* — это может указывать на то, что Грамматик был знаком с грамматикой Эльфрика [Кузьменко 1985б: 87]. В переводе, для удобства восприятия на русском языке, структура фрагмента «[и вот по их примеру... изъяты]» была частично перестроена, см. ориг. фрагмент [И вот... были изъяты] — *Nú eptir þeira dæmum, alls vér erum einnar tungu, þó at gorzk hafi mjök önnur tveggja eða nokkut báðar, til þess at hægra verði at rita ok lesa, sem nú tíðisk ok á þessu landi, bæði lög ok áttvísi eða þýðingar helgar, eða svá þau in spakligu fræði, er Ari þórgilsson hefir á bækr sett af skynsamligu viti, þá hefi ek ok ritit oss íslendingum stafróf, bæði látínustofum öllum þeim er mér þótti gegna til várs máls vel, svá at rétt ræðir mætti verða, ok þeim öðrum, er mér þótti í þurfa at vera, en ór váru teknir þeir, er eigi gegna atkvæðum várrar tungu.*

⁵⁰ Под другими буквами имеются в виду *ϱ*, *ϕ*, *ø*, *у*, см. далее; о новых гласных Грамматика см. введение о новых буквах и о понятии *grein*.

⁵¹ См. введение о понятии *atkvæði*.

⁵² См. введение о понятии *hljóð*.

⁵³ Скорее всего, имеются в виду почти все гласные из известных Грамматику языков.

⁵⁴ *Atkvæði* оригинала здесь может быть контекстуально переведено как «слог», хотя Грамматик не прибегает к соответствующему термину *samstafa / samstofun*, который использует далее в трактате (о *samstafa* см. введение).

насколько всемогущий превосходит полумогущего, — вот поэтому-то я поставил их в начало и в алфавите, и в дальнейшем рассуждении.

[Гласные]

К тем пяти гласным буквам, что уже были в латинском алфавите — *a, e, i, o, u* — я при- совокупил четыре буквы, которые здесь написаны: *ϕ, ϑ, ϔ, у*. *Q* имеет завиток от *a*, а круг — от *o*, потому что в ней соединены звуки их обеих и произносится⁵⁵ она менее открытым ртом, чем *a*, но более, чем *o*. *E* пишется с завитком от *a*, но в основе своего начертания (*vϕxtir*) — как *e*, ведь эта буква сложена из них обеих: [она произносится] менее открытым ртом, чем *a*, но более, чем *e*. *Ø* смешана из звуков *e* и *o* и произносится менее открытым ртом, чем *e*, но более, чем *o*; вот и записана потому с чертой от *e*, но с кругом от *o*. *Y*⁵⁶ получается при слиянии гласных *i* и *u* и произносится менее открытым ртом, чем *i*, но более, чем *u*, и потому [её] первая ветвь должна быть [полностью подобна начертанию заглавной *i* — и тут же иметь вторую ветвь]⁵⁷ от заглавной *v* [...] как выше⁵⁸ они были показаны в алфавите.

Тут может случиться так, что кто-то ответит: «Я отлично разбираю датский язык⁵⁹, даже если он записан обычными латинскими буквами. Я могу догадаться, как следует это произносить — хоть и не все буквы в том, что я читаю, произносятся верно. Меня не волнует, пишешь ли ты своё *ϕ* или *a*, [ϑ] или *e*, *у* или *u*». На это я отвечаю так: то не заслуга рун⁶⁰, хотя бы ты и хорошо читал или догадывался там, где руны неясны, — то скорее твоя заслуга. И тогда может статься, что я, или же мне подобный (если таковой найдется), не сможем хорошо прочесть или догадаться, как верно произнести — если допустимо прочитать больше чем одним способом — то, что записывается одним способом, а произносится по-разному. Вот и придется гадать [как произнести], в чем ты, как говоришь, преуспел. Но даже если бы всякий мог извлечь [из написанного] что-то разумное, то и тогда следует ожидать, что всё же не все захотят прийти к одному и тому же в тех случаях, когда это значимо (*máli skiptir*)⁶¹, особенно в законах. Итак, говорю, что твой ответ нехорош [тем], что ты отрицаешь потребность нашей речи в этих девяти гласных: *a, ϕ, e, ϑ, i, o, ϔ, u, y*,

⁵⁵ «Буква» у Грамматика включает в себя категорию произношения, см. введение о понятии *stafr*.

⁵⁶ Это место может вызывать вопросы, так как в разделе о согласных автор трактата будет протестовать против использования *y*. Дело в том, что Грамматик различал два символа *y*, один из которых обозначал гласную [y], а второй орфографически был очень похож на *u*, которая используется в позиции согласной (v). Именно от этой второй *y* он далее в трактате откажется [Holtmark 1936: 42; НВ 1965: 24–29; НВ 1972: 92–97].

⁵⁷ [полностью... ветвь] — по мнению Хрейна Бенедиктссона, здесь писец пропустил строку; в своей эмэндации он следует предложению Анне Хольтсмарк [НВ 1972: 211–213].

⁵⁸ Хотя наречие *adr* имеет значение ‘раньше’, в данном контексте буквальный перевод может вводить читателя в заблуждение, так как «раньше» может значить «до этой работы», т. е. в латинском алфавите. Здесь же грамматик отсылает к фрагменту выше по тексту.

⁵⁹ Имеется в виду общескандинавский язык, который в источниках часто называется *dǫnsk tunga* (датский язык), ср. [Haugen 1976: 135–137].

⁶⁰ См. введение о понятии *rún*.

⁶¹ [когда это значимо] — в ориг. *máli skiptir*; здесь придерживаемся традиционного перевода как более точного, ср., например, в словаре Р. Клисби *máli skipta* («if it be of importance»); схожим образом у Фритцнера *skipta máli* («være af Betydenhed» — «быть значимо»). Альтернативный перевод представлен у Э. Хаугена и Хрейна Бенедиктссона: «if it changes the meaning» [Haugen 1950: 14–15; НВ 1972: 15], ср. критику такого перевода в [Ulvestad 1976: 215–216]. Перевод, учитывающий значение ‘переменить смысл сказанного’, возможен в иных случаях, где такая перемена смысла очевидна благодаря примерам Грамматика (см., например, абзац [A вот как... *sýna*]).

и это при том, что я вывожу из этих девяти тридцать шесть ответвлений (*grein*)⁶², из которых каждое производит свой смысл, если их четко различить. Теперь я эти восемь букв — пока никакого ответвления (*grein*) [от] *i* произведено не было — помещу между одними и теми же двумя согласными, каждую в свой черед⁶³. Я приведу примеры и покажу, как каждая [из] них производит свой смысл с помощью одних и тех же букв, будучи помещена в том же месте, один [пример] за другим. И, таким вот образом на протяжении всей этой книжицы буду приводить примеры наиболее вероятных разграничений (*grein*), которые можно произвести буквами: *far fǫr fer fēr for fǫr fur fūr*.

Человек нанёс мне одну рану (*sar*)⁶⁴, я нанёс ему много ран (*fǫr*). [...] Годи поклялся (*sor*) клятвами *надлежащими* (*fǫr*). Мутны (*sur*) глаза свиньи (*fūr*), но так лучше, чем если бы они выскочили⁶⁵.

А вот как, будучи произнесена в нос, каждая из этих девяти букв⁶⁷ порождает другую. И действительно будет это разграничение (*grein*) настолько явным, что оно может переменить суть сказанного (*máli skipta*), как я здесь далее показываю; над теми из них, что произносятся в нос, я поставил точку: *har; hár; rǫ; rǫ; þel; þél; fēr; fēr; isa, isa; orar; órar; óra, óra; þuat, þuat; syna, syna*.

Волосы (*har*) растут у людей и зверей, а *акула* (*hár*) — это рыба. *Резь* (*Rǫ*) — это перекладина для паруса на мачте, а *стык* (*rǫ*)⁶⁸ — это угол дома. *Шерсть* (*þel*) намотана на кулак или служит основой плаща⁶⁹, а *напильник* (*þél*) — это орудие кузнеца. Одно дело, когда овца зовется *fēr*, а другое — когда она *отяжеляется* (*fēr*) ягненком. Просвет был виден в (*Í sa*) тучах, когда мы оказались во льдах (*isa*). *Безумие* (*orar*) вызывает *наше* (*órar*) отвращение.

⁶² См. введение о понятии *grein*.

⁶³ Специальное уточнение Грамматика о том, что отдельного *grein* для *i* произведено не было, привлекало особое внимание исследователей — если Грамматик в данном разделе противопоставляет «старые» гласные из латыни «новым», характерным только для исландского языка, то непонятно, зачем ему специально упоминать *i*, которой ничего не противопоставлено, ср. различные трактовки этого места в [НВ 1972: 118; Ulvestad 1976]. Ориг. *Nú mun ek þessa stafi átta, alls engi grein er enn [á] i gǫr á meðal inna sǫmu tveggja samhljóða setja sitt sinn hvern*.

⁶⁴ Хотя во всех словах, используемых в примерах этого абзаца, были длинные гласные, Хрейн Бенедиктссон дает примеры без акцентных знаков, руководствуясь тем, что акцентных знаков нет в рукописи (кроме слова *sár*) и тем, что Грамматик еще не ввел категорию долготы в свое рассуждение. Так как в данном переводе примеры Грамматика даются по дипломатическому изданию Хрейна Бенедиктссона (в рукописи не всегда сохраняются задуманные Грамматиком значки), то и здесь акцентные знаки опускаются. См. в нормализованной орфографии: *Sár veitti maðr mér eitt, sǫr mǫrg veitta ek honum. [...] Sór goðinn einn sóren [særin]. Súr eru augu sýr; slík duga betr en spryngi ýr*.

⁶⁵ Видимо, при переписывании был пропущен пример, различающий *ser* и *sēr*.

⁶⁶ Некоторые примеры Грамматика рифмуются между собой (*sýr... ýr*). Кроме того, к образам из этого примера находятся параллели из саг о поэтах, см. *Источники и параллели*.

⁶⁷ Имеются в виду восемь букв, участвующих в противопоставлениях, и *i*, которая была включена в список ранее. Ср. прим. 65.

⁶⁸ Слово *rǫ* вызывает немало проблем при переводе, так как обычно оно употребляется для обозначения угла — но поскольку Грамматик его определяет через другое слово «угол» (*hyrning*), то переводчики вынуждены искать другой вариант. Так, например, Хрейн Бенедиктссон, переводя все примеры Грамматика, именно это слово не переводит [НВ 1972: 217]. Здесь используется слово «стык», которое обозначает соединение двух концов чего-либо, в том числе под углом. Другим вариантом могло бы быть слово «врубка», однако оно было бы актуально скорее для норвежского контекста, так как подразумевает конструкцию дома из бревен.

⁶⁹ [Шерсть... плаща] — в ориг. *þel er á hnefa bundnum eða hlutr feldar; en þél er smíðartól*, букв. «шерсть — намотана на кулак или часть плаща». Не совсем ясно, что имеется в виду под «частью плаща»; возможно, речь о том, что шерсть используется в составе одежды.

Старший ребенок должен быть спокоен, ибо старший может *раззадорить* (*þra*) младшего (*þra*). Где ты (*þu at*) лежал, там перина придавлена (*þuiat*). Я покажу (*sýna*) тебе воду в трюме в три локтя (*syna*) глубиной.

Теперь гласных букв получается вот столько: *a, á; o, ô; e, é; e, ê; i, í; o, ó; ø, ø; u, ú; y, ý*. Но хотя я не прибавлю больше гласных букв — а гласных обнаружилось в нашей речи восемнадцать, произведенных из пяти латинских гласных, — однако полезно знать о том, что у гласных букв есть еще одно разграничение (*grein*) — как у тех, что были в алфавите прежде, так и у тех других, что были добавлены теперь, — то, что меняет смысл (*máli skiptir*), в зависимости от того, долгая [это] буква или краткая, как у греков, которые пишут одним образом долгую букву, а другим — краткую. Они пишут краткую *e* так: *ε*, а ту же букву, но долгую — вот так: *η*⁷⁰; *o* краткую вот так: [*o*], а долгую так: *ω*⁷¹. Я покажу это разграничение (*grein*) [на примерах], потому что оно меняет смысл сказанного (*skiptir máli*) так же, как и прежние [разграничения], и отмечу долгие, в отличие от кратких, чертой: *far, fár; rámr, rǫmr; ol, ól; uön, uön; se þo, séþo; frámer, frámër; uer, uër; uënesc, uënesc; uil, uíl; minna, mǫnna; goþ, góþ; mona, möna; goþrøþe, góþ røþe; mönde, mönde; dura, dúra; rúnar, rúnar; flytr, flýtr; brýnna, brýnna*.

Судном (*far*) зовется корабль, а *мор* (*fár*) — некая напасть. *Силад* (*ramr*) — это крепкий муж, а *сиплый* (*rǫmr*) — хрипун. *Эль* (*ol*) зовется напиток, а *ремень* (*ól*) — лента. Язык к речи *привычен* (*uön*), а у зубов есть *надежда* (*uön*) укусить. *Смотри* (*Serþo*)⁷² как хорошо *сшили* (*séþo*), те, кто за стыки [на корабле]⁷³ отвечали. Очень уж те люди дерзки (*frámër*), кто не постыдится отнять жену у меня (*frá mër*). Жена так *мужа* (*uer*) *ценит* (*uër*) своего, что глаз почти не сводит с него⁷⁴. Хотя дурной муж и *надеется* (*uënesc*) [заполучить] добрых женщины, не пристало доброму мужу обзаводиться такой *привычкой* (*uënesc*). Самодовольство и *страсти* (*uil*) ждут, чтобы утихли труд и *срада* (*uíl*). Я хочу *напомнить* (*minna*) разумному мужу о *моих* (*mǫnna*) сокровенных делах. Та женщина славит *Господа* (*goþ*), что сама *хороша* (*góþ*). *Не будет* (*móna*) моя *мама* (*móna*), говорит ребенок, заблудиться обо мне хуже, чем об [остальных] домочадцах. *Гудрëду* (*Goþrøþe*) весьма понравились *добрые греби* (*góþ røþe*). Это значит «добрые вёсла» (*góðar árar*), как сказал скальд:

Гресть навично в гребях (*røþe*)
Грозну войску споро⁷⁵

Дом будет *заливать* (*mönde*), если мастер не *настелет крышу* (*mönde*). Когда гость у *дверей* (*dura*), хозяин не должен *дремать* (*dúra*). *Кабанам* (*Rúnar*) зовутся дикие свиньи, а *рунами* (*rúnar*) — буквы⁷⁶. Гляди как *сплавляется* (*flýtr*) плот, которым *управляет*

⁷⁰ Указываем как в рукописи. Имеется в виду буква η (эта).

⁷¹ Различение кратких и долгих гласных в греческом языке упоминается в комментарии Ремигия Осерского к Донату [Holtmark 1936: 90]. См. *Источники и параллели*.

⁷² В нормализованной орфографии: *Se þú*.

⁷³ О кораблестроении в Древней Скандинавии см. [Jesch 2001].

⁷⁴ В оригинале тоже есть рифма: *Svá er mǫrg við uer (ver) sinn uër (vætr), at varla of sér hon af honum nær*.

⁷⁵ Строфа Тьодольва Арнорссона [SkP 2: 152]. Так как в виле использовано не обычное слово *árar* 'вёсла', а редкое *ræði*, то для его передачи было выбрано диалектное 'грëби' (см. словарь Даля «Грести» и Словарь русских народных говоров, т. 7, с. 128–129 «грëбь»). Пер. М. О. Стражникова.

⁷⁶ В оригинале *málstafr* (букв. «буквы речи»), производное от *stafr*. В трактате также появляется термин *bókstafr* (букв. «буквы книги»). Судя по самим названиям, *málstafr* может быть буквой живой, звучащей речи, тогда как *bókstafr* — буквой письма; ср., например, употребление *málstafr* во Втором грамматическом трактате, где этот термин используется для обозначения согласных [Uppsala Edda: 254]. Однако учитывая, что термин *málstafr* в трактате используется всего один

(*flytr*) перевозчик. Кормчий нуждается в *попутном* (*brýnna*) ветре больше, чем тот, кто должен *напуть* (*brýnna*) скот.

Теперь, если какие-то из этих тридцати шести ответвлений (*grein*) можно опустить, потому что они вовсе не пригождаются в нашей речи, значит, я сильно промахнулся, что вполне возможно; или же может быть так, что [их] найдется в человеческом голосе больше⁷⁷. Но полезно знать, как ранее было сказано, что каждая гласная буква произносится в каждом языке так, как она называется в алфавите; кроме тех случаев, когда она отвергает свою природу — и скорее тогда может уже называться согласной буквой, а не гласной⁷⁸. Это происходит, когда гласная буква стоит рядом с другой гласной, как вот здесь в нескольких примерах: *austr*, *earn*, *eir*, *eór*, *eyrer*, *uín*.

Теперь вполне вероятно, что кто-нибудь ответил бы мне так: «Есть такое слово, в котором ты пишешь *e* там, где большинство пишут *i*, когда она ставится на месте согласной — как вот только что ты написал *earn*, где я бы написал *iarn*, и так же во многих других случаях». На это я отвечу так: ты сделал верное наблюдение, но все же не упомянул обо всем, что могло показаться тебе странным в том, что я написал, хотя в большинстве случаев я написал так намеренно. Если бы я говорил о другом — когда бы в том была бы настоящая нужда и было бы достаточно материала для понимания, из каких букв какие слова образуются или каким образом какие буквы следовало бы сочетать вместе, — тогда была бы эта книга совсем иной и намного объемней, и потому о том я здесь говорить не могу. И все же, в немногих словах отвечу про то одно слово, что ты привел в пример.

Поскольку нелегко различить звук, что имеет согласная или же гласная, стоящая на месте согласной и соседствующая с другой гласной буквой, — потому что этот звук сокращается и почти смешивается или сростается с той гласной буквой, с которой соседствует, — поэтому следует искать, где мы могли бы найти это же слово, произнесенное так, чтобы эта гласная отличалась от другой гласной и каждая производила бы свой собственный слог; ведь чаще всего они соединены, так что вместе производят один слог⁷⁹. Скальды обладают авторитетом во всяком письме и разграничениях речи⁸⁰, как ремесленники [в ремесле] или законники — в законах. Один из них произнес примерно так:

Щиты шагали в схватке —
Сшибка злела — шибкой,
А железны звенья
Жухли гвалта палиц⁸¹

Так, хоть ритм и вынудил его разделить один слог и сделать из него два, дабы ритм соответствовал метру, ему вовсе не было необходимости менять буквы и использовать *e* вместо *i*, если следовало бы использовать *i*, а не *e* — впрочем в последнем я не уверен⁸².

раз, говорить о точных отличиях не приходится; так, например, Хрейн Бенедиктссон считает эти термины у Грамматика взаимозаменяемыми [НВ 1972: 52].

⁷⁷ См. введение о понятии *rodd*.

⁷⁸ Здесь имеется в виду слогаобразующая природа гласной, см. введение о понятии *samstafa*.

⁷⁹ См. введение о понятии *samstafa*.

⁸⁰ См. введение о понятии *málsgrein*.

⁸¹ Строфа из «Выкупа головы» Оттара Черного [SkP 1: 739]. Буквальный перевод: «под мощным напором щиты пришли в движение, — битва при этом усилилась — а древние железные кольца боевых тингов [боевые тинги = битва; железные кольца битвы = кольчуга] разлетелись». Пер. Д. А. Голованенко.

⁸² В рукописи последняя строка висы выглядит как *gunn þingf éúrn hringar* («боевого тинга железные звенья»). Архаичная двусложная форма слова *járn* нужна скальду для того, чтобы привести дроткветтную строку к нормальному шестисложному виду. Впрочем, так последняя строка этой строфы выглядит только в рукописи AM 242 fol., содержащей Трактат. Все остальные рукописи,

Но если кто-то будет столь настойчив или упрям, что станет перечить многим здравомыслящим людям, которые сами и произносили это слово [так] — до того, как я написал его — и слышали, как другие люди говорят [так], как сейчас написано — [то есть если] скажешь, что следует произносить *i*, а не *e*, даже когда слово разделено на два слога, то я воспользуюсь добрым советом Катона, который он дал своему сыну в стихах:

Contra verbosos noli contendere verbis.
Sermo datur cunctis animi sapientia paucis⁸³.

Это значит: «Не спорь с болтунами. Разглагольствование дается многим, а мудрость единицам». Здесь окончу разговор о гласных, и надеюсь, что, с позволения Господа, что-нибудь расскажу и о согласных.

[Согласные]

В имени каждого согласного есть некоторая гласная буква⁸⁴, поскольку никто не способен ни согласный, ни что-либо еще назвать по имени, не используя гласную букву, как уже было сказано прежде. Однако хотя звук или звучание (*atkvæði*), которым обладают согласные, едва ли могут быть произнесены сами по себе, все же необходимо понимать, что именно они передают в речи, и [понимать], что ни одна из них не передает в речи всего того, что вмещает ее имя, как то делают гласные. А потому я дам каждой из них такие имена, каковых раньше они не имели — такие что можно будет по имени понять, что они передают в речи, хотя прежде понять и не получалось. В любой речи должно быть звучанием каждой из них то, что остается от их имени, когда из него изъята гласная.

[Буквы] *b, d, g, h, p, t* — имеют умеренно долгое для одной буквы звучание потому, что никогда нельзя два одинаковых согласных поставить в один слог перед гласной буквой⁸⁵.

[Буквы] *s, l, m, n, r, f* — каждая из этих букв может иметь двоякое звучание согласной, если их произносить долго — так, как они могут звучать, когда стоят после гласной буквы; об этом свидетельствуют случаи, когда мы их называем с таким долгим звучанием, с каким могли бы, если бы стали писать их имена следующим образом: *eff, ell, emm, enn, err, ess*. Их звучание может и сокращаться, хоть бы они и стояли после гласной в слоге, — [тогда они бы] именовались так, как надлежало бы в этом случае писать их имена: *ef, el, em, en, er, es*. Так я и стану их все называть, [чтобы] никогда не допустить в их произнесении более одной буквы: стоят ли они перед гласной в слоге или после — кроме тех случаев, [когда] я пишу согласную (какую бы ни писал) в форме заглавной буквы, коль скоро

где есть эта виса, как «Круга Земного», так и «Отдельной саги об Олаве Святом», дают более стандартное чтение: *gunnþinga járnhringar*. В таком чтении проблема недостающего слога решается постановкой слова *þing* во мн. ч. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что рассматриваемый нами пример мог быть намеренно сконструирован автором трактата по аналогии с действительно существующей скальдической практикой. О двусложных формах см. [ANG: 117]. См. также раздел «Первый грамматический трактат, поэтическая и ученая традиция Древней Исландии».

⁸³ Имеется в виду сентенция Катона Старшего из *Disticha Catonis*: «С словоохотливыми не состояйся словами: речь дана всем, мудрый ум — немногим» (пер. с лат. Е. М. Штаерман по изд. [Катон 1981: 227]).

⁸⁴ Здесь снова буква включает в себя категорию звука, см. введение о *stafr*. Случаи, когда Грамматик использует для звука термин с участием лексемы *stafr* 'буква', мы переводим как «гласная / согласная буква». Случаи, когда используется термин без участия этой лексемы (например, просто *raddar* вместо *raddarstafr*), мы переводим как «согласный / гласный».

⁸⁵ О слогоразделе см. [Gade 1995: 29 ff.] Ср. в ориг.: *B. d. g. h. p. t, þeir stafr hafa af því mundangmikit eins stafr atkvæði, at aldri má tvá samhljóðendr ins sama hlutar setja í einni samstöfun fyr raddarstafrinn*.

в слоге она стоит после гласной. Я обозначаю ею одною то, что равнозначно двум написанным буквам одного и того же рода, — с тем, чтобы написанное было меньше и короче, а пергамент вмещал больше⁸⁶.

Теперь о тех буквах, в имени которых гласная стоит последней⁸⁷ — то есть *b. c. d. g. p. t.* — и потому звучание их имён не [может] удлиниться. Я изменяю здесь имя заглавной буквы и помещаю гласную букву впереди, чтобы звучание [согласных] могло удлиниться в имени в соответствии с тем, что они должны обозначать в других местах в речи⁸⁸. Теперь каждая согласная добавляет к гласной в их сочетании звучание такой же длины, какая есть в ее [согласной] имени и какую согласная будет иметь с любой другой [гласной], с которой она соединяется во всякой речи. Итак, некоторые согласные имеют собственные облик (*likneski*), имя (*nafn*) и значение (*jartein*)⁸⁹; а некоторые имеют облик, имя и значение заглавных букв; а некоторые имеют облик заглавных букв и переставленные буквы в своем имени, и удлинняются в звучании как имени, так и значения; а некоторые сохраняют свой облик и, тем не менее, уменьшаются в звучании своего имени, и значение, какое они должны иметь в речи, будет подобно тому [значению], которое появляется в их имени. Теперь мы попробуем показать как их облик, так и имена, надписанные сверху⁹⁰, чтобы можно было увидеть вместе все то, что было показано по отдельности.

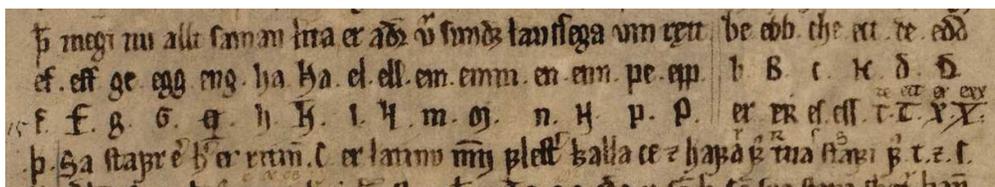

Рис. 2. AM 242 fol., 44v 13-16

⁸⁶ [Так...больше] — Имеется в виду следующая ситуация: если Грамматик пишет согласную в форме заглавной не в начале предложения, а после гласной, то таким образом он обозначает удвоение согласной. В отличие от многих других предложений Грамматика, такой способ написания удвоенных согласных надолго закрепился в древнеисландских рукописях, см. подробнее [Holtsmark 1936: 32–34; НВ 1972: 26–27]. Ср. ориг.: ... *ek læt þá svá heita alla ok aldri hafa meirr en eins stafs atkvæði hvern, hvárt sem þeir standa fyr raddarstaf í samstofun eða eptir, nema þar er ek rit samhljóðanda, hvergi er ek rit, með vexti höfuðstafsins, enda standi hann eptir raddarstafinn í samstofun. Þá læt ek þann einn jarteina jafnmikit, sem þar væri tveir eins konar ok ins sama konar ritnir, til þess at rit verði minna ok skjótara ok bókfell drjúgara.*

⁸⁷ Т. е. после согласной; ср. предыдущий абзац про случаи, когда гласная стоит перед согласной.

⁸⁸ Указав на то, что некоторые согласные могут удваиваться и потому должны быть записаны в виде заглавной буквы, Грамматик переходит к согласным, чье имя (*be, de* и т. д.) не позволяет отразить их удвоенное произношение. Однако Грамматик понимает, что бывают случаи, когда эти согласные тоже удваиваются (например, в слове *veggja* и во многих других). По правилам Грамматика, назвать такую удвоенную согласную тем же способом, что и единичную, будет нельзя, поэтому он предлагает поменять ее имя и переставить гласную перед удвоенной согласной (не *be, a ebb*).

⁸⁹ Т. е. акустическое. См. введение о понятии *jartein*.

⁹⁰ В трактате транскрипции Грамматика буквально надписаны сверху над буквами, см. [НВ 1972: 232] и на иллюстрации.

Такое ее начертание не надумано и потому, что эта буква есть в греческом языке и называется *каппа* и там означает 20 при счете. Но здесь [в рассуждении] она призвана заменить в нашей речи *.сс.*, подобно тому как другие малые заглавные буквы обозначают две буквы в речи. *.сс.* может также обозначать две сотни в нашем счете, как двойная *с* в латыни. До того как она стала замещать две буквы, она называлась *che*: тогда у нее в имени *e* следовала за *с*. Теперь же она изменилась и пусть *e* предшествует *с* в [ее] наименовании и называется *ecc* — но довольно об этом.

Та *n*, которая стоит непосредственно перед *g* в том же слого, говорится меньше в нос и больше в гортань, чем другие *n*, потому что у такой [*n*] появляется некоторая примесь от *g*. Теперь, по этой причине, я сделаю их соседство дружественным и сделаю из двух букв одну, которую я назову *eng* и стану писать таким образом: *g*. Ей одной я даю то же значение, что и двум другим [вместе], так что все равно, пишешь ли ты *hringr* или *hrigr*, разве что чем меньше букв, тем меньше писать.

Ничего я не переменял ни в начертании, ни в имени *h*, потому как она не может ни увеличиться, ни уменьшиться, ни каким-либо образом измениться при своем звучании.

[Буквы] *x*, *y*, *z*, *&*, [~] — без этих букв в нашей речи при желании можно обойтись, потому что ни одна из них не имеет присущего только ей значения; все они используются вместо тех букв, что уже есть в алфавите: некоторые, как *x* и *z* — вместо двух; *&* и ~ обозначают порой сразу несколько [букв], а некоторые, как *y* и подчас ~ — одну.

[Буква] *x* — эта буква состоит в латыни из *с* и *s*, и я хочу, чтобы она имела такие же слагаемые в нашем языке и [чтобы] ни в коем разе не была заглавной буквой, так как *x* никогда не ставится вместо двух *с* или двух *s* — ни в начале предложения, ни в начале слова, ни в начале слога.

[Буква] *y* — греческая и зовется *и́и*⁹⁶ [в греческом алфавите], а латиняне ее используют вместо *i* и, если пишут с пониманием дела, то только в греческих словах. Поэтому она не нужна здесь, в нашем языке — разве что если человек захочет использовать ее вместо *и*⁹⁷ тогда, когда она ставится рядом с другой гласной или вместо согласной. Но все же я бы воздержался от ее использования, так как не вижу большей надобности в этой *и*, чем в других гласных в случаях, когда они ставятся вместо согласных.

[Буква] *z* складывается из еврейской *далет*, которая пишется так: ז и стоит вместо *d*, и из другой, которая называется *саде* и пишется так: צ, и в латыни стоит вместо *s*. Вообще, сама по себе *z* буква еврейская, хотя она используется в латинском алфавите, потому что еврейские слова часто попадают в латыни. Эту [букву] я бы, пожалуй, изгнал из нашей речи и алфавита, ибо в них и без того по необходимости оказывается больше букв, чем мне бы хотелось. В тех немногих случаях, когда [это] нужно, я скорее напишу *d* и *s*, ибо она [z] в нашей речи всегда составлена из *d* и *s* и никогда — из *d* и *s*⁹⁸.

& — это, скорее, слог, чем буква. В латыни [в нем] сочетаются *e* и *t*, в нашей же речи — *e* и *p*, если нужно было бы [его образовать]. Но я менее всего хотел бы иметь его в нашей речи и алфавите, потому что этот слог в нашей речи никогда не оказывается в таком положении, чтобы он был сам по себе и никакая согласная не стояла перед *e* в том же слого.

⁹⁶ В рукописи *vi*. *Y* в греческих заимствованиях в латыни XII в. произносилась как [i], ср. *dyalogus* [Holtsmark 1936: 41–42; Кузьменко 19856: 81]. Название *vi* для *y*, данное в рукописи, имеет параллель в древнеанглийской традиции (*iu*); Анне Хольтсмарк проследила ее упоминания как *ii* с Григория Турского, который тоже ссылается на греческие буквы [Holtsmark 1936: 68–70]. О двух *y* в Трактате см. прим. 56.

⁹⁷ В рукописи *v*.

⁹⁸ Очевидно испорченный текст, см. прим. Хрейна Бенедиктссона [НВ 1972: 239–240]. Возможно, вместо второго *d* должно быть *p* (*ds* и *ps* уже совпали ко времени самых ранних рукописей, т. е. к сер. XII в.), либо *t* (совпадение *ds* и *ts* происходит уже во 2-й пол. XII в.).

Хотя титло по природе [— это также] не буква, оно — скорости письма и краткости ради — ставится взамен разных других букв. Порою — вместо одной, а временами — нескольких. Ставлю я его чаще всего вместо *t* или подчас вместо *n* или взамен слога *er* — тогда он имеет такое начертание: ʃ. Не могу дать лучшего совета, чем этот малый: пусть всякий пользуется титлом, как сочтет уместным и понятным. Имя, которым обладает титло, впрочем, кое-что значит, хотя и нельзя это его значение опознать по имени, как у других букв. *Tutan* называется солнце, откуда получается то уменьшительное имя, которое есть *titulus* по-латыни. Мы говорим *tumlo* — [это] то, что подобно маленькому солнцу, ибо как солнце освещает там, где ранее было темно, так и титло освещает книгу, ежели написано в начале ее, либо слово, ежели над ним поставлено⁹⁹.

Ту букву, которую большинство называют *þorn*, я скорее назову *the*, поскольку в лубой речи звучанием этой буквы является то, что остается от ее имени, когда из него изъята гласная — так же, как я упорядочил все согласные по принципу, который описал здесь ранее в разговоре о них. Букве *þ* следует стоять в алфавите перед титлом, хоть я и обсуждаю ее после него, так как она появилась в алфавите позднее всего. Но [я говорил] о титле сперва потому, что оно было раньше в алфавите, и я в своей речи расположил его за теми [буквами], что, подобно титлу, не имеют своего собственного значения. *The* я не делаю заглавной ни в каких случаях, кроме начала предложения, так как её звучание не продлевается, даже если стоит после гласной в слоге.

И еще: пусть я очень вкратце и говорил о написании заглавных букв (тех, что должны быть одна за две), я не назову неверно или плохо написанным, если кто все-таки и напишет эти две буквы не заглавными. Тем не менее, я скорее предпочту написать одну букву там, где одинаково сгодятся что одна буква, что две, того ради, чтобы написанное, как я уже сказал, было меньше и короче, а пергамен вмещал больше.

Не знаю, впрочем, что делать, если на беду случится так, что явится некто и возразит следующее: «Там, где ты пишешь одну заглавную букву, — скажет он, коли сочтет разумным, — или две одинаковые согласные, соединенные¹⁰⁰ в одном и том же слоге, как у тебя тут сказано, там не буду я писать ни две согласные, ни одну заглавную для увеличения звучания буквы, ни равным образом ту, что не заглавная, для умаления [звучания]. Я, пожалуй, буду писать всегда одно и то же — не заглавную букву, кроме как в начале предложения, и произносить так долго или так кратко каждую, как я решил до этого. Да и какая мне разница даже если я произнесу все [буквы] одинаково долго!»

«Что мне еще остается, — сказал¹⁰¹ я, — кроме как показать ему столь явные примеры тех разграничений (*grein*), которых он не понимал прежде, дабы тогда он осознал, что вот-вот станет поздно опровергнуть самого себя и опередить [тем самым] тех, кто в противном случае высмеют его и скажут, мол, был бы умнее, кабы промолчал». Вот те примеры, что сразу нашлись под рукой, но [станут] чуть яснее, [будучи] потом помещены в речь и истолкованы: *ube ube secr secr hodo hodo afarar afarar þagat þagat ql ql frame frame uina uina crapa crapa hvær hvær fúf fús sceót sceót*.

U be — это два имени для двух букв, а *Uve*¹⁰² — это одно имя одного мужа. *Беглый (Seçr)* — это человек вне закона, а *мешок (seçr)* — вместилище. *Высокая умерла (Hø do)*¹⁰³ —

⁹⁹ В своей этимологии слова «титло» (*titull*) Грамматик следует современной ему грамматической традиции [Holtsmark 1936: 79; Кузьменко 1985б: 87], см. введение, раздел «Источники и параллели».

¹⁰⁰ О терминах, которые Грамматик использует, говоря об образовании слогов, см. обсуждение понятия *samstafa* во введении. [Там... тут сказано] в ориг.: *þar sem þú rittr hofuðstaf einn, kveðr hann, ef hann reðr þat, eða samhljóðendr tvá eins konar samfelda í einni ok inni sǫmu samstofu, segir þú...*

¹⁰¹ Переход на прошедшее время выдерживаем вслед за оригиналом: *Hvat þá skal at hafa, kvað ek...*

¹⁰² *Ubbi*.

¹⁰³ *Há do*.

когда троллиха Хёльги¹⁰⁴ умерла, а [лязг] услышали *котельных цепей* (*hǫrðo*) — когда Тор взялся за котел. Всякому лучше *замолчать* (*þagat*)¹⁰⁵, пока другой не *принудил к молчанию* (*þagat*)¹⁰⁶. Не *всё* (*öll*) *пиво* (*öl*) одинаково. Больше считается *слава* (*frama*) кормчего, чем тех, кто на палубе *спереди* (*frama*). Тот большой *друг* (*uína*) богу, кто больше других желает *усердствовать* (*uína*). Часто в церковь бредут сквозь *мокрый снег* (*stara*), пусть туда и *труден* (*stara*) путь. Каждой (*hver*) жене и *каждому* (*hver*) мужу следовало бы *желать* (*fífl*) того же, что *желанно* (*fífl*) богу. Тогда они будут *скоры* (*sceót*)¹⁰⁷ на добрые дела и *вскоре* (*sceót*) получают божью милость.

Теперь о том человеке, который хочет писать или понимать написанное на нашем языке — будь то священные сочинения, или законы, или родословия. Он всегда сможет почерпнуть из книги пользу и научиться чему-то, если проявит разумную скромность в своей любви к знанию и предпочтет постичь хоть немного, нежели не узнать вовсе ничего на своем пути к большему знанию¹⁰⁸. Пусть он тогда внимательно читает и улучшает эти главы, как потребуется во многих местах, и оценит мои усилия, но простит мою немелость — пусть он владеет этим алфавитом¹⁰⁹, что был изложен выше, пока не найдет тот, который понравится ему больше.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Dahlerup, Jónsson 1886 — *Den første og anden grammatiske afhandling i Snorres Edda*. Utg. af V. Dahlerup og Finnur Jónsson. København: S. L. Møllers Bogtrykkeri (Møller & Thomsen), 1886.
- Edda 1852 — *Edda Snorra Sturlusonar. Edda Snorronis Sturlæi*. T. II. Hafniae: J. D. Quist, 1852.
- FGT 2014 — *The Fourth Grammatical Treatise*. Ed. by M. Clunies Ross, J. Wellendorf. London: University College London, 2014.
- Finnur Jónsson 1924 — *Edda Snorra Sturlusonar. Codex Wormianus AM 242 fol.* Udg. af Finnur Jónsson. København: Gyldendals, 1924.
- FGA 2002 — *Första grammatiska avhandlingen: svensk översättning med isländsk parallelltext*. Utg. av K. Jóhannesson, M. Lagervall, och K. Lundkvist. Göteborg: Univ., Institutionen för svenska språket, 2002.
- Haugen 1950 — Haugen E. First Grammatical Treatise. The earliest Germanic phonology: An edition, translation, and commentary. *Language*, 1950, 26(4): 4–64.
- NB 1972 — Hreinn Benediktsson. *The First Grammatical Treatise: Introduction, text, notes translation, vocabulary, facsimiles*. Reykjavik: Institute of Nordic Linguistics, 1972.
- Htt 2007 — Snorri Sturluson. *Edda: Háttatal*. Ed. by A. Faulkes. London: University College London, 2007.
- ÍF VI — *Íslensk fornrit. Vestfirðinga sögur*. Björn K. Þórólfsson og Guðni Jónsson gáfu út. *Bd. VI*. Reykjavik: Hið íslenska fornritafélag, 1943.

¹⁰⁴ Хёльги — легендарный конунг Халогаланда, получившего по нему имя. У него была дочь Торгерд, которую называли *Hǫlgabrúðr* (букв. «невеста», но скорее просто «дева» Хёльги), а иногда *Hǫlgatroll* (т. е. троллиха Хёльги). См. [Skpm 1998: 60; SkP 3: 727].

¹⁰⁵ От глагола *þegja*.

¹⁰⁶ От глагола *þagga*.

¹⁰⁷ В этой паре имеются в виду слова *skjót* и *skjót*.

¹⁰⁸ [Теперь... к большему знанию] — этот фрагмент был в оригинале единым периодом, сложным для понимания. В переводе он для удобства чтения и сохранения смысла перестроен. Ориг.: *Nú um þann mann, er ríta vill eða nema at váru máli ritit, annat tveggja helgar þýðingar eða lóg eð[a] áttvísi eða svá hvergi er maðr vill skynsamliga nytsemi á bók nema eð[a] kenna, enda sé hann svá lítillátr í fróðleikásáttinni, at hann vili nema lítla skynsemi heldr en engva, þá er á meðal verðr innar meiri*.

¹⁰⁹ В оригинале сказано *hafi stafróf þetta* (букв. «имеет этот алфавит»). Хотя Грамматик пишет здесь только об алфавите, вероятно подразумевается и совокупность всех предложенных им орфографических нововведений.

- ÍF VIII — *Íslenzk fornrit. Vatnsdoela saga, Hallfredar saga, Kormáks saga*. Einar Ól. Sveinsson gaf út. Bd. VIII. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1939.
- IGL 1884 — *Islands grammatiske litteratur i middelalderen: Den tredje og fjerde grammatiske afhandling i Snorres Edda: tilligemed de grammatiske afhandlingers prolog og to andre tillæg*. Udg. af B. M. Ólsen. København: Fr. G. Knudtzon, 1884.
- Leoni 1975 — *Il primo trattato grammaticale islandese, introduzione, testo, traduzione e commento a cura di Federico Albano Leoni*. Bologna: Il Mulino, 1975.
- Morkinskinna 2000 — *Morkinskinna. The earliest Icelandic chronicle of the Norwegian kings (1030–1157)*. Transl. with introduction and notes by T. M. Andersson, K. E. Gade. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2000.
- Neckel, Niedner 1925 — Neckel G., Niedner F. *Die jüngere Edda mit dem sogenannten ersten grammatischen Traktat*. Jena: Diederichs, 1925.
- Raschellá 1982 — *The so-called Second Grammatical Treatise: An orthographic pattern of late thirteenth-century Icelandic*. Ed., transl., and comm. by F. Raschellá. Firenze: F. Le Monnier, 1982.
- SkP 1 — *Skaldic poetry of the Scandinavian Middle Ages*. Vol. 1: *Poetry from the Kings' Sagas 1*. Ed. by D. Whaley. Turnhout: Brepols, 2012.
- SkP 2 — *Skaldic poetry of the Scandinavian Middle Ages*. Vol. 2: *Poetry from the Kings' Sagas 2*. Ed. by K. E. Gade. Turnhout: Brepols, 2009.
- SkP 3 — *Skaldic poetry of the Scandinavian Middle Ages*. Vol. 3: *Poetry from treatises on poetics*. Ed. by K. E. Gade and E. Marold. Turnhout: Brepols, 2017.
- Skpm 1998 — Snorri Sturluson. *Edda: Skáldskaparmál 1: Introduction, text and notes*. Ed. by A. Faulkes. London: University College London, 1998.
- TGT 1927 — Óláfr Þórðarson. *Málhljóða- og málskrúðsrit. Grammatisk-retorisk afhandling*. Udg. af Finnur Jónsson. København: A. F. Høst, 1927.
- Uppsala Edda 2012 — Snorri Sturluson. *The Uppsala Edda*. DG 11 4to. Ed. by Heimir Pálsson. Transl. by A. Faulkes. London: University College London, 2012.
- Völs 1965 — *Völsunga saga*. Ed. and transl. by R. G. Finch. London; Edinburgh: Nelson, 1965.
- Катон 1981 — Дионисий Катон. Моральные дистихи. Пер. Е. М. Штаерман. *Вестник древней истории*, 1981, 4(158): 227–234.
- О письменах 1981 — Сказание черноризца Храбра «О письменах». *Сказания о начале славянской письменности*. Королюк В. Д. (отв. ред.), Флоря Б. Н. (вступ. статья, пер. и комм.). М.: Наука, 1981, 102–105.
- Эдда 1970 — Snorri Sturluson. *Младшая Эдда*. Пер. О. А. Смирницкой. М.: Наука, 1970.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Волконская 2015 — Волконская М. А. «Ормулум» и «Первый грамматический трактат»: об особенностях «островных» реформ орфографии в Англии и Исландии. *Атлантика XII. Образ острова в языке и культуре кельтов и германцев*. М.: МАКС Пресс, 2015, 77–98. [Volkonskaya M. A. Ormulum and the First Grammatical Treatise: Specific traits of 'insular' orthographical reforms in England and Iceland. *Atlantika XII. Obraz ostrova v yazyke i kul'ture kel'tov i germantsev*. Moscow: MAKS Press, 2015, 77–98.]
- Гуревич, Матюшина 1999 — Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. *Поэзия скальдов*. М.: РГГУ, 1999. [Gurevich E. A., Matyushina I. G. *Poeziya skal'dov* [Skaldic poetry]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1999.]
- Джаксон 1993 — Джаксон Т. Н. Школы и центры учености в Исландии в первые века христианства. *Европейская педагогика от античности до нового времени: исследования и материалы*. Ч. I. Безрогов В. Г. (отв. ред.). М.: ИТПиМНО РАО, 1993, 218–227. [Dzhakson T. N. Schools and scholarly centers in Iceland in the first centuries of Christianity. *Evropeiskaya pedagogika ot antichnosti do novogo vremeni: issledovaniya i materialy*. Part 1. Bezrogov V. G. (ed.). Moscow: Institute of Theoretical Pedagogy and International Studies in Education, 1993, 218–227.]
- Кузьменко 1985а — Кузьменко Ю. К. Появление письменности в Средневековой Европе. *История лингвистических учений. Средневековая Европа*. Десницкая А. В., Кацнельсон С. Д. (отв. ред.). Л.: Наука, 1985, 11–55. [Kuz'menko Yu. K. Emergence of literacy in Medieval Europe. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii. Srednevekovaya Evropa*. Desnitskaya A. V., Katsnel'son S. D. (eds.). Leningrad: Nauka, 1985, 11–55.]

- Кузьменко 1985б — Кузьменко Ю. К. Средневековые исландские грамматические трактаты. *История лингвистических учений. Средневековая Европа*. Десницкая А. В., Кацнельсон С. Д. (отв. ред.). Л.: Наука, 1985, 77–97. [Kuz'menko Yu. K. Medieval Icelandic grammatical treatises. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii. Srednevekovaya Evropa*. Desnitskaya A. V., Katsnel'son S. D. (eds.). Leningrad: Nauka, 1985, 77–97.]
- Кузьменко 2011 — Кузьменко Ю. К. К вопросу об авторе Первого исландского грамматического трактата. *Laurea Loraе. Сб. памяти Ларисы Георгиевны Степановой*. Гардзонно Ст., Казанский Н. Н., Левинтон Г. А. (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2011, 117–136. [Kuz'menko Yu. K. On the author of the First Icelandic Grammatical Treatise. *Laurea Loraе. Sbornik pamyati Larisy Georgievny Stepanovoi*. Garzonio St., Kazansky N. N., Levinton G. A. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011, 117–136.]
- Кузьменко 2013 — Кузьменко Ю. К. Еще раз к вопросу о минимальных парах в Первом Грамматическом Трактате. *Атлантика. Записки по исторической поэтике*. Вып. XI. Михайлова Т. А. (отв. ред.). М.: Изд-во Московского ун-та, 2013, 7–23. [Kuz'menko Yu. K. Once again on minimal pairs in the First Grammatical Treatise. *Atlantika. Zapiski po istoricheskoi poetike*. No. XI. Mikhailova T. A. (ed.). Moscow: Moscow Univ. Press, 2013, 7–23.]
- Мельникова 2016 — Мельникова Е. А. Генеалогия и начала исландско-норвежского историописания. *Древнейшие государства Восточной Европы, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья*. Беляев Д. Д., Гимон Т. В. (отв. ред.). М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016, 464–526. [Mel'nikova E. A. Genealogy and the origins of Icelandic-Norwegian historiography. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2013 god: Zarozhdenie istoriopisaniya v obshchestvakh Drevnosti i Srednevekov'ya*. Belyaev D. D., Gimon T. V. (eds.). Moscow: Dmitry Pozharsky Univ., 2016, 464–526.]
- Смирницкая 2008 (1982) — Смирницкая О. А. Поэтика и лингвистика скальдов. *Избранные статьи по германской филологии*. Смирницкая О. А. М.: МАКС Пресс, 2008, 219–230. Впервые опубликовано в журнале *Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология*, 1982, 2: 34–42. [Smirnit'skaya O. A. The skalds' poetics and linguistics. *Izbrannye stat'i po germanskoi filologii*. Smirnit'skaya O. A. M.: MAKS Press, 2008, 219–230.]
- Смирницкая 2008 (1994) — Смирницкая О. А. Литературное сознание исландцев XII–XIII вв. и проблема становления жанровых форм. *Избранные статьи по германской филологии*. Смирницкая О. А. М.: МАКС Пресс, 2008, 362–385. Впервые опубликовано в сб. *Проблема жанров в литературе средневековья*. М.: Наследие, 1994, 171–233. [Smirnit'skaya O. A. Literary consciousness of Icelandic people in the 12th–13th centuries and the problem of the genesis of genre forms. *Izbrannye stat'i po germanskoi filologii*. Smirnit'skaya O. A. M.: MAKS Press, 2008, 362–385.]
- Стеблин-Каменский 1979 — Стеблин-Каменский М. И. Скальдическая поэзия. *Поэзия скальдов*. Петров С. В., Стеблин-Каменский М. И. (ред.). Л.: Наука, 1979, 77–130. [Steblin-Kamenskii M. I. Skaldic poetry. *Poeziya skaldov*. Petrov S. V., Steblin-Kamenskii M. I. (eds.). Leningrad: Nauka, 1979, 77–130.]
- Трубецкой 2000 (1960) — Трубецкой Н. С. *Основы фонологии*. Пер. с нем. М.: Аспект пресс, 2000. (1-е изд. — М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1960.) [Trubetzkoy N. S. *Grundzüge der Phonologie*. Prague, 1939. Transl. into Russian.]
- Успенский 2014 — Успенский Ф. Б. Злободневность прошлого: Генеалогический перечень как манифестация авторства. *Люди, тексты и вещи: Из истории культуры средневековой Скандинавии*. Успенский Ф. Б. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014, 70–98. [Uspenskii F. B. Topicality of the past: Genealogical list as an authorship manifestation. *Lyudi, teksty i veshchi: Iz istorii kul'tury srednevekovoi Skandinavii*. Uspenskii F. B. Moscow: FORUM; NEOLIT, 2014, 70–98.]
- ANG — Noreen A. *Altnordische Grammatik I: Altisländische und altnorwegische Grammatik (Laut- und Flexionslehre) unter Berücksichtigung des Urnordischen*. Halle: Max Niemeyer, 1923.
- Cleasby — Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. *An Icelandic-English dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1874–1957.
- Faulkes 1993 — Faulkes A. The sources of Skáldskaparmál: Snorri's intellectual background. *Snorri Sturluson. Kolloquium anlässlich der 750. Wiederkehr seines Todestages*. Wolf A. (Hg.). Tübingen: Gunter Narr, 1993, 59–76.
- Gade 1995 — Gade K. E. *The structure of Old Norse "Dróttkvæti" poetry*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1995.
- Hagland 2000 — Hagland J. R. "Alls vér erum einnar tungu" — igjen: Språkhistorisk realitet eller litterært topos? *Íslenskt mál og almenn málfraedi*, 2000, 22: 107–112.
- Haugen 1976 — Haugen E. *The Scandinavian languages: An introduction to their history*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1976.

- HB 1965 — Hreinn Benediktsson. *Early Icelandic script*. Reykjavík: Manuscript Institute of Iceland, 1965.
- HB 2002 — Hreinn Benediktsson. The vowel system of Icelandic: A survey of its history. *Linguistic studies, historical and comparative*. Hreinn Benediktsson. Reykjavík: Institute of Linguistics, 2002, 50–74.
- Holtmark 1936 — Holtmark A. *En islandisk scholasticus fra det 12 århundre*. Oslo: J. Dybwad, 1936.
- Jesch 2001 — Jesch J. *Ships and men in the Late Viking Age. The vocabulary of runic inscriptions and skaldic verse*. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2001.
- Jesch 2009 — Jesch J. The Orcadian links of Snorra Edda. *Snorres Edda i europeisk og islandsk kultur*. Jørgensen J. G. (ed.). Reykholt: Snorrastofa, 2009, 145–172.
- Johansson 1997 — Johansson K. G. *Studier i Codex Wormianus: Skrifttradition ogch avskriftsverksamhet vid ett isländsk skriptorium under 1300-talet*. Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1997.
- Koerner 1997 — Koerner E. F. K. Einar Haugen as a historian of linguistics. *American Journal of Germanic Linguistics and Literatures*, 1997, 9: 221–238.
- Males 2020 — Males M. *The poetic genesis of Old Icelandic literature*. Berlin: De Gruyter, 2020.
- Males 2013 — Males M. Wormianusredaktören: Språk, tro och sanning vid 1300-talets mitt. *Arkiv för nordisk filologi*, 2013, 128: 41–78.
- Nordal 2001 — Guðrún Nordal. *Tools of literacy. The role of skaldic verse in Icelandic textual culture of the twelfth and thirteenth centuries*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2001.
- Olsen 1937 — Olsen M. Den förste grammatiske avhandling. Til kommentaren og om forfatteren. *Arkiv för nordisk filologi*, 1937, 53: 109–146.
- Patzuk-Russell 2021 — Patzuk-Russell R. *The development of education and grammatica in medieval Iceland*. Berlin: De Gruyter, 2021.
- Perridon 1985 — Perridon H. Neutralization, archiphonemes and the First Grammatical Treatise. *Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik*, 1985, 23: 71–96.
- Poole 2001 — Poole R. (ed.). *Skaldsagas: Text, vocation, and desire in the Icelandic sagas of poets*. Berlin: De Gruyter, 2001.
- Raschellà 1983 — Raschellà F. D. Die altisländische grammatische Literatur: Forschungsstand und Perspektiven zukünftiger Untersuchungen. *Göttingische gelehrte Anzeigen*, 1983, 235: 271–316.
- Raschellà 2007 — Raschellà F. D. Old Icelandic grammatical literature: The last two decades of research (1983–2005). *Learning and understanding in the Old Norse World. Essays in honor of Margaret Clunies Ross*. Quinn J., Heslop K., Wills T. (eds.). Turnhout: Brepols, 2007, 341–375.
- Seim 1988 — Seim K. F. A review of the runic material. *Bryggen Papers. Supplementary series 2*. Herteig A. (ed.). Bergen: Norwegian Univ. Press, 1988, 10–24.
- Stanley 2011 — Stanley E. G. Old English -REORD-: ‘language, speech; speak’; REORDBEREND(E). *Neuphilologische Mitteilungen*, 2011, 112: 9–36.
- Sverrir Tómasson 2002 — Sverrir Tómasson. The history of Old Nordic manuscripts I: Old Icelandic. *The Nordic languages. An international handbook of the history of the North Germanic languages*. Vol. 1. Berlin: De Gruyter, 2002, 793–801.
- Sverrir Tómasson 1988 — Sverrir Tómasson. Fyrsta málfæðiritgerðin og íslensk menntun á 12. öld. *Timarit Háskóla Íslands*, 1988, 3: 71–78.
- Ulvestad 1976 — Ulvestad B. *Grein sú er máli skiptir: Tools and tradition in the First Grammatical Treatise*. *Historiographia Linguistica*, 1976, 3(2): 203–223.

Получено / received 14.12.2022

Принято / accepted 24.01.2023

**«Лингвистика, основанная на мышлении:
как языки преобразуют мысли в звуки».
Итоговая книга У. Чейфа**

© 2023

Андрей Александрович Кибрик

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; aakibrik@iling-ran.ru

Аннотация: Итоговая книга выдающегося американского лингвиста Уолласа Чейфа «Лингвистика, основанная на мышлении: как языки преобразуют мысли в звуки» представляет собой введение в основную лингвистическую проблематику в контексте соседних наук. В обзоре кратко изложены идеи, представленные в шести частях книги. Чейф излагает оригинальную теорию структуры мысли и поэтапного перехода от мысли через семантику и грамматику к звуковой форме. Помимо базовых проблем теории языка, Чейф затрагивает такие смежные вопросы, как процессы перевода, особенности художественной литературы, эмоциональные компоненты мысли и т. д. В обзоре указаны некоторые лингвистические понятия, недостаточно разработанные в книге Чейфа. В заключительной части обзора содержатся общие выводы относительно вклада Чейфа в лингвистику.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвистика в США, обзоры, теория языка, Чейф У.
Для цитирования: Кибрик А. А. «Лингвистика, основанная на мышлении: как языки преобразуют мысли в звуки». Итоговая книга У. Чейфа. *Вопросы языкознания*, 2023, 4: 157–168.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.157-168

***Thought-Based Linguistics:
How Languages Turn Thoughts into Sounds.
Wallace Chafe's concluding book***

Andrej A. Kibrik

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia; aakibrik@iling-ran.ru

Abstract: The concluding book by an eminent American linguist Wallace Chafe *Thought-Based Linguistics: How Languages Turn Thoughts into Sounds* presents an introduction to the central agenda of linguistics in the context of neighboring sciences. The present survey briefly explains the ideas presented in the six parts of the book. Chafe offers an original theory of the structure of thought and its step-by-step conversion, via semantics and grammar, to sound. Apart from basic issues in linguistic theory, Chafe also addresses adjacent questions, such as translation processes, peculiarities of literature, emotional components of thought, etc. The survey mentions several linguistic notions that are insufficiently covered in Chafe's book. The final part of the survey offers general conclusions regarding Chafe's contribution to linguistics.

Keywords: Chafe W., cognitive linguistics, linguistic theory, linguistics in the USA, surveys

For citation: Kibrik A. A. *Thought-Based Linguistics: How Languages Turn Thoughts into Sounds*. Wallace Chafe's concluding book. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 4: 157–168.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.157-168

Есть категория «детских» вопросов о языке, которых лингвисты иногда стесняются, иногда избегают, или же говорят о них что-то общее и невнятное. Вот один из таких вопросов: мы думаем на языке или без языка? Чтобы сказать нечто свежее, убедительное и обоснованное по такому вопросу, нужно много смелости и мудрости. Этот вопрос — один из основных, обсуждаемых в книге Уолласа Чейфа «Лингвистика, основанная на мышлении: как языки преобразуют мысли в звуки».

Наверное, многие сталкивались с ощущением, возникающим при чтении хорошей научной литературы: да, именно так все и обстоит, я и сам так думаю, но до сих пор не мог точно сформулировать. Это ощущение встречи с бесспорной истиной можно назвать откровением, и оно не раз посещало меня при чтении трудов Уолласа Чейфа начиная с его ранней книги «Значение и структура языка», изданной в 1970 г. [Chafe 1970] и переведенной на русский язык в 1975 [Чейф 1975]. Когда я был студентом МГУ в начале 1980-х гг., книга Чейфа широко использовалась в обучающих целях, была для нас почти учебником. В еще большей степени ощущение откровения присутствовало у меня при знакомстве с его более поздними работами, такими как «Дискурс, сознание и время» [Chafe 1994]. И не покидало меня и при чтении его итоговой книги, которая является предметом настоящего обзора.

Уоллас Чейф (03.09.1927–03.02.2019) прожил долгую жизнь в лингвистике начиная с изучения индейских языков во время учебы в Йельском университете в 1950-е гг. и до кончины в 2019 г. Уже будучи в весьма преклонном возрасте, он опубликовал три книги, посвященные трем основным темам его жизни: «Грамматика языка сенека» [Chafe 2015], «Язык каддо: грамматика, тексты и словарь» [Chafe 2018a] и «Лингвистика, основанная на мышлении: как языки преобразуют мысли в звуки» [Chafe 2018b]. Удивительным образом, две последние книги вышли менее чем за год до смерти автора. Получается, что Чейф хорошо спланировал завершающий этап своей жизни и, несмотря на тяжелую болезнь, успел завершить главные дела, которыми занимался в течение многих десятилетий. О некоторых дополнительных деталях биографии Чейфа см. [А. А. Кибрик, Федорова 2019].

Книга «Лингвистика, основанная на мышлении: как языки преобразуют мысли в звуки» [Chafe 2018b] состоит из шести частей, разделенных на 21 главу, а также включает пролог и эпилог. В прологе Чейф формулирует основной тезис о неразделимости языка и мысли (thought; это слово я, в зависимости от контекста, иногда перевожу как «мысль», иногда как «мышление») и указывает две причины того, что этот тезис редко учитывается в лингвистических моделях. Во-первых, структура мысли как бы считается уже учтенной в рамках семантики. Во-вторых, мысль недоступна обычному лингвистическому анализу. Как говорит автор, изучать мысль действительно трудно, но наука и не должна быть простой. Чейф так обозначает основные элементы оригинальности своего подхода: исключительная важность исследования мысли, не совпадающей с семантикой, использование интроспекции и сознания как способов наблюдения и отказ от центральной роли синтаксиса в структуре языка.

Часть I «Введение» включает две главы. В главе 1 «Исторический фон» Чейф помещает свою научную биографию в контекст науки XX в. По его впечатлениям, в 1950-х гг. лингвистика была небольшой и довольно однородной областью под доминантой структурализма. (Понятно, что такое описание корректно лишь в отношении американской лингвистики.) Позже возник генеративизм, который, согласно Чейфу, от структурализма принципиально не отличается. В 1960-е и 1970-е Чейф прокладывал свою дорогу в науке, например в 1973 г. начал вести курс «Язык и познание». Не имея взаимопонимания с лингвистическим мейнстримом, он пытался установить контакт с психологами, но обнаружил, что они, за редкими исключениями, не интересуются естественными явлениями, а лишь проводят «контролируемые» эксперименты.

Глава 2 «Базовые правила» формулирует основные принципы, используемые автором в книге. Он указывает на два основных источника человеческого понимания любого явления: наблюдения над данными и теоретические обобщения. Это верно и для обыденного, и для научного мышления. Чейф придает большое значение интроспективному наблюдению, вопреки бихевиористской традиции во всех ее вариантах. «В течение XX в. среди недопустимых приемов почетное первое место было присвоено интроспекции, которую эта книга бесстыдно восстанавливает в правах как важнейший ресурс» [Chafe 2018b: 14–15]¹. Также Чейф подчеркивает важность сознания — ключевого элемента его подхода начиная с 1970-х гг. Сознание — это «интроспективно опознаваемое ментальное состояние, чьи свойства могут помочь нам лучше понять множество явлений — как языковых, так и иных» [Ibid.: 16]. Чейф не отрицает важность неосознанного, но настаивает, что поток мысли является сознанием и доступен интроспективному наблюдению. Я знаю, что именно я сейчас думаю. Как мысль, так и сознание постоянно движутся и меняются. Сознание похоже на зрение — оба процесса имеют фокус и периферию. Завершающий пункт, освещаемый в главе, — важность языкового разнообразия. В книге Чейф опирается на данные не только английского языка, но также и полисинтетических индейских языков — ирокезских (в первую очередь сенека) и каддо. Каждый язык оригинальным образом организует и выражает мысль, но в современном мире ресурс языкового разнообразия стремительно тает.

Часть II «Мысли и их свойства» состоит из шести глав. В главе 3 «Первичность мыслей» Чейф говорит об известном уклоне лингвистики в письменную форму языка и о не менее очевидном уклоне в звук, в ущерб изучению мысли. Не только фонемы, но и такие языковые единицы, как морфемы, слова, предложения и т. д., редко рассматриваются с точки зрения того, как они помогают оформлять мысль. Конечно, значение изучается, но значения рассматриваются как атрибуты слов. Лингвистика нуждается в смене приоритетов.

Мы проводим свою жизнь в размышлениях. Этот процесс остается загадочным и малоизученным. Когда мы не только думаем, но и говорим, мы сопрягаем (pair) наши мысли с теми или иными звуками. Как все это происходит? Этим вопросам и посвящена глава 4 «Путь от мысли к звуку». Базовый тезис Чейфа: «Организация мыслей и их сопряжение со звуками — это и есть определение языка» [Chafe 2018b: 27]. Сопряжение мыслей может нарушаться, например в ситуации «слово вертится на кончике языка», и эта ситуация воспроизводится как нарушение. Чейф предлагает общую U-образную схему языка, напоминающую его давние работы. В этой схеме мысль преобразуется в семантическую и далее в синтаксическую структуру, затем происходит символизация в абстрактное фонологическое представление, которое в свою очередь преобразуется в поверхностную фонологию и затем в звук. Семантическая структура нужна потому, что нужно свести бесконечное разнообразие мыслей к обозримому набору. Синтаксис во многом является результатом диахронического преобразования семантической структуры. Синтаксическое структурирование отчасти является результатом «семантических изменений, которые не сопровождаются параллельными изменениями в звуке, что ведет к отсутствию прямого сопряжения мыслей и звуков. Синтаксические структуры могут отклоняться от прямого соответствия мысли множеству способов» [Ibid.: 30]. Аналогично абстрактная и поверхностная фонология различаются в силу языковых изменений.

В главе 5 «Как устроены мысли» Чейф проводит дихотомию между содержанием (content) мысли и потенциально сопровождающим это содержание аффектом, включая эмоции. Содержание выражается в основном сегментным материалом, аффект — просодией. В рамках содержания Чейф различает идеи, или концепты, и способы ориентирования идей (об ориентировании см. ниже при изложении V части книги). Идеи бывают трех типов: события, состояния и сущности (= вещи, референты). Идеи ориентированы

¹ Здесь и далее перевод наш. — А. К.

в пространстве, времени, эпистемологии, эмоциях, социальных взаимодействиях, контексте. Противопоставление событий / состояний, с одной стороны, и сущностей, с другой, лежит в основе универсального различия глаголов и существительных, которое иногда подвергалось сомнению (например, в вакашских и салишских языках), однако впоследствии все же подтвердилось. События / состояния постоянно сменяются в сознании, а сущности могут быть более устойчивыми. Сущности концептуально автономны, а события / состояния предполагают участвующие в них сущности. Чейф дает обзор основных систем, встречающихся в языках мира для выражения отношений сущностей к событиям / состояниям, то есть описывает системы ролевой кодировки (arrangements в терминологии автора) — аккузативную, эргативную, агентивно-пациентную. Все эти системы имеют конкретно-языковую семантическую основу, например в аккузативной системе субъект ассоциирован с функцией «исходный пункт», определяемой на основе категории данное / доступное / новое.

В главе 6 «Как ощущаются (are experienced) мысли» Чейф обсуждает базовый вопрос: а что такое «думать»? Для многих ответ на этот вопрос таков: мысль — это внутренняя речь. Однако есть люди, которые склонны и способны к мысли «без языка». Согласно исследованиям психолога Р. Дэй, есть индивидуальные различия между людьми с доминированием вербальной мысли и людьми, у которых вербальная мысль носит второстепенный характер. Чейф высказывает смелое предположение, что среди лингвистов преобладают люди первого типа, и возможно это влияет на доминирующие направления науки о языке. Известно, что некоторые мысли выразить оказывается трудно. В обычной речи присутствует много речевых сбоев и самоисправлений, указывающих, что удовлетворительная вербализация сразу не находится. По мнению Чейфа, существенная часть мыслей, которые мы испытываем, остается в сыром состоянии, недоступном для непосредственной репрезентации языком, но выражаемом жестами или просодией; это явление иногда именуется аноэтическим сознанием. Имеется ряд высших форм мысли, явно выходящих за пределы языка, в том числе образное мышление художников и музыкантов. Слабо изучена беззвучная речь «про себя», которая вероятно варьирует от отдельных идей событий / состояний и сущностей до вполне вербализованных структур. (Здесь меня несколько удивило, что Чейф не упоминает исследования Л. С. Выготского [Выготский 1934 / Vygotsky 1986].) В завершение главы Чейф пересказывает ряд старых психологических исследований, демонстрирующих, что мысли понимаются и помнятся значительно лучше, чем собственно языковые структуры.

У человека есть фундаментальная потребность делиться мыслями, и для ее реализации нужно внешнее средство. В главе 7 «Как передаются (are shared) мысли» обсуждается вопрос: почему для этой цели используется звук? Чейф предлагает два ответа — потому что звук обладает способностью быстро улетаиваться, в соответствии со скоростью течения мысли, и потому что преобразование в звук заставляет людей организовывать мысли в такой степени, которая не обязательна при приватном мышлении «про себя». Звук, таким образом, помогает и коммуникации, и оформлению мысли. (Чейф оговаривается, что есть и не звуковые языки — жестовые языки глухих.) В ходе развития цивилизации было также изобретено письмо, выступающее как альтернативный носитель мысли. Создание письменного сигнала намного медленнее, чем устная речь, и допускает варьирование темпа и постредактирование. В письменной речи присутствует скрытая просодия — пока что слабо понятый феномен. Особенно сложное явление — чтение вслух. При чтении вслух фокусируются больше на звуке, чем на мыслях, синтаксис и просодия не возникают естественным образом, часто звучат искусственно или неуместно. Поэтому чтение вслух трудно для восприятия слушателем, что бывает заметно на научных конференциях.

Глава 8 «Как мысли протекают во времени (flow through time)» начинается с цитаты из Уильяма Джеймса, знаменитого американского психолога конца XIX — начала XX в., который уже знал о сегментации потока сознания и соответствующей сегментации речи. (Надо отметить, что Чейф неоднократно цитирует Джеймса, от чьих идей психология

XX в. сильно отклонилась, и эти цитаты звучат очень современно; см. [James 1890].) Мысль движется толчками, шагами или импульсами, и при устной речи это отражается и в синтаксисе, и в просодии. К просодии Чейф относит четыре основных компонента: тон, громкость, тайминг и качество голоса. Просодия может выражать эмоции, но также она служит оформлению шагов мысли. Падающий тон выражает завершение мысли или цепочки мыслей, в отличие от восходящего тона, указывающего на ожидаемое продолжение. Устная речь организована в виде цепочки интонационных единиц (ИЕ) длительностью 1-2 секунды (за вычетом пауз). ИЕ имеют когерентный тональный контур, между ними типично располагаются пограничные паузы, в начале ИЕ наблюдается ресет тонального уровня и ускорение, а к концу замедление и затихание, иногда со скрипучим голосом. Есть искушение считать, что каждая ИЕ — следствие выдоха, а затем следует пауза для вдоха. Однако ИЕ настолько быстрые, что связывать их с необходимостью дышать, по мнению Чейфа, неверно. Чейф анализирует ряд примеров, в которых ИЕ обозначают разновидности событий (действия и изменения состояний), состояния, а также части мыслей. Относительно сложная мысль, определяемая Чейфом как «центр интереса», реализуется в виде цепочки ИЕ, каждая из которых выражает минимальную мысль; эта цепочка характеризуется как «просодическое предложение». Чейф также рассматривает более объемное понятие дискурсивного топика, организуемого в виде иерархической структуры. Эта многоуровневая модель реализуется не только в речи, но и в музыке — как классической европейской, так и у индейцев сенека: фразы являются аналогами ИЕ, строки — аналогами предложений, фрагменты произведений — аналогами топиков и субтопиков.

Часть III «Иллюстрируем вербализацию» содержит две главы. Глава 9 «От мысли к звуку в английском языке» представляет собой мастерскую демонстрацию того, как все в языке взаимодействует и как работает предлагаемый Чейфом подход. Глава основана на анализе одного устного предложения *Yeah we're gonna go hang out there* 'Да мы собираемся пойти там потусоваться', сказанного студенткой Джейн по телефону ее приятелю Фреду — от формирования исходной мысли до результирующей звуковой формы. Структура мысли включает идеи события, локации и участников, которые были активированы в уме Джейн при произнесении указанной фразы. Новой информацией является лишь идея события, остальное — данное, поэтому вербализуется очень кратко (*we, there*). Категория данного основана на моделировании мыслей собеседника, и степень такого моделирования варьирует от максимальной эмпатии до максимального солипсизма. Чейф подробно описывает переход от идеи события к семантической репрезентации события, включая такие этапы, как отбор (что именно говорящий решает включить в семантическую структуру), категоризация (отнесение конкретного экземпляра идеи к категории — в данном случае *hang out*), ориентирование (новизна идеи для адресата, будущее время, андатив) и комбинирование (соединение идей события, локации и участников в единую структуру). Далее семантическая структура преобразуется в синтаксическую. Согласно Чейфу, синтаксис как промежуточный уровень между семантическим и фонологическим представлениями возникает из-за диахронических изменений языка, включая идиоматизацию и грамматикализацию. В синтаксисе есть семантически релевантные элементы, а есть такие, чья связь с мыслью искажена и чье объяснение может быть найдено лишь в истории, как например в случае выражения *hang out*. Синтаксическое представление преобразуется через процесс символизации в абстрактную фонологию, последняя в эксплицитную (*overt*) фонологию и далее в звук. Просодия и жесты, в отличие от сегментной фонологии, символизируют семантику напрямую — без посредства синтаксиса и абстрактной фонологии. В целом по этой главе можно судить обо всей интегральной модели языка, предлагаемой Чейфом.

В главе 10 «От мысли к звуку в полисинтетическом языке» Чейф анализирует данные ирокезского языка сенека, типологически максимально далекого от английского. Снова рассматривается одно высказывание, весьма похожее на то, которое было исследовано в главе 9: *Hëyagujǎ́šə:nǒ́* 'Мы ходим туда в гости'. Как это характерно для

полисинтетических языков, данное предложение представляет собой одну глагольную словоформу. Здесь непосредственно воплощается принцип, согласно которому идеи событий включают идеи сущностей. В языке этого типа большую роль играет морфология, и в схемах Чейфа вместо синтаксиса здесь фигурирует морфосинтаксис. Основа глагола выбирается на основе процесса категоризации события, морфологические элементы возникают как требуемые языком типы ориентирования события, такие как андатив и удаленность. Преобразование абстрактной фонологии в поверхностную может быть понято благодаря внешней и внутренней реконструкции, а также словарям сенека, составленным еще в начале XVIII в. По мнению Чейфа, носители не генерируют сложные словоизменяемые формы глаголов на основе сложных правил, а помнят многие словоформы либо опираются на аналогические паттерны *ad hoc*.

Часть IV «Смежные вопросы» состоит из четырех глав, посвященных различным аспектам репрезентации мысли. В главе 11 «Парадокс перевода» обсуждается очевидная, но трудная проблема: если языки организуют мысль по-разному, как возможен перевод? Согласно Чейфу, перевод возможен до определенной степени. Проблема перевода — в различиях между семантическими структурами языков. В качестве примера Чейф рассматривает перевод фрагмента дискурса с сенека на английский и показывает возникающие трудности. В частности, семантические элементы, содержащиеся в значениях глагольных основ сенека, могут отсутствовать в значениях наиболее подходящих английских глаголов. В сенека нет категорий времени, но в английском переводе грамматики времени приходится добавлять. «Проблемы возникают от несовместимых способов категоризации идей, от различных теневого значений (...) и от способов ориентирования идей, не имеющих прямых эквивалентов» [Chafe 2018b: 97]. В заключительной части главы Чейф обсуждает фактор забывания: по прошествии времени можно не помнить, на каком языке ты услышал или выразил мысль. Вначале помнятся детали вербализации, затем часть категоризаций и ориентировок стираются, в итоге может остаться лишь общее эмоциональное впечатление.

В главе 12 «Повторная вербализация одной и той же мысли» обсуждается вопрос о том, в какой степени различается выражение мысли субъектом в разные моменты его жизни. Мысли относительно независимы от того, как они выражаются, и простор для выбора способов вербализации велик. Эта тема рассматривается Чейфом на примерах повторных рассказов на английском языке и на индейском языке каддо. Так, английская рассказчица по имени Памела, говоря об инциденте рядом с ее домом, употребила выражение «Я заметила парня, который прошел мимо», а спустя 15 месяцев, пересказывая тот же эпизод, сказала «Я заметила, что кто-то прошел за моим задним окном». В разных случаях говорящий использует разные семантические структуры, тем самым выделяя различные аспекты мысли.

Глава 13 «Переосмысливая Уорфа» посвящена известному вопросу о том, в какой степени языки навязывают своим носителям разное восприятие реальности. Этот вопрос имеет большую историю, до Сепира и Уорфа об этом писали Гердер, Гумбольдт, Штейнталь. По мнению Чейфа, часто встречающаяся резкая критика Уорфа основана на непонимании: на мысль влияет не синтаксис, а семантическая структура. Языки дают своим носителям разные семантические ресурсы, и вопрос в том, в какой мере это влияет на структуру мысли. Случаи влияния явно есть. Например, в сенека отец, его братья и кузены — это единая категория. Однако эта категория возникла не сама по себе, а в результате осмысления внешнего опыта. (По какой-то причине Чейф здесь избегает слова «культура».) Таким образом, имеют место два этапа. «На первом этапе как мысль, так и семантическая структура формируются внешним окружением, но когда категория стала частью языка, она уже в обратную сторону влияет на то, как люди думают и действуют. Первый этап независим от того, что предлагал Уорф, а второй этап подтверждает его предложения» [Chafe 2018b: 108]. Значимые различия между языками могут касаться как категорий, так и ориентирования идей, например при использовании дискурсивной частицы в сенека, которая

означает неполную уверенность говорящего в излагаемом описании событий и с трудом переводима на английский.

Глава 14 «Уроки литературы». Когда человек бодрствует, он постоянно думает. Известен феномен блуждания мыслей, лежащий в основе творчества, включая фольклор и «устную литературу». После возникновения письменной литературы авторы получили большую свободу в обдумывании и исследовании мыслей персонажей. Есть два основных способа представления мыслей: мимесис (изнутри сознания персонажа) и диегесис (с внешней позиции). Мимесис иллюстрируется примерами из рассказа Дж. Джойса и романа Э. Уортона, а диегесис — примерами из романа Дж. Элиот. В рамках каждого из этих двух способов мысль может представляться как аноэтическая (на грани сознания), невербализованная или полностью вербализованная.

В состав части V «Распространенные способы ориентирования мыслей» входят четыре главы. В главе 15 «Малые числа и субитизация» рассматривается проблема оценки количества по данным разных наук. Языки значительно различаются с точки зрения обязательности выражения числа: отсутствие категории числа, единственное vs. множественное, единственное vs. двойственное vs. множественное, есть системы с тройственным и паукальным числом. Судя по языковым данным, малые числа (до трех или четырех) обрабатываются быстро и уверенно, а большие числа требуют более сложной последовательной обработки или примерной оценки. В психологии изучен феномен субитизации — мгновенной точной холистической оценки до трех или четырех; при больших количествах нужно привлечение специальных ресурсов внимания с подвижным фокусом. Это согласуется с лингвистическими знаниями о движении сознания от одного фокуса к другому. При субитизации один фокус сознания обрабатывает всю группу целиком. По-видимому, в мыслительной структуре есть категории штуки, двойки и тройки, однако эти категории не обязательно выражаются в любом языке. Данные из разных наук дополняют друг друга и позволяют построить общие представления о мыслительных процессах.

Глава 16 «Мысль и род» посвящена вопросу о том, как языки трактуют различие по полу. Так, в системе глагольных аффиксов сенека, где имеется мужской, женский и средний роды, женский род нейтрализуется со средним в двойственном и множественном числе, а также может заменяться на средний в единственном числе, если имеется в виду нетипичная женщина, в том числе большая или агрессивная. Мужская категория значительно более заметна в системе глагольных аффиксов. Как эти морфологические факты связаны с представлением о поле в ирокезском обществе? О традиционной ирокезской культуре больше всего известно в отношении племени гуронов, впоследствии исчезнувшем. У гуронов четко различались гендерные функции, и мужчины в этой системе были значительно более выделены и заметны. (Хотя, разумеется, социальные функции женщин также были крайне важны.) Согласно выводам Чейфа, культурный паттерн мотивирует языковой паттерн, но не детерминирует его.

Глава 17 «Время, грамматическое время, память и воображение». Время недоступно в ощущениях — это не сущность и не событие. Мы лишь выводим существование времени из нашего опыта, часто метафорически осмысляем его через пространство. Некоторые языки выражают время (time) при помощи грамматического времени (tense). Более сложные смыслы, связанные с временем (такие, как прогрессив или перфект), называют аспектами. Прошлое мы понимаем при помощи памяти, будущее — при помощи воображения. Есть языки с метрическим временем, по-разному трактующие разную удаленность от настоящего в прошлом и в будущем. В основе этого явления лежит тот факт, что мы по-разному ощущаем воспоминания о произошедшем только что, или вчера, или в прошлом году; аналогично с предвосхищением будущего. Люди испытывают не время как таковое, а разные воспоминания и ожидания, с качественными различиями. Настоящее — это не точка, а небольшой интервал, соизмеримый с длительностью фокуса сознания и, соответственно, интонационной единицы (1-2 секунды). Мысли, имеющиеся в настоящем,

базируются на актуальном восприятии среды, а также на многообразных перемещенных (displaced) источниках, включая собственный опыт, собственные ожидания, полученные от других знания и воображение. Это различие подтверждается сведениями из нейронаук о разных режимах работы мозга — для актуальной и перемещенной мысли. Чейф пересказывает свое исследование 1973 г. о порядке и просодии временных наречий, в котором он различал поверхностную, мелкую и глубокую память, и аналогично три уровня ожиданий. В частности, там было отмечено, что самые недавние события не маркируются временными наречиями. Чейф с юмором цитирует работу Э. Даля 1984 г., в которой автор уже тогда отмечал, что пора было бы психологам, всерьез исследующим память, обратить внимание на идеи Чейфа и проверить их своими методами. Чейф также анализирует немногочисленные работы по психологии памяти, которые он считает интересными, но при этом констатирует, что разрыв между лингвистикой и центральными течениями современной психологии памяти огромен, поскольку психология памяти в основном сконцентрировалась на искусственных данных, весьма косвенно связанных с сутью этой человеческой способности.

Глава 18 «Как идеи связываются с реальностью» посвящена эпистемологии, включая эвиденциальность и уверенность («certainty», термин Боаса). В североамериканском языке винту (описанном в работе Д. Д. Ли 1938 г.) фразу типа *Гарри рубит дрова* можно передать пятью способами, в зависимости от того, откуда о данном факте известно говорящему: от другого человека; из зрительного наблюдения; по слуху или другим косвенным данным; на основе логического вывода (Гарри нет дома); по более общим знаниям (Гарри всегда рубит дрова в это время дня). Все эти разные смыслы передаются в рамках глагольной морфологии. Во многих языках изобилуют маркеры эвиденциальности, и это явление хорошо изучено. Что касается уверенности, то в сенска представлена трехчастная шкала: фактическое, предиктивное и гипотетическое, а в каддо — различие между реалисом и ирреалисом; ирреалис включает такие контексты, как вопрос, отрицание, прохибитив, деонтическое должествование, условие, уподобление, редкость и миратив.

Часть VI «Эмоциональный компонент мысли» содержит три главы. Глава 19 «Эмоциональная вовлеченность в разговоре» в основном посвящена просодии. Согласно Чейфу, функции просодии сводятся к оформлению единиц (слов, фраз и т. д.) и отношений (например, ожидание продолжения, выражаемое восходящим тоном), а также оценке элементов мысли с точки зрения выделенности (новое, контраст, эмфаза) и с точки зрения эмоций. Из этих четырех функций первые три являются постоянными и обязательными, а четвертая может не выражаться в случае эмоциональной отстраненности. Когда эмоции выражаются, это делается за счет таких компонентов просодии, как тон, громкость, тайминг и качество голоса. Рассматриваются такие явления, как восходяще-нисходящий контур, пик интенсивности, пословная акцентуация и др. В отличие от мыслей, которые обычно чередуются каждые 1-2 секунды, эмоции имеют более длительный характер и могут распространяться на целую цепочку мыслей.

В главе 20 «Чувство несерьезности» вкратце излагается основное содержание книги [Chafe 2007]. Чувство несерьезности похоже на другие эмоции: длится дольше, чем обычные мысли, легко передается от человека к человеку, трудно объясняется вербальными средствами. На этом чувстве основано явление юмора. Юмор подразумевает сочетание двух компонентов: абсурдности и псевдоправдоподобия. Чувство несерьезности связано со смехом, то есть спазматическим усиленным выдыханием воздуха через гортань. Смех формально различается по скорости, ускорению, звонкости, использованию носовой полости, может чередоваться или сочетаться с речью. Ослабленные формы смеха — усмешка и улыбка. Смех необязательно связан с чувством несерьезности, а чувство несерьезности может и не выражаться смехом. Чувство несерьезности смягчает неприятные переживания и помогает жить, оно часто используется в несмешных ситуациях, связанных с утратой, сожалением, смущением и т. д. Это чувство приятно и заставляет людей к нему стремиться.

Глава 21 «Как язык может быть красивым» начинается с цитаты из Р. Якобсона [Jakobson 1990], считавшего, что поэтика — часть лингвистики; Чейф поясняет, что под поэтикой в данном случае понимается исследование эстетической функции языка в целом. По мнению Чейфа, лингвистика уделяла мало внимания литературе; в этом месте проявляется американская перспектива Чейфа — подобное трудно было бы сказать, находясь внутри европейской или тем более российской традиции. Вопросы, которые рассматриваются в главе, таковы: что такое красота, как она создается, и как это делается при помощи языка? Согласно Чейфу, красота — это свойство, вызывающее явный эмоциональный ответ, который может различаться с точки зрения интенсивности, индивидуальных и культурных предпочтений. Красота связана с трансцендентностью, т. е. уходом от обычных впечатлений. Также важны отвлечение от лишних деталей и некая апелляция к воображению. Это можно показать, обращаясь как к красоте природы, так и, например, к красоте поэзии; в качестве поэтических иллюстраций Чейф использует стихи Р. Фроста и Э. Дикинсон. Поэзия организована в соответствии с паттернами размера и рифмы, что сводит хаос обычной просодии к регулярному и экономному — признакам трансцендентности. Что же касается мысленной стороны поэзии, то она связана с приглашением посетить сознание поэта, включающее необычные образы. В прозе мысленная сторона играет основную роль. На примере прозы Джойса Чейф показывает примеры трансцендентного ухода от обыденности.

В кратком эпилоге Чейф скромно характеризует себя как специалиста по индейским языкам, также интересовавшегося работой ума. В ходе своей биографии он оказался в противоречии с доминантными тенденциями лингвистики — структурализмом, затем еще более узким генеративизмом, а также и когнитивным подходом, которому тоже не хватало глубины и широты. «Данная работа направлена на важность признания *мысли* как фундаментальной части в строении языка» [Chafe 2018b: 185]. Чейф отмечает несколько направлений, которые особенно нуждаются в дальнейшем развитии, в том числе: различие между людьми с доминированием и без доминирования вербальной мысли; проблему аноэтического мышления; иерархическую структуру языка и музыки; роль просодии в выражении эмоций; устройство мозга; взаимодействие лингвистики со смежными науками.

У меня есть лишь несколько комментариев о том, чего мне не хватило в итоговой книге Чейфа. Первый из них, как ни странно, касается просодии. Хотя Чейф является одним из наиболее значимых ученых, привлечших внимание современной лингвистики к просодии, его видение просодии несколько сужено, и в нем отсутствуют такие компоненты, как использование многочисленных резонаторов, движения гортани, регистры, тембры, напряженности. (Чейф даже пишет, что просодия в основном реализуется в гортани и в легких [Chafe 2018b: 57].) Всё это отражено в пионерских исследованиях С. В. Кодзасова, резюмированных в книге [Кодзасов 2009], и в этом месте можно лишь в очередной раз пожалеть о языковом барьере, сильно влияющем на развитие науки.

Во-вторых, я был несколько удивлен, что в книге Чейфа ни разу не встретилось слово «прагматика», хотя спектр явлений, изучающихся в рамках этой комплексной дисциплины, сильно пересекается с вопросами, интересующими Чейфа. В целом ряде мест Чейф прямо касается прагматической проблематики, например когда он обсуждает различие между эксплицитным (*overt*) и имплицитным (*tacit*) знанием на с. 87, ссылаясь лишь на книгу химика и философа М. Поланы [Polanyi 2009]. При описании операции отбора в главе 9 было бы естественно упомянуть максимы Грайса и теорию речевых актов. Это не только вопрос наличия или отсутствия ссылки на те или иные идеи, это содержательный вопрос. Например, при произнесении предложения, рассматриваемого в главе 9, мысль (коммуникативный мотив) Джейн могла состоять в том, чтобы задеть Фреда, или наоборот его успокоить, и нам нужно понимать в том числе переход от этого глубинного мотива к той формулировке мысли, которую предлагает Чейф.

В-третьих, при обсуждении диахронических изменений языка, обуславливающих различие между абстрактной и эксплицитной фонологией в главах 9 и 10, Чейф никак не касается причин языковой эволюции и мотивированности конкретных языковых изменений; см., например, [Labov 1994; 2001; 2010].

В-четвертых, с концепцией Чейфа хорошо бы сочеталась идея точек роста (growth point) Макнила [McNeill 1992], то есть еще не оформленных мыслей, которые могут преобразовываться как в вербальные структуры, так и в жесты. При этом надо отметить, что Чейф, хотя и пишет о вокальной стороне языка, фоново учитывает и сопровождающую речь жестикуляцию, и жестовые языки, и в ряде мест кратко оговаривает соответствующее развитие его подхода.

В целом Чейфу удалось на 186 страницах основного текста книги отразить в виде удивительно когерентной картины всю основную проблематику лингвистики, пограничные с соседними дисциплинами проблемы и перспективы дальнейших исследований. Статьи и книги под рубриками «язык и сознание» или «язык и мышление» часто воспринимаются лингвистами с недоверием, и отчасти это обоснованно, ибо под этими ярлыками то и дело фигурируют лишь общие и недостаточно проработанные рассуждения. В отличие от подобных рассуждений, работа Чейфа предельно конкретна и основана на предметном знании огромного и разнообразного материала. В книге обсуждаются и во многом решаются самые фундаментальные вопросы лингвистики. Надо сказать, что в настоящее время нет избытка площадок для подобного глубокого эмпирически обоснованного обсуждения, чаще рассматриваются либо мелкие детали, либо малоправдоподобные и преходящие абстрактные теории. Любопытный лингвист, читая книгу Чейфа, может найти в ней ростки новых направлений, которые являются магистральными для будущей науки и ждут серьезной разработки.

Несомненно, в итоговой книге Чейфа многое идет из его предыдущих работ, включая раннюю книгу [Chafe 1970], знаменитые «Рассказы о грушах» [Chafe (ed.) 1980] и особенно фундаментальную книгу [Chafe 1994] (см. рецензию [А. А. Кибрик 1994]). Исключительно полезно, что Чейф повторил важные тезисы из книги 1994 г. Благодаря этому стало понятным, что по сравнению с той книгой осталось неизменным знание, а что подверглось более позднему уточнению.

Следует отметить, что в американской лингвистике Чейф был едва ли не первым ученым, кто начал предметно развивать идею связи языка и мысли, ср. его статьи [Chafe 1973; 1974]. Это произошло значительно раньше, нежели направление, позже получившее название «когнитивная лингвистика», оформилось и стало заметным. Также бросается в глаза редкая интеллектуальная независимость Чейфа, которую он проявлял на протяжении всей своей научной карьеры. У него не так много прямых продолжателей, и он явно не стремился к самопродвижению, к созданию своей школы или парадигмы. В истории лингвистики он остается одиноко стоящей горой, которую видно со всех сторон.

Чейф оказал большое влияние на российскую лингвистику, причем еще в советское время, несмотря ни на какие железные занавесы. Как было отмечено выше, это случилось уже в связи с публикацией [Чейф 1975]. Очень знаменитой стала и статья [Chafe 1976 / Чейф 1982], во многом предвосхитившая идеи книги [Chafe 1994]. В 1980-е гг. отечественные лингвисты уже знали о «Рассказах о грушах», а в последние годы была проведена целая серия исследований, в которых «Фильм о грушах» был использован в качестве стимульного материала. Следует отметить также публикацию [Чейф 2015], которая в сжатом виде анонсировала обсуждаемую здесь книгу. Наконец, стоит упомянуть переключку идей с отечественными лингвистами на раннем этапе когнитивно ориентированных исследований языка. Так, статья [Звегинцев 1996] (написана в начале 1980-х гг.) во многом состоит из обсуждения идей Чейфа. В статье [А. Е. Кибрик 1983] был предложен постулат

о необходимости моделей языка типа «Мысль — сообщение». Конечно, интеллектуальные контакты отечественных ученых с идеями Чейфа продолжались и в более позднее время.

Читать итоговую книгу Чейфа очень приятно. Среди крупных лингвистов не так много мастеров стиля, и Чейф явно относится к их числу. Ему всегда удается найти оптимальный баланс между краткостью и достаточностью, между дедукцией и индукцией, между строгостью и выразительностью. Интересно, что средняя длина главы в книге — около 8–9 страниц, и на этом пространстве Чейфу во всех случаях удалось сказать главное по обсуждаемой теме.

Книга Чейфа имеет долгосрочную ценность. Работы такого уровня значимости появляются крайне редко. Поэтому автор данного обзора надеется, что существенная задержка в его публикации не является критически важной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Выготский 1934 — Выготский Л. С. *Мышление и речь*. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. [Vygotsky L. S. *Myshlenie i rech'* [Thought and language]. Moscow; Leningrad: Sotsekiz, 1934.]
- Звегинцев 1996 — Звегинцев В. А. Язык и знание. *Мысли о лингвистике*. Звегинцев В. А. М.: Изд-во Московского ун-та, 1996, 190–207. [Zvegintsev V. A. Language and knowledge. *Mysli o lingvistike*. Zvegintsev V. A. Moscow: Moscow Univ. Press, 1996, 190–207.]
- А. Е. Кибрик 1983 — Кибрик А. Е. Лингвистические постулаты. *Ученые записки Тартуского гос. ун-та*, 1983, 621 (*Механизмы вывода и обработки знаний в системах понимания текста. Труды по искусственному интеллекту*): 24–39. [Kibrik A. E. Linguistic postulates. *Acta et commentationes Universitatis Tartuensis*, 1983, 621: 24–39.]
- А. А. Кибрик 1994 — Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу. *Вопросы языкознания*, 1994, 5: 126–139. [Kibrik A. A. Cognitive studies of discourse. *Voprosy Jazykoznanija*, 1994, 5: 126–139.]
- А. А. Кибрик, Федорова 2019 — Кибрик А. А., Федорова О. В. Памяти Уолласа Чейфа (03.09.1927–03.02.2019). *Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология*, 2019, 5: 211–216. [Kibrik A. A., Fedorova O. V. In memoriam: Wallace Chafe (Sept 3, 1927 — Feb 3, 2019). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2019, 5: 211–216.]
- Кодзасов 2009 — Кодзасов С. В. *Исследования в области русской просодии*. М.: Языки славянских культур, 2009. [Kodzason S. V. *Issledovaniya v oblasti russkoi prosodii* [Studies in Russian prosody]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]
- Чейф 1975 — Чейф У. *Значение и структура языка*. М.: Прогресс, 1975. Пер. с англ. [Chafe W. *Meaning and the structure of language*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1970. Transl. into Russian.]
- Чейф 1982 — Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XI. М.: Прогресс, 1982, 277–316. Пер. с англ. [Chafe W. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view. *Subject and topic*. Li C. N. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 25–55. Transl. into Russian.]
- Чейф 2015 — Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении. *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*. Кибрик А. А., Кошелев А. Д., Кравченко А. В., Мазурова Ю. В., Федорова О. В. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2015, 60–88. Пер. с англ. [Chafe W. Toward a thought-based linguistics. *Functional approaches to language*. Bischoff S. T., Jany C. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, 107–130. Transl. into Russian.]
- Chafe 1970 — Chafe W. *Meaning and the structure of language*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1970.
- Chafe 1973 — Chafe W. Language and memory. *Language*, 1973, 49: 261–281.
- Chafe 1974 — Chafe W. Language and consciousness. *Language*, 1974, 50: 111–133.
- Chafe 1976 — Chafe W. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view. *Subject and topic*. Li C. N. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 25–55.
- Chafe (ed.) 1980 — Chafe W. (ed.). *The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood: Ablex, 1980.
- Chafe 1994 — Chafe W. *Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.

- Chafe 2007 — Chafe W. *The importance of not being earnest: The feeling behind laughter and humor*. Amsterdam: John Benjamins, 2007.
- Chafe 2015 — Chafe W. *A grammar of the Seneca language*. Oakland (CA): Univ. of California Press, 2015.
- Chafe 2018a — Chafe W. *The Caddo language: A grammar, texts, and dictionary based on materials collected by the author in Oklahoma between 1960 and 1970*. Petosky (MI): Mundart Press, 2018.
- Chafe 2018b — Chafe W. *Thought-based linguistics: How languages turn thoughts into sounds*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018.
- Jakobson 1990 — Jakobson R. *On language*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1990.
- James 1890 — James W. *The principles of psychology*. Vol. 1. New York: Henry Holt, 1890.
- Labov 1994 — Labov W. *Principles of linguistic change*. Vol. I: *Internal factors*. Oxford: Blackwell, 1994.
- Labov 2001 — Labov W. *Principles of linguistic change*. Vol. II: *Social factors*. Malden (MA): Blackwell, 2001.
- Labov 2010 — Labov W. *Principles of linguistic change*. Vol. III: *Cognitive and cultural factors*. Hoboken (NJ): Wiley-Blackwell, 2010.
- McNeill 1992 — McNeill D. *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1992.
- Polanyi 2009 — Polanyi M. *The tacit dimension*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2009.
- Vygotsky 1986 — Vygotsky L. S. *Thought and language*. Cambridge (MA): The MIT Press, 1986. Transl. from Russian.

Получено / received 06.05.2023

Принято / accepted 16.05.2023

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 17.08.2023 Дата выхода в свет 31.08.2023
Формат 70×100¹/₁₆ Уч.-изд. л. 15,5 Тираж 250 экз. Зак. 5/4а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

16+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1

Индекс Е39306

ISSN 0373-658X   Вопросы языкознания, 2023, № 4